

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

ВИЛЬЯМ
ШЕКСПИР

КОРОЛЬ ЛИР

АНТОНИЙ
И КЛЕОПАТРА

Вильям Шекспир
William Shakespeare
полное собрание сочинений
в 14 томах

WILLIAME SHAKESPEARE

complete works
in 14 volumes

KING LEAR
ANTONY AND CLEOPATRA

МОСКВА
«ТЕППА»—«ТЕРРА»
1995

ВИЛЬЯМ ШЕКСПИР

полное
собрание сочинений
том 10

КОРОЛЬ ЛИР
АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

МОСКВА
«ТЕРРА»—«TERRA»
1995

ББК 84.4 (Вл)
Ш41

Внешнее оформление художника
А. Машезерской

В оформлении издания использованы рисунки
Джона Джильберта (J. Gilbert), р. 1817,
Роберта Смирка, В. Ф. Ямса, И. Е. Репина,
А. Тадемы, Франка Дикси, В. Каульбаха
и других художников начала XVII — конца XIX веков,
а также материалы археологических раскопок

Издание подготовлено
АО «ФОРМИКА» (Санкт-Петербург)

Шекспир Вильям
Ш41 Полное собрание сочинений: В 14 т. Т. 10/ Ху-
дожник А. Машезерская. Примечания А. Смирно-
ва. — М.: ТЕРРА, 1995. — 544 с.: ил.

ISBN 5-85255-580-0 (т. 10)
ISBN 5-85255-192-9

В десятый том собрания сочинений включены трагедии
“Король Лир” и “Антоний и Клеопатра”. Тексты примечаний
составлены А. Смирновым.

Ш 4703010300-011 Подписное
А30(03)-95

ББК 84.4 (Вл)

ISBN 5-85255-580-0 (т. 10)
ISBN 5-85255-192-9

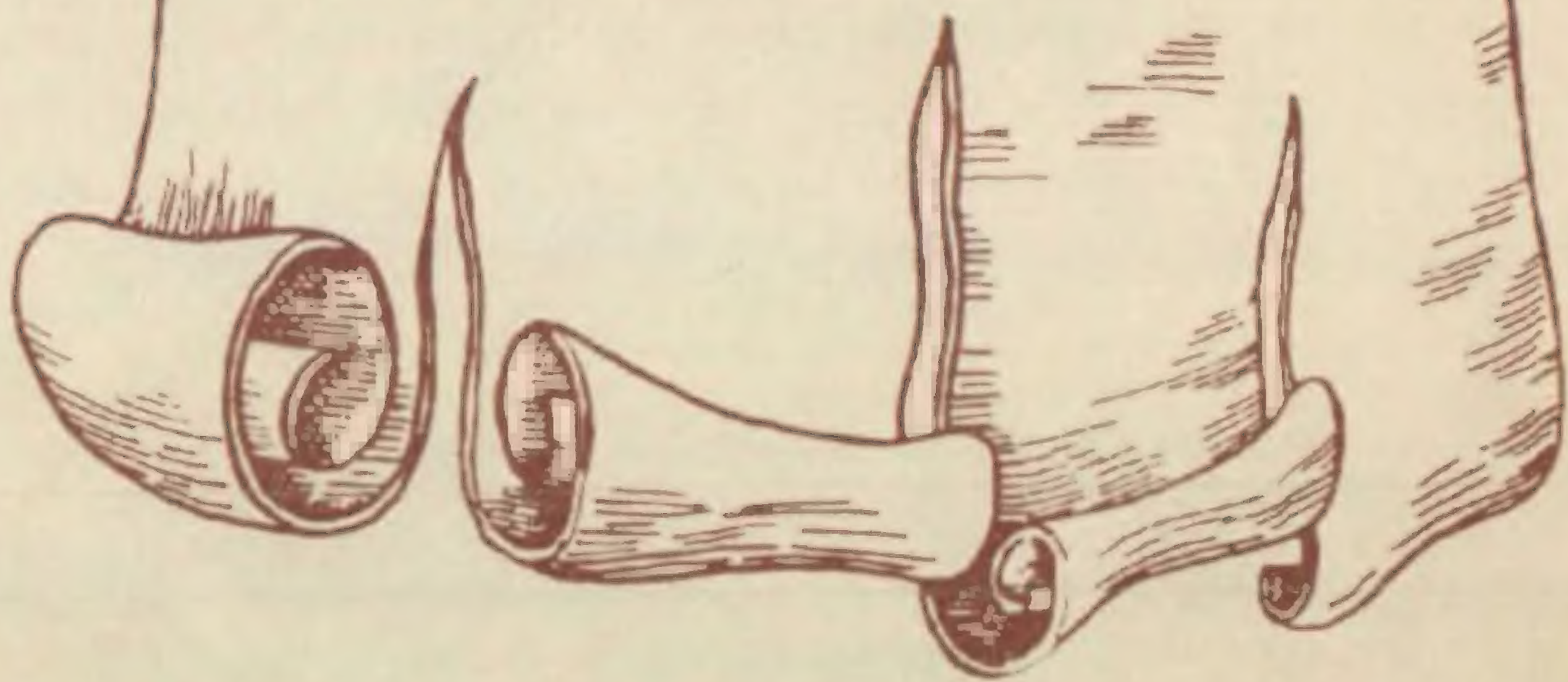
© Издательский центр «ТЕРРА», 1995

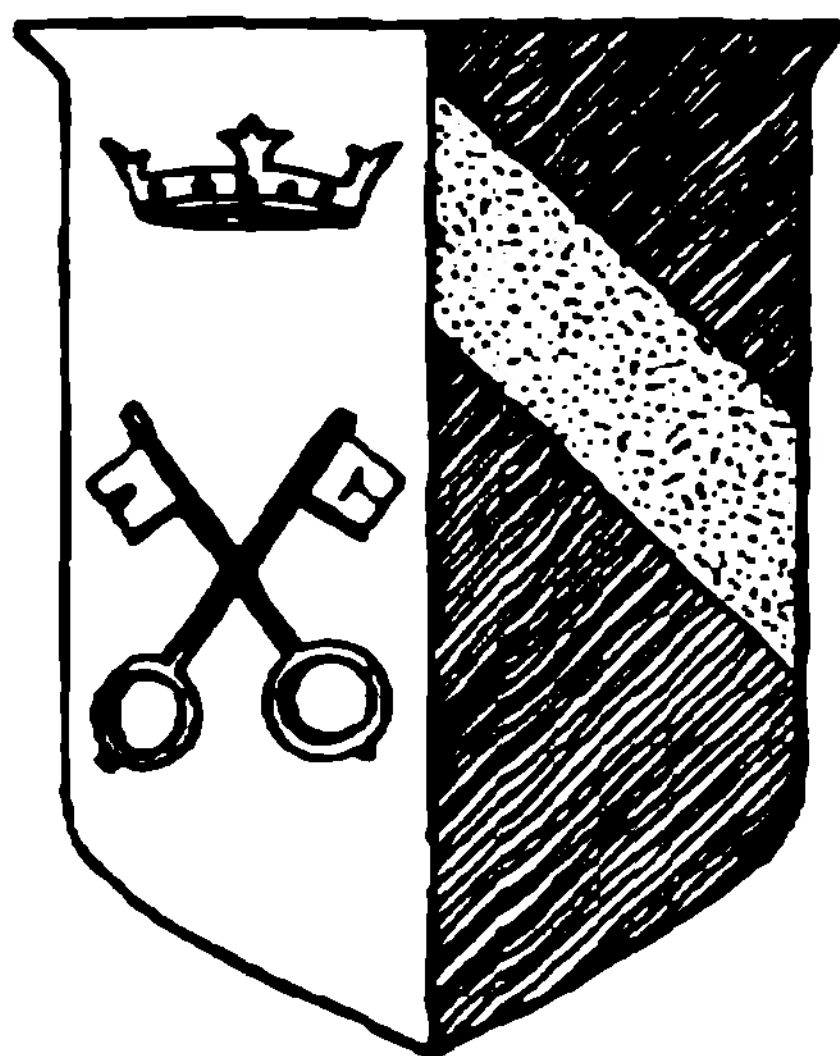

Король Лир

трагедия в V актах

Перевод Б. Пастернака

Действующие лица

Л и р, король Британии.

Король Французский.

Герцог Бургундский.

Герцог Корнуэльский (Корнуол).

Герцог Альбанский (Олбени).

Граф Кент.

Граф Глостер.

Эдгар, сын Глостера.

Эдмунд, побочный сын Глостера.

Куран, придворный.

Старик, арендатор у Глостера.

Врач.

Шут.

Освальд, дворецкий Гонерильи.

Офицер на службе у Эдмунда.

Придворный из свиты Корделии.

Герольд.

Слуги Корнуола.

Гонерилья

Регана

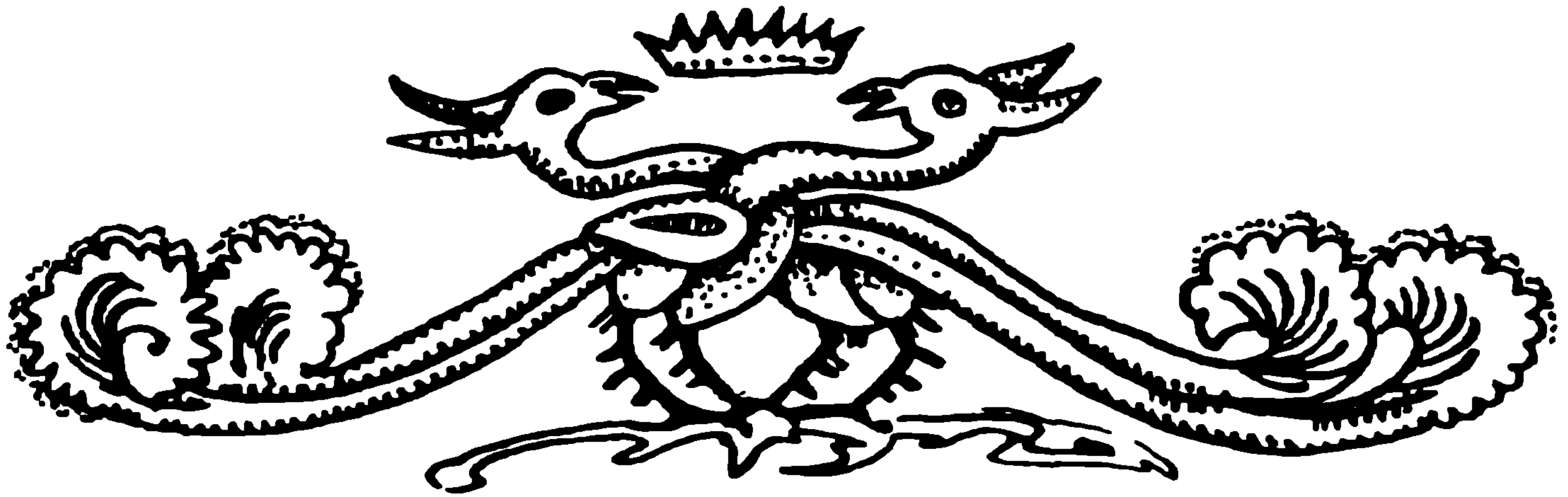
Корделия

дочери Лира.

Рыцари из свиты Лира, офицеры, гонцы, солдаты
и придворные.

Место действия — Британия.

*Время действия — легендарно относимое
к IX веку до нашей эры (3105 год от сотворения мира,
по Холиншеду)*

АКТ I

Сцена 1

Тронный зал во дворце короля Лира.

Входят К е н т, Г л о с т е р и Э д м у н д.

К е н т. Я думал, что герцог Альбанский нравится королю больше герцога Корнуэльского.

Г л о с т е р. Так нам всегда казалось. Но теперь, перед разделом королевства, стало неясно, кого он любит больше. Части так выравнены, что при самом внимательном разборе нельзя сказать, какая лучше.

К е н т. Это ваш сын, милорд?

Г л о с т е р. Я причастен, сэр, к его рождению. Я так часто краснел, признаваясь в этом, что постепенно перестал смущаться.

К е н т. Я не понимаю вас.

Г л о с т е р. Зато мать этого молодца поняла меня с первого взгляда и получила сына в люльку раньше, чем мужа в дом. Вы меня осуждаете?

К е н т. Нет, если в итоге получился такой бравый малый.

Г л о с т е р. У меня есть законный сын, сэр, на год с чем-то старше этого, который тем не менее ничуть мне не дороже. Хотя этот сорванец явился на свет без приглашения, мать его была красавица. Его рождению предшествовало много радостей, и я вынужден признать себя его отцом. — Знаешь ты, кто этот благородный господин, Эдмунд?

Э д м у н д. Нет, милорд.

Г л о с т е р. Это Кент. Помни и уважай графа. Это достойнейший друг мой.

Э д м у н д. Рад буду служить вашей светлости.

К е н т. Обещаю вам свою любовь, когда узнаю покороче.

Э д м у н д. Постараюсь заслужить ее, сэр.

Г л о с т е р. Он девять лет был в отъезде и скоро опять уедет... Сюда идет король.

Трубы за сценой.

Входят Лир, герцог Корнуэльский, герцог Альбанский,
Гонерилья, Регана, Корделия и свита.

Л и р

Сходи за королем Французским, Глостер,
И герцогом Бургундским.

Г л о с т е р

Хорошо,

Мой государь.

Глостер и Эдмунд уходят.

“Король Лир”. Заглавная виньетка, художник Джон Джильберт

Л и р

А мы вас посвятим
В заветные решенья наши глубже.
Подайте карту мне. Узнайте все:
Мы разделили край наш на три части.
Ярмо забот мы с наших дряхлых плеч
Хотим переложить на молодые
И доплестись до гроба налегке.
Сын Корнуол наш, и ты, любимый столь же
Сын Олбени, сейчас мы огласим,
Что мы даем за дочерьми, чтоб ныне
Предупредить об этом всякий спор.
Король Французский и Бургундский герцог,
Два знатных соискателя руки
Меньшой из дочек, тоже ждут ответа.
И так как мы с себя слагаем власть,
Права на землю и правленье краем,
Скажите, дочери, мне, кто из вас
Нас любит больше, чтобы при разделе
Могли мы нашу щедрость проявить
В прямом согласье с вашею заслугой.
Ты, Гонерилья, первой говори.

Г о н е р и л ь я

Моей любви не выразить словами.
Вы мне милей, чем воздух, свет очей,
Ценней богатств и всех сокровищ мира,

Здоровья, жизни, чести, красоты.
Я вас люблю, как не любили дети
Доныне никогда своих отцов.
Язык немеет от такого чувства,
И от него захватывает дух.

К о р д е л и я
(в сторону)

А что Корделии сказать? Ни слова.
Любить безгласно.

Л и р

Отдаем тебе

Весь этот край от той черты до этой,
С лесною тенью, полноводьем рек,
Полями и лугами. Им отныне
Владей навек с супругом и детьми.
Что скажет нам вторая дочь — Регана,
Жена Корнуола? Говори, дитя.

Р е г а н а

Отец, сестра и я одной породы,
И нам одна цена. Ее ответ
Содержит все, что б я сама сказала,
С той небольшою разницей, что я
Не знаю радостей других, помимо
Моей большой любви к вам, государь.

Корделия
(в сторону)

О, как бедна я! Нет, я не бедна —
Любовью я богаче, чем словами.

Лир

Даем тебе с потомством эту треть
В прекрасном нашем королевстве.

Ширью,

Красой и плодородьем эта часть
Ничуть не хуже, чем у Гонерильи.
Что скажет нам меньшая дочь, ничуть
Любимая не меньше, радость наша,
По милости которой молоко
Бургундии с лозой французской в споре?
Что скажешь ты, чтоб заручиться долей
Обширнее, чем сестрины? Скажи.

Корделия

Ничего, милорд.

Лир

Ничего?

Корделия

Ничего.

Л и р

Из ничего не выйдет ничего.
Так объяснись.

К о р д е л и я

К несчастью, не умею
Высказываться вслух. Я вас люблю,
Как долг велит, не больше и не меньше.

Л и р

Корделия, опомнись и исправь
Ответ, чтоб после не жалеть об этом.

К о р д е л и я

Вы дали жизнь мне, добрый государь,
Растили и любили. В благодарность
Я тем же вам плачу: люблю вас, чту
И слушаюсь. На что супруги сестрам,
Когда они вас любят одного?
Наверное, когда я выйду замуж,
Часть нежности, заботы и любви
Я мужу передам. Я в брак не стану
Вступать, как сестры, чтоб любить отца.

Л и р

Ты говоришь от сердца?

Корделия

Да, милорд.

Лир

Так молода — и так черства душой?

Корделия

Так молода, милорд, и прямодушна.

Лир

Вот и бери ты эту прямоту
В приданое. Священным светом солнца,
И тайнами Гекаты, тьмой ночной,
И звездами, благодаря которым
Родимся мы и жить перестаем,
Клянусь, что всенародно отрекаюсь
От близости, отеческих забот
И кровного родства с тобой. Отныне
Ты мне навек чужая. Грубый скиф
Или дикарь, который пожирает
Свое потомство, будут мне милей,
Чем ты, былая дочь.

Кент

Мой государь!

Лир

Ни слова, Кент! Не суйся меж драконом

Лир отрекается от Корделии, художник Джон Джильберт

И яростью его.— Я больше всех
Любил ее и думал дней остаток
Провести у ней.— Ступай!

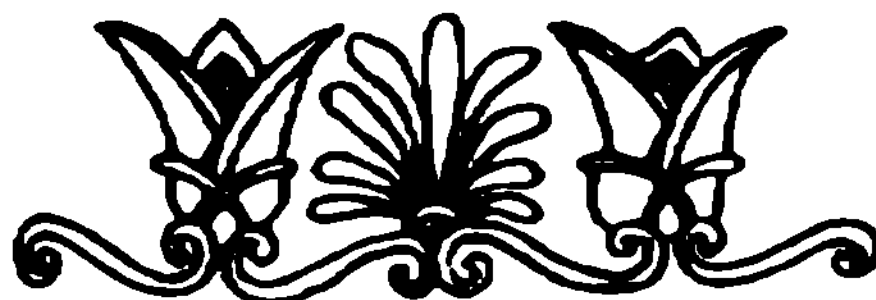
Прочь с глаз моих!

Клянусь покоем будущим в могиле,
Я разрываю связь с ней навсегда.
Я посылал за королем Французским.
Вы слышите? Бургундский герцог где?
Что вы стоите? Не слышали, что ли? —
Корнуол и Олбени, к своим частям
Прибавьте эту треть. Пускай гордыня,
В которой чудится ей прямота,
Сама ей ищет мужа. Облекаю
Обоих вас всей полнотою прав,
Присущих высшей власти. Жить я буду
По месяцу у каждого из вас
Поочередно и зачислю в свиту
Сто рыцарей себе. Мне с этих пор
Останется лишь королевский титул,
А пользование выгодами, власть,
Доход с земель и воинскую силу
Предоставляю вам, в залог чего
Даю вам разделить мою корону.

(Отдает им корону.)

К е н т

Великий Лир, в ком чтил я короля,

Любил отца и слушал господина,
Кому я поклонялся...

Л и р

Берегись!
Ты видишь, лук натянут! Прочь с дороги!

К е н т

Стреляй, не бойся прострелить мне грудь.
Кент будет груб, покамест Лир безумен.
А ты как думал, взбалмошный старик?
Что рядом с лестью смолкнет откровенность?
Нет, честность более еще нужна,
Когда монарх впадает в безрассудство.
Не отдавай престола. Подави
Свою горячность. Я ручаюсь жизнью —
Любовь Корделии не меньше их.
Совсем не знак бездушья — молчаливость.
Гремит лишь то, что пусто изнутри.

Л и р

Ты шутишь жизнью, Кент.

К е н т

Своею жизнью

Играл не раз я на войне с врагом
И снова для тебя играю ею.

Л и р

Прочь с глаз моих!

К е н т

**Открой их шире, Лир,
И приглядись внимательнее к другу.**

Л и р

Свидетель Аполлон...

К е н т

**Да, Аполлон —
Свидетель, что напрасно ты клянешься.**

Л и р

Подлец! Изменник!

(Хватается за меч.)

О л б е н и и К о р н у о л

Полно, государь!

К е н т

**Убей врача, а плату за лечение
Отдай болезни. Отмени приказ,
А то, пока дышу, твердить я буду:
Недоброе задумал.**

Л и р

Низкий раб!

Твоей присягой заклинаю, слушай!
Ты убеждал нас слову изменить,
Чего за нами раньше не водилось.
Ты волю нашу с мыслью разлучал,
Что не мирится с нашею природой.
Так вот тебе за это. Мы даем
Пять дней тебе на то, чтоб ты запасся
Всем, что потребует далекий путь,
И на шестой покинул королевство.
Знай: если на десятый день найдут
Тебя у нас, ты будешь предан смерти.
Ступай. Решенья я не отменю,
Клянусь Юпитером.

К е н т

Прощай, король.

Раз дома нет узды твоей гордыне,
То ссылка — здесь, а воля — на чужбине.

(Корделии.)

Дитя, я за тебя богов молю.
Ты честно отвечала королю.

(Регане и Гонерилье.)

Пускай слова вас к действиям обяжут
И вашу преданность дела докажут.

(Всем остальным.)

Уходит Кент куда глаза глядят,
На новом месте жить на старый лад.

(Уходит.)

Трубы.

Возвращаются Глостер с королем Французским,
герцогом Бургундским и свитой.

Г л о с т е р

Король и герцог здесь, мой государь.

Л и р

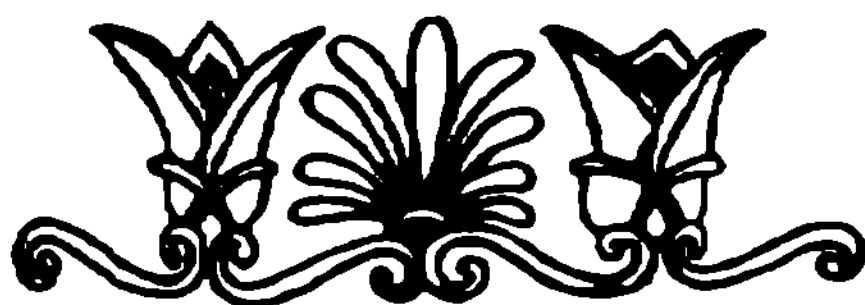
Мой герцог, с вас начнем переговоры.
Вы сватаетесь с этим королем
За нашу дочь. Каким предельно малым
Приданным мог бы я вам угодить,
Чтоб вы от сватовства не отказались?

Г е р ц о г Б у р г у н д с к и й

Предложенным, и только, государь,
А меньше вы и сами не дадите.

Л и р

Мы, герцог, раньше дорожили ей.
Не то теперь. Ее цена упала.
Она пред вами. Если что-нибудь
Вам в маленькой притворщице по вкусу,

Тогда берите всю ее, как есть,
С немилостию нашею в придачу.

Герцог Бургундский
Что мне сказать?

Лир

Готовы ли вы взять
Ее без средств, предмет опалы нашей,
С проклятьем за душою, без друзей,
Иль вынуждены будете оставить?

Герцог Бургундский
Простите, благородный государь,
Мне путь отрезан при таком условии.

Лир

Оставьте же ее. Поверьте мне,
Я перечислил все ее богатства.

(Французскому королю.)

За вас я сам, возлюбленный король,
Не выдам той, кого я ненавижу.
Найдите спутницу себе взамен
Ничтожной этой твари, от которой
Природа отшатнулась со стыдом.

Король Французский
Как странно! Дочь, которая недавно
Была кумиром, верхом совершенств,

Любимицей отца, свершила что-то
Такое небывалое, что вмиг
Лишилась вашей ласки. Вероятно,
Ее вина чудовищно тяжка
Иль вы ее любили слишком мало.
Все против этой мысли восстает,
И нужно чудо, чтобы я поверил.

К о р д е л и я

Но, государь мой, если мой позор
Лишь в том, что я не льщу из лицемерья,
Что на ветер я не бросаю слов
И делаю добро без обещаний,
Прошу вас, сами объясните всем,
Что не убийство, не пятно порока,
Не нравственная грязь, не подлый шаг
Меня так уронили в вашем мнении,
Но то как раз, что я в себе ценю:
Отсутствие умильности во взоре
И льстивости в устах; что мне в вину
Вменяется не промах, а заслуга.

Л и р

Ты лучше не являлась бы на свет,
Чем раздражать меня!

К о р о л ь Ф р а н ц у з с к и й

Так вот в чем горе!

В пугливой целомудренности чувств,
Стыдящихся огласки? Как вы, герцог?
Что скажете? Лишь та любовь — любовь,
Которая чуждается расчета.
Вы женитесь на ней? Она сама
Дороже всех приданых.

Герцог Бургундский
Лир, отдайте
Корделии обещанную часть,
И я ее сейчас же объявлю
Бургундской герцогиней.

Лир
Я сказал,
Что не отдам. Я клятв не изменяю.

Герцог Бургундский
Жаль, но тогда с отцом вы жениха
Утратили.

Корделия
Ну что ж, бог с вами, герцог:
Не я вас привлекала, а корысть.

Король Французский
Корделия, лишённая наследства,
Твое богатство — в бедности твоей.

Отверженная, я завладеваю
Тобой, мечта и драгоценный клад,
Как подбирают брошенные вещи.
О боги, боги, в этом униженье
Я лишь люблю ее неизреченней.
Приданого лишённая пристрастно,
Будь королевой Франции прекрасной.
Я этот перл бургундским господам
За многоводный край их не отдам.
Корделия, простись с двором суровым.
Ты лучший мир найдешь под новым кровом.

Л и р

Она твоя, король. Иди с ней прочь,
Нам с ней не жить. Она не наша дочь.
Ступай от нас без ласкового слова
И без благословения отцова.
Пойдемте, герцог.

Лир, герцоги Бургундский, Корнуэльский, Альбанский, Глостер
и свита уходят.

К о р о л ь Ф р а н ц у з с к и й

С сестрами простись.

К о р д е л и я

Отцовские сокровища, в слезах
Иду от вас. Я ваши свойства знаю,

Но, вас щадя, не буду называть.
Смотрите за отцом. Его с тревогой
Вверяю вашей показной любви.
Не эта бы нежданная опала,
Отцу приют я б лучший подыскала.
Прощайте, сестры.

Р е г а н а

Просим не учить.

Г о н е р и л ь я

Учись сама, как угождать супругу,
Который взял из милости тебя.
За спор с отцом судьба тебя с годами
В замужестве накажет неладями.

К о р д е л и я

Как люди ни хитри, пора приходит —
И все на воду свежую выводит.
Прощайте.

К о р о л ь Ф р а н ц у з с к и й

Милая Корделия, идем.

Король Французский и Корделия уходят.

Г о н е р и л ь я. Сестра, надо поговорить. У нас много общих дел, касающихся нас обеих. Кажется, отец решил выехать сегодня же.

Регана. Да. И, кажется, к тебе. А на следующий месяц — ко мне.

Гонерилья. Видишь, как он взбалмошен. Как тебе нравится то, что произошло? Невольно призадумался. И это с сестрой, которую он всегда любил больше нас!

Регана. Это у него от возраста. Хотя он и раньше плохо владел собой.

Гонерилья. Он был сумасбродом в лучшие свои годы. Теперь к его привычному своеволию прибавятся вспышки старческой раздражительности.

Регана. Когда-нибудь и нам попадет, как этому Кенту. Вдруг взять и изгнать его!

Гонерилья. Или вроде его прощания с Французским королем. Давай держаться сообща. Если власть отца останется в силе, его сегодняшнее отречение при таком характере ничего не даст, кроме неприятностей.

Регана. Надо хорошенько подумать.

Гонерилья. И что-нибудь предпринять. Не откладывая.

Уходят.

Сцена 2

Зал в замке графа Глостера.

Входит Эдмунд с письмом в руке.

Эдмунд

Природа, ты моя богиня! В жизни
Я лишь тебе послушен. Я отверг

Корделия прощается с сестрами. С картины Роберта Смирка

Проклятье предрассудков и правами
Не поступлюсь, пусть младше я, чем брат.
Побочный сын! Что значит сын побочный?
Не крепче ль я и краше сыновей
Иных почтенных матерей семейства?
За что же нам колоть глаза стыдом?
И в чем тут стыд? В том, что свежей и ярче
Передают наследственность тайком,
Чем на прискучившем законном ложе,
Основывая целый род глупцов
Меж сном и бденьем? Да, Эдгар
законный,

Твоей землей хочу я завладеть.
Любовь отца к внебрачному Эдмунду
Не меньше, чем к тебе, законный брат.
Какое слово странное: "законный"!
Ну ладно, мой законный. Вот письмо,
И если мой подлог сойдет успешно,
Эдмунд незначительный знатного столкнет.
Я в цвете сил. Я поднимаюсь в гору.
Храните, боги, незаконных впредь!

Входит Глостер.

Г л о с т е р

Отправил в ссылку Кента! С королем
Французским не простился и повздорил!
Покинул двор! Отрекся от венца

Внезапно, под влиянием минуты!—

Ну что, какие новости, Эдмунд?

Эдмунд. Никаких, милорд. (*Прячет письмо.*)

Глостер. Отчего ты так торопливо спрятал это письмо?

Эдмунд. Я не слыхал никаких новостей, милорд.

Глостер. Что это за бумагу читал ты сейчас?

Эдмунд. Я ничего не читал, милорд.

Глостер. Ничего не читал? Что же в таком случае ты спрятал так торопливо в карман? Дай мне листок. Если в нем нет ничего, я это и без очков увижу.

Эдмунд. Сэр, простите меня. Это письмо от моего брата. Я еще не дочитал его до конца. Но, судя по тому, что я успел разобрать, вам лучше не читать его.

Глостер. Дай мне письмо.

Эдмунд. Покажу ли я вам его или нет, я поступлю одинаково дурно. Судя по его содержанию, это письмо нехорошее.

Глостер. Посмотрим, посмотрим...

Эдмунд. К чести брата, хочу верить, что он написал мне в таком духе, только чтобы испытать меня.

Глостер (*читает*). “Это почитание старости отравляет нам лучшие годы нашей жизни и отдает деньги в наши руки слишком поздно, когда по дряхлости мы уже не можем воспользоваться ими в свое удовольствие. Я склоняюсь к убеждению, что тиранство стариков — бесполезный предрассудок, властвующий над нами только потому, что мы его терпим. Встретимся и поговорим поподробнее. Если бы отец мог ус-

нуть и не просыпаться, пока я не разбужу его, тебе досталась бы половина его доходов и постоянная любовь твоего брата Эдгара". Что это? Заговор? "...уснуть и не просыпаться... тебе досталась бы половина его доходов". И это мой сын Эдгар! И у него рука поднялась вывести эти буквы! Сердце его ютило такие мысли!.. Когда ты получил это? Кто принес тебе это письмо?

Э д м у н д. В том-то и дело, милорд, что никто. Его бросили мне в окно.

Г л о с т е р. Это почерк твоего брата?

Э д м у н д. Если бы письмо было хорошее, у меня на этот счет не было бы никаких сомнений. Но в таком письме его почерк кажется мне сомнительным.

Г л о с т е р. Это его почерк.

Э д м у н д. Это писано его рукою, но его сердце в этом не участвовало.

Г л о с т е р. Раньше он никогда не высказывал тебе подобных соображений?

Э д м у н д. Никогда. Но он часто выражал мнение, что совершеннолетние сыновья должны были бы опекать стареющих отцов и управлять их имуществом.

Г л о с т е р. Вот негодяй, вот негодяй! Те же самые мысли, что в письме! Отвратительный негодяй! Подлое, бесчувственное животное! Хуже, чем животное!.. Ступай, голубчик, разыщи его. Я засажу его под замок. Чудовищный негодяй! Где он?

Э д м у н д. Не знаю, милорд. Но вот что я вам скажу: сдержите ваше негодование, пока у вас не будет более веских

доказательств. Это будет правильно. Если же вы начнете действовать силою, не будучи правы, это запятнает вашу честь и окончательно подорвет его привязанность к вам. Я готов ручаться жизнью, что все это он написал, только чтобы проверить, насколько я люблю вас, и ни для чего другого, уверяю вас.

Г л о с т е р. Ты так думаешь?

Э д м у н д. Я помогу вам в этом удостовериться. Если хотите, я вас поставлю в таком месте, где вы сможете подслушать наши разговоры. Это можно сделать не дальше как сегодня вечером.

Г л о с т е р. Он не может быть таким извергом.

Э д м у н д. Конечно, нет.

Г л о с т е р. По отношению к отцу, который любит его с такой нежностью и силой! Земля и небо!— Эдмунд, вкрадись в его доверие, выведи его на чистую воду. Сделай это ради меня. Я все готов отдать, чтобы узнать правду.

Э д м у н д. Я пойду сейчас искать его, наведу на разговор о письме и обо всем дам вам знать.

Г л о с т е р. Вот они, эти недавние затмения, солнечное и лунное! Они не предвещают ничего хорошего. Что бы ни говорили об этом ученые, природа чувствует на себе их последствия. Любовь остывает, слабеет дружба, везде братоубийственная рознь. В городах мятежи, в деревнях раздоры, во дворцах измены, и рушится семейная связь между родителями и детьми. Либо это случай, как со мною, когда сын восстает на отца. Либо как с королем. Это другой пример. Тут отец идет против родного детища. Наше лучшее время миновало. Ожесточение,

предательство, гибельные беспорядки будут сопровождать нас до могилы. Изобличи этого мерзавца, Эдмунд. Ты об этом не пожалеешь. Постарайся, пожалуйста.— Или вот еще пример. Благородный Кент изгнан. За что? Только за то, что он честен. Удивительно! (*Уходит.*)

Э д м у н д. Вот так всегда. Как это глупо! Когда мы сами портим и коверкаем себе жизнь, обожравшись благополучием, мы приписываем наши несчастья солнцу, луне и звездам. Можно, правда, подумать, будто мы дураки по произволению небес, мошенники, воры и предатели вследствие атмосферического воздействия, пьяницы, лгуны и развратники под непреодолимым давлением планет. В оправдание всего плохого у нас имеются сверхъестественные объяснения. Великолепная увертка человеческой распущенности — всякую вину свою сваливать на звезды! Отец проказничал с матерью под созвездием Дракона. Я родился на свет под знаком Большой Медведицы. Отсюда следует, что я должен быть груб и развратен. Какой вздор! Я то, что я есть, и был бы тем же самым, если бы самая целомудренная звезда мерцала над моей колыбелью... Вот идет Эдгар. Он является как нельзя более вовремя, подобно развязке в старинной комедии. Напущу на себя грусть вроде полоумного Тома из Бедлама.

Входит Э д г а р.

О, эти затмения — предвестия будущих раздоров! Фа, соль, ля, ми...

Э д г а р. Ну как, брат Эдмунд? Ты занят серьезными размышлениями?

Э д м у н д. Я задумался, брат, над событиями, которые, как я читал, должны произойти вслед за недавними затмениями.

Э д г а р. Вот ты чем занимаешься!

Э д м у н д. Уверяю тебя, предсказания, о которых я прочел, к несчастью, сбываются. Извращаются отношения между детьми и родителями, наступает мор, дороговизна, всеобщая вражда. Государство раздирают междоусобицы, народ угрожает королю и знати, возникает подозрительность, друзья отправляются в изгнание, армия разваливается, супруги изменяют друг другу и прочая и прочая.

Э д г а р. С каких пор ты записался в астрономы?

Э д м у н д. Оставим это. Лучше скажи мне, когда ты виделся с отцом в последний раз?

Э д г а р. Вчера вечером.

Э д м у н д. Ты говорил с ним?

Э д г а р. Да, два часа подряд.

Э д м у н д. Вы расстались по-хорошему? Ты не заметил в нем какого-нибудь неудовольствия, когда он говорил и смотрел на тебя?

Э д г а р. Ни малейшего.

Э д м у н д. Припомни хорошенько, чем ты мог задеть его, и, ради всего святого, не попадайся ему на глаза некоторое время, пока он не успокоится. Сейчас он клянет тебя на чем свет стоит и готов разорвать тебя на части от гнева.

Э д г а р. Какой-нибудь мерзавец оклеветал меня.

Э д м у н д. Я тоже боюсь этого. Прошу тебя, соблюдай осторожность, пока его ярость не уляжется. И знаешь что: я дам

тебе убежище в своей комнате, откуда ты сможешь удобно подслушать, что скажет отец. Ступай туда. Вот тебе ключ. Если вздумаешь отлучиться на улицу, бери оружие.

Эдгар. Оружие?

Эдмунд. Слушай, брат, это для твоей пользы. Честное слово, у него что-то недоброе на уме против тебя. То, что я рассказал тебе, — ничто по сравнению с действительностью. Прошу тебя, уходи, пожалуйста.

Эдгар. Но ты скоро дашь мне знать о себе?

Эдмунд. Я посвящу всего себя этому делу.

Эдгар уходит.

Отец поверил, и поверил брат.
Так честен он, что выше подозрений.
Их простодушием легко играть.
Я вижу ясно, как их обморочить.
Не взял рождением, так свое возьму
Благодаря врожденному уму.

(Уходит)

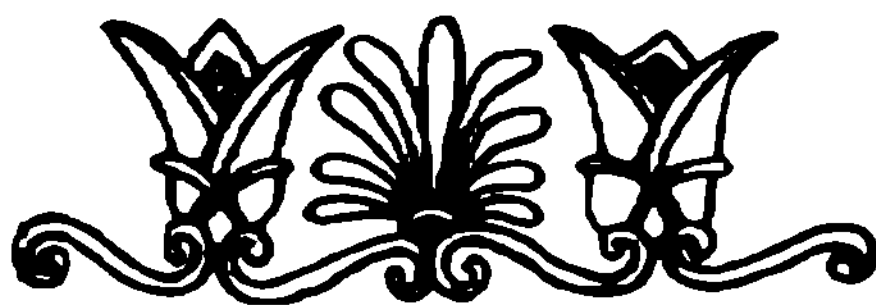
Сцена 3

Комната во дворце герцога Альбанского.

Входят Гонерилья и Освальд.

Гонерилья. Правда ли, что отец прибил моего придворного за то, что тот выругал его шута?

Освальд. Да, миледи.

Гонерилья

Все время огорченья! Что ни час —
Другая новость. В доме нет покоя.
Я больше не могу. Его двору
Позволено буянить как угодно.
А нам за мелочь всякую упрек.
Когда они воротятся с охоты,
Я не хочу с ним говорить. Скажи:
Я нездорова. Да не расстилайся
Так перед ним. Последствия беру
Все на себя.

Звуки рога за сценой.

Освальд

Вы слышите, он едет.

Гонерилья

Поменьше церемоний. Передай
Всем в доме это. Я хочу, чтоб дело
Дошло до взрыва. Плохо у меня —
Пускай к сестре переезжает. Знаю,
Что у нее на это сходный взгляд.
Она не даст командовать упряму.
Сам отдал власть, а хочет управлять
По-прежнему! Нет, старики — как дети,
И требуется строгости урок,

Когда добро и ласка им не впрок.
Запомни это.

О с в а л ь д

Слушаюсь, миледи.

Г о н е р и л ь я

И попрохладнее с его людьми.
Без всякого стеснения. Подчиненным
Скажи, что я хочу найти предлог
Для объяснений. Это надоело.
Сейчас я напишу письмо сестре,
Чтоб нам быть заодно.— Готовь обедать.

Уходят.

Сцена 4

Зал там же.

Входит К е н т, переодетый.

К е н т

Я должен перенять чужую речь
И буду до конца неузнаваем.
Так надо для намерений моих,
Из-за которых изменил я внешность.
Ну, Кент, слугой к хозяину наймись,
Прогнавшему тебя под страхом смерти,

И этим господину докажи,
Как велика твоя неутомимость.

Звуки рога за сценой. Входят Лир, рыцари, слуги.

Лир. Не заставляйте меня ждать ни минуты. Подавайте обедать.

Один из служителей уходит.

Что тебе? Ты кто такой?

Кент. Человек.

Лир. Чем ты занимаешься? Что тебе от нас надо?

Кент. Вот мой род занятий: быть самим собой. Верно служить тому, кто мне доверится. Любить того, кто честен. Знаться с тем, кто рассудителен и мало говорит. Считаться с общим мнением. Драться, когда нет другого выхода, и не есть рыбы.

Лир. А сам ты кто?

Кент. Подлинно честный малый, бедный, как король.

Лир. Если ты так же беден в ряду подданных, как он среди королей, то ты действительно беден. Чего же ты хочешь?

Кент. Служить.

Лир. Кому ты хочешь служить?

Кент. Вам.

Лир. Разве ты меня знаешь, приятель?

Кент. Нет, сэр. Но в лице у вас есть что-то такое, что покоряет.

Лир. Что же это такое?

Кент. Властность.

Лир. А к какому делу ты годен?

К е н т. Я умею хранить тайны, ездить верхом, бегать, рассказывать с грехом пополам затейливые истории и точно исполняю поручения, когда они несложны. Все это может сделать всякий. Но усердие мое беспримерно.

Л и р. Сколько тебе лет?

К е н т. Я не так молод, чтобы полюбить женщину за ее пение, и не так стар, чтобы сходить по ней с ума без всякой причины. Сорок восемь лет жизни за спиной у меня.

Л и р. Хорошо. Прислуживай мне. Если ты не разонравишься мне после обеда, я не расстанусь с тобой.— Обедать, обедать! Где мой шут? — Эй, ты, послушай, сходи за моим дураком.

Один из служителей уходит.

Входит **О с в а л ь д**.

Эй ты, малый, где моя дочь?

О с в а л ь д. С вашего разрешения... (*Уходит.*)

Л и р. Что он сказал? Кликни этого негодяя обратно.

Один из рыцарей уходит.

Ну так где же мой шут? А? Похоже, будто все заснули.

Р ы ц а р ь возвращается.

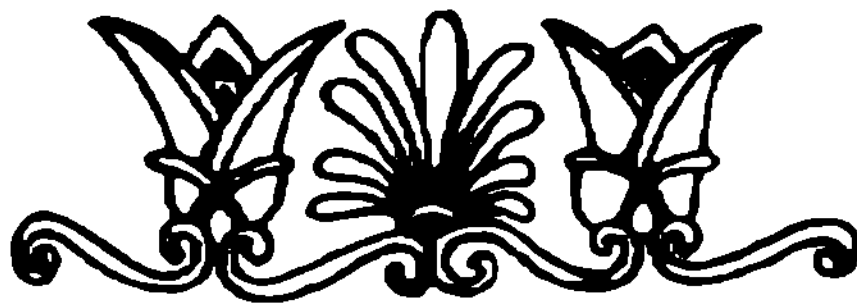
Ну как? Где это животное?

Р ы ц а р ь. Он говорит, милорд, что вашей дочери нездоровится.

Л и р. А почему этот невежа не вернулся, когда я его звал?

Р ы ц а р ь. Сэр, он мне заявил напрямик, что не желает возвращаться.

Л и р. Он не желает?

Рыцарь. Милорд, я не знаю, отчего это, но, насколько я понимаю, с вашим величеством стали здесь обращаться без должной почтительности. Эта небрежность заметна у герцога, у вашей дочери и даже у прислуги.

Лир. Ага! Вот как ты думаешь?

Рыцарь. Простите, государь, если я ошибаюсь, но я не смею молчать при мысли, что с вами не церемонятся.

Лир. Нет, нет, ты назвал то, что мне самому бросалось в глаза. С некоторого времени я тоже наблюдаю признаки легкой невнимательности, но приписал это скорее своей мнительности, чем их желанию оскорбить меня. Присмотрюсь к этому получше. Однако где же мой дурак? Я второй день не вижу его.

Рыцарь. С отъезда молодой госпожи во Францию королевский шут все время хандрит.

Лир. Ни слова больше! Я сам это заметил... Эй, ты, ступай-ка скажи моей дочери, что я желаю с ней поговорить.

Один из служителей уходит.

Позовите сюда моего шута.

Другой служитель уходит.

Возвращается **Освальд**.

А, это вы, сударь? Подите-ка, сударь, сюда. Кто я, сударь, по-вашему?

Освальд. Вы — отец герцогини.

Лир. “Отец герцогини”? Вот как, подлец герцога? Ах, сукин сын! Ах, мерзавец!

О с в а л ь д. Неправда! Я ни то, ни другое, милорд. Прошу прощения.

Л и р. Не смей смотреть на меня так дерзко! Нахал! (*Бьет его.*)

О с в а л ь д. Я не позволю бить себя, милорд!

К е н т. А подбить тебя ногой, как мяч, можно? (*Сбивает его с ног.*)

Л и р. Спасибо, дружище! Мне нравится твоя служба. Я буду жаловать тебя.

К е н т. Эй, ты, вставай и пошел вон! Вперед будешь поучтивее. Пошел, пошел! Если ты хочешь еще раз вымерять пол собою — пожалуйста. А не то убирайся. Ну, ступай, ступай! Понял? (*Выталкивает Освальда.*)

Л и р. Ну, мой работничек, благодарю тебя. Вот тебе за труды. (*Дает Кенту денег.*)

Входит ш у т.

Ш у т. Я тоже найму его. Вот тебе моя шапка, носи ее. (*Протягивает Кенту свой дурацкий колпак.*)

Л и р. А, здравствуй, мой хороший! Как поживаешь?

Ш у т. Взял бы ты лучше мой колпак, приятель.

К е н т. Зачем он мне?

Ш у т. Затем, что ты валяешь дурака, если заступаешься за опального. Нет, правда, держи, брат, нос по ветру, а то простудишься. Бери мой колпак. Видишь, этот чудака прогнал двух своих дочерей, а третью благословил против своей воли. Служить ему можно только в дурацком колпаке.— Ну как, дяденька? Жаль, нет у меня двух колпаков и двух дочерей!

Л и р. Для чего, дружок?

Ш у т. Состояние я бы отдал дочерям, а колпаки оставил бы себе. Вот один у меня, а другой выпроси себе у дочек.

Л и р. Берегись, каналья! Видишь плетку?

Ш у т. Правду всегда гонят из дому, как сторожевую собаку, а лесья лежит в комнате и воняет, как левретка.

Л и р. Камень в мой огород.

Ш у т. Хочешь, куманек, выучить изречение?

Л и р. Ладно.

Ш у т. Слушай, дяденька:

Наживайся тайком,
Не мели языком,
Меньше бегай пешком,
Больше ездь верхом,
Не нуждайся ни в ком,
Не водись с игроком,
Не гуляй, не кути,
А сиди взаперти:
Двадцать на двадцати
Сможешь приобрести.

Л и р. Это вздор, дурак!

Ш у т. Беспольный, как слова адвоката, не получившего за свою речь платы. А скажи, дяденька, можно из ничего извлечь какую-нибудь пользу?

Л и р. Нет, голубчик, из ничего ничего и не получается.

Ш у т (Кенту). Пожалуйста, скажите ему, что столько же

получит он со своих владений. Если я ему это скажу, он мне ответит: “Дурак”.

Л и р. Злой дурак!

Ш у т. А ты знаешь, куманек, какая разница между злым дураком и добрым дураком?

Л и р. Нет, братец. Научи меня.

Ш у т

Кто дал тебе совет
Отдать свой край другим,
Тот от меня, сосед,
Умом неотличим.
Я злой дурак — и в знак
Того ношу колпак,
А глупость добряка
Видна без колпака.

Л и р. Ты зовешь меня дураком, голубчик?

Ш у т. Остальные титулы ты роздал. А это — природный.

К е н т. Это совсем не так глупо, милорд.

Ш у т. Нет, быть совсем глупым мне не позволили бы из зависти. Если бы я взял монополию на глупость, лорды и вельможи пожелали бы вступить в пай со мной, да и знатные дамы тоже захотели бы урвать кусочек. — Дай мне яйцо, дяденька, а я дам тебе за то два венчика?

Л и р. Какие это такие два венчика?

Ш у т. А вот какие. Яйцо я разрежу пополам, содержимое съем, а из половинок скорлупы выйдут два венчика. Когда ты

Знаменитый английский актер Генри Ирвинг в роли короля Лира

расколол свой венец надвое и отдал две половинки, ты взвалил осла себе на спину, чтобы перенести его через грязь. Видно, мало мозгу было под твоим золотым венцом, что ты его отдал. Если я рассуждаю, как дурак, надо высечь того, кто это скажет. (Поет.)

Приходит дуракам капут,
Не спрос на них сегодня.
Разумные себя ведут
Безумных сумасбродней.

Л и р. Давно ли это ты, брат, так распелся?

Ш у т. С тех пор как ты из своих дочерей сделал матерей для себя, дал им в руки розги и стал спускать с себя штаны. (Поет.)

Они от радости завыли,
А я — от срамоты,
Что государь мой — простофиля
И поступил в шуты.

Найми мне, дяденька, учителя. Я хочу научиться врать.

Л и р. Если ты будешь врать, я тебя выпорю.

Ш у т. Как странно, что между тобой и дочерьми нет ничего общего. Они грозятся отхлестать меня за правду, ты — за ложь, а иногда меня бьют за то, что я отмалчиваюсь. Лучше быть чем угодно, только не шутом. И, однако, я бы не хотел быть тобою, дяденька. Ты обкорнал свой ум с обеих сторон и ничего не оставил в середке. Вот один из обрезков.

Входит Гонерилья.

Л и р. А, доченька! К чему эта хмурость? Последние дни ты все время дуешься.

Ш у т. Ты был довольно славным малым во время оно, когда тебя не занимало, хмурится она или нет. А теперь ты нуль без цифры. Я и то сейчас больше тебя. Я хоть шут, на худой конец, а ты совершенное ничто. (*Гонерилье.*) Молчу, молчу! Вижу, взглядом повелеваете вы мне молчать, хотя и не сказали ни слова. (*Указывая на Лира.*)

Прожил жизнь, а глуп, как пень:
Корки нет про черный день.

Вот вылущенный гороховый стручок!

Г о н е р и л ь я

Не только этот ваш развязный шут,
Вся ваша невоспитанная дворня
Бранит и осуждает все крутом
И ежечасно предается буйству.
Я думала, услышав мой упрек,
Вы прекратите это, но узнала,
Что сами вы на деле и словах
Потворствуете этим безобразьям.
Не гневайтесь, но если это так,
Мне, видимо, теперь самой придется
Принять крутые меры. Я прошу
Не обижаться. Если б не забота
О благе государства, верьте мне,
Я б постыдилась вмешиваться в это.

Ш у т. А ты как думал, дяденька?

Кукушка воробью пробила темя
За то, что он кормил ее все время.

Потухла свечка, вот мы и в потемках.

Л и р

Моя ль ты дочь?

Г е н е р и л ь я

Прислушайтесь, отец,
К моим предупреждениям, призовите
Весь ум, когда-то отличавший вас,
И бросьте ваши новые замашки,
Которые совсем вам не к лицу.

Ш у т. Надо быть ослом, чтобы не понять, что тут все шиворот-навыворот: яйца курицу учат. Просто загляденье!

Л и р

Скажите, кто я? Видно, я не Лир?
Не тот у Лира взгляд, не та походка.
Он, видно, погружен в глубокий сон?
Он грезит? Наяву так не бывает.
Скажите, кто я? Кто мне объяснит?

Ш у т. Тень Лира.

Л и р. Я действительно хочу знать, кто я. Потому что мое королевское достоинство и некоторые другие признаки наводят меня на ложную мысль, будто у меня есть дочери.

Ш у т. Которые хотят сделать из тебя послушного отца.
Л и р. Как ваше имя, госпожа моя?

Г о н е р и л ь я

В вопросе вашем столько же притворства,
Как в прочих ваших выходках. Прошу
Понять меня как следует. Вы стары,
Почтенны. Вы должны быть образцом.
Тут с вами сотня рыцарей и сквайров,
Бедовый и отчаянный народ,
Благодаря которым этот замок
Похож на балаган или кабак.
Распорядитесь прекратить бесчинства,
Как должен стыд самим вам подсказать.
Вас просит та, кому не подобает
Просить и было б легче приказать.
Извольте распустить часть вашей свиты.
Оставьте малое число людей,
Которые не будут забываться
И буйствовать.

Л и р

Провал возьми вас всех!
Седлать коней! Собрать в дорогу свиту!
Бездушный выродок! Я впредь тебе
Не буду докучать своей особой!
Еще есть дочь у нас!

Гонерилья

Вы бьете слуг моих. Ваш пьяный сброд
Кричит на старших, как на подчиненных.

Входит герцог Альбанский.

Лир

Плох тот, кто поздно кается.

(Герцогу Альбанскому.)

Вы, сэр,

С ней тоже заодно? — Коней седлайте! —
Неблагодарность с сердцем из кремня,
Когда вселишься ты в дитя родное,
Морских чудовищ ты тогда страшней!

Герцог Альбанский

Сэр, не волнуйтесь.

Лир

(Гонерилье)

Ненасытный коршун,

Ты лжешь! Телохранители мои —
Испытанный народ высоких качеств.
Они прекрасно знают, в чем их долг,
И сами дорожат своею честью.
Корделии оплошность! Отчего
Я так преувеличил этот промах,
Что вырвал из души своей любовь

И грудь взамен наполнил ядом желчи?
Как был я слеп! О Лир, теперь стучись
В ту дверь, откуда выпустил ты разум
И глупость залучил.

(Бьет себя по голове.)

В путь, господа!

Герцог Альбанский
Милорд, в чем суть? Я ничего не знаю
И не повинен.

Л и р

Верю вам, милорд.—

Услышь меня, услышь меня, природа,
И если создавала эту тварь
Для чадородья, отмени решение!
Срази ее бесплодием! Исуши
В ней навсегда способность к материнству!
Пускай ее испорченная плоть
Не принесет на радость ей ребенка.
А если ей судьба иметь дитя,
Пусть будет этот плод ей вечной мукой,
Избороздит морщинами ей лоб
И щеки в юности разъест слезами.
В ничто и в безнадежность обрати
Все, что на детище она потратит,—
Ее тревоги, страхи и труды,
Чтобы она могла понять, насколько

Больней, чем быть укушенным змеей,
Иметь неблагодарного ребенка!
Прочь, прочь отсюда!

(Уходит.)

Герцог Альбанский
Ради всех богов,
На что он в гневе?

Гонерилья
Толковать не стоит.
Впадает в детство. Пусть себе шумит.

Лир возвращается.

Лир
Куда девалась половина свиты?
Их было сто, а стало пятьдесят.

Герцог Альбанский
На что вы сердитесь?

Лир
Сейчас отвечу.
(Гонерилье.)
О жизнь и смерть! Стыжусь, что я забыл
Из-за тебя о том, что я мужчина,
Что эти слезы вызваны тобой,

Нисколько их не стоящей. — Исчახни
И сгинь от порчи! Пропади от язв
Отцовского проклятья!.. О, не плачьте
Вы, старческие глупые глаза,
А то я вырву вас и брошу наземь
Вослед слезам, текущим в три ручья.
Вот до чего дошло! Ну, будь что будет.
Еще другая дочь есть у меня.
Она добра. Я на нее надеюсь.
Я расскажу ей про тебя. Она
Ногтями исцарапает, волчица,
Лицо тебе! Не думай, я верну
Себе всю мощь, которой я лишился,
Как ты вообразила. Я верну!

Уходят Лир, Кент и свита.

Гонерилья

Ты это слышал?

Герцог Альбанский

Слышал, Гонерилья.
Но быть пристрастным из любви к тебе...

Гонерилья

Довольно! Позовите мне Освальда. —
А ты, скорее плут, чем шут, — живей
Ступай за господином.

Ш у т. Дядюшка Лир, дядюшка Лир, погоди, захвати шута с собою!

С лисой из капкана
И дочкой поганой
Кончай, не смущаясь.
Да, жаль, не достану
Петли и аркана
И сам убираюсь.

(Уходит.)

Г о н е р и л ь я

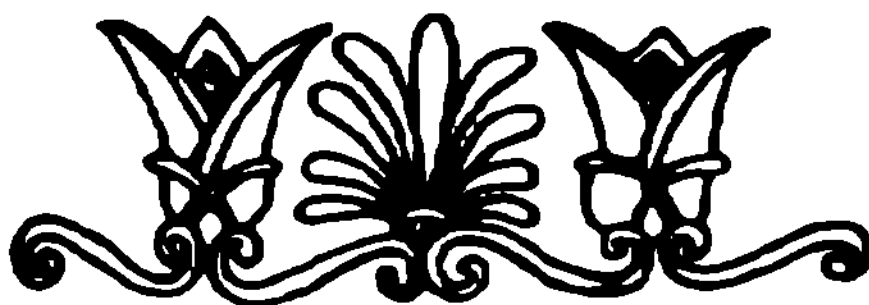
Придумал ловко, нечего сказать:
Сто рыцарей! Сто рыцарей, готовых
Фантазии любые старика
В любое время поддержать оружием!
А нам все эти буйства, шум и гам
Всегда терпеть с опасностью для жизни?
Но где Освальд?

Г е р ц о г А л ь б а н с к и й

Мне кажется, твой страх
Преувеличен.

Г о н е р и л ь я

Лучше опасаться
Без меры, чем без меры доверять.
От бед спасает только осторожность.

Я знаю слишком хорошо отца
И о его словах пишу Регане.
А если после моего письма
Она ему оставит эту сотню
Вразрез со мной...

Возвращается Освальд.

Ах, это ты, Освальд!
Готово ли письмо к сестре?

Освальд

Готово.

Гонерилья

Возьми с собой немедленно людей —
И на коней. К письму прибавишь устно
Про наши страхи. Присовокупи
И личные свои соображенья.
Спеши и возвращайся поскорей.

Освальд уходит.

А ваша бесхарактерная кротость —
Будь сказано вам, герцог, не во гнев —
Скорее непростительная глупость,
Чем признак настоящей доброты.

Герцог Альбанский

Зато вы бьете в цель не утомимо.
Смотрите лишь, не попадите мимо.

Гонерилья

Однако...

Герцог Альбанский

Будущее нам покажет.

Уходят.

Сцена 5

Двор в замке герцога Альбанского.

Входят Лир, Кентишут.

Лир. Отправляйся в Глостер с этим письмом. Не прибавляй дочери ничего от себя, а только отвечай на вопросы, которые она задаст тебе, прочтя письмо. Если ты не поторопишься, я приеду туда раньше тебя.

Кент. Я глаз не сомкну, милорд, пока не передам вашего письма. *(Уходит.)*

Шут. Если бы мозги у человека были в пятках, не грозили бы его уму мозоли?

Лир. Грозили бы.

Шут. В таком случае поздравляю тебя. Твоим мозгам никогда не придется ходить в туфлях.

Лир. Ха-ха-ха!

Шут. Увидишь, как милостиво примет тебя другая дочь. Хотя она похожа на другую, как лесное яблоко на садовое, позволь мне знать то, что я знаю.

Л и р. Что же ты знаешь, дружок?

Ш у т. Что на вкус они обе кажутся такими же кислыми, как два лесных яблока. Можешь ли ты сказать, почему нос на лице у человека посредине?

Л и р. Нет.

Ш у т. Чтобы иметь по обе стороны от себя по глазу. Чего не разнюхает нос, то глаза досмотрят.

Л и р. Я был так несправедлив к ней...

Ш у т. А можешь ли ты сказать, как устрица делает свою раковину?

Л и р. Нет.

Ш у т. Я тоже не могу. А зачем улитке домик, я знаю.

Л и р. Зачем?

Ш у т. Чтобы было куда всовывать голову, а не подставлять ее под удары дочерям вместе с незащищенными рожками.

Л и р. Надо переделать свою природу.— Такого доброго отца!— Готовы лошади?

Ш у т. Твои ослы пошли за ними. Любопытна причина, по которой в семизвездье семь звезд, а не больше.

Л и р. Потому что их не восемь?

Ш у т. Совершенно верно. Из тебя вышел бы хороший шут.

Л и р. Вернуть все силою!— Неблагодарное чудовище!

Ш у т. Если бы ты был моим шутом, дяденька, я бы всегда колотил тебя за то, что ты состарился раньше времени.

Л и р. Как это?

Ш у т. Тебе нельзя было стариться, пока не поумнеешь.

Л и р

**Не дайте мне сойти с ума, о боги!
Пошлите сил, чтоб не сойти с ума!**

Входит придворный.

Готовы лошади?

П р и д в о р н ы й

Милорд, готовы.

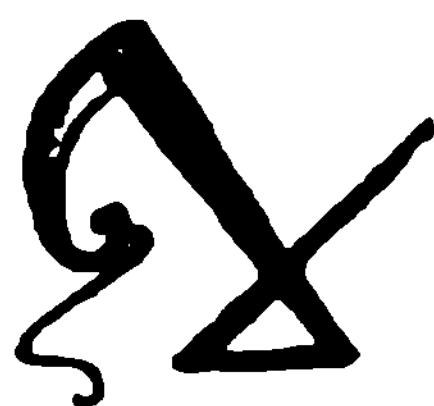
Л и р

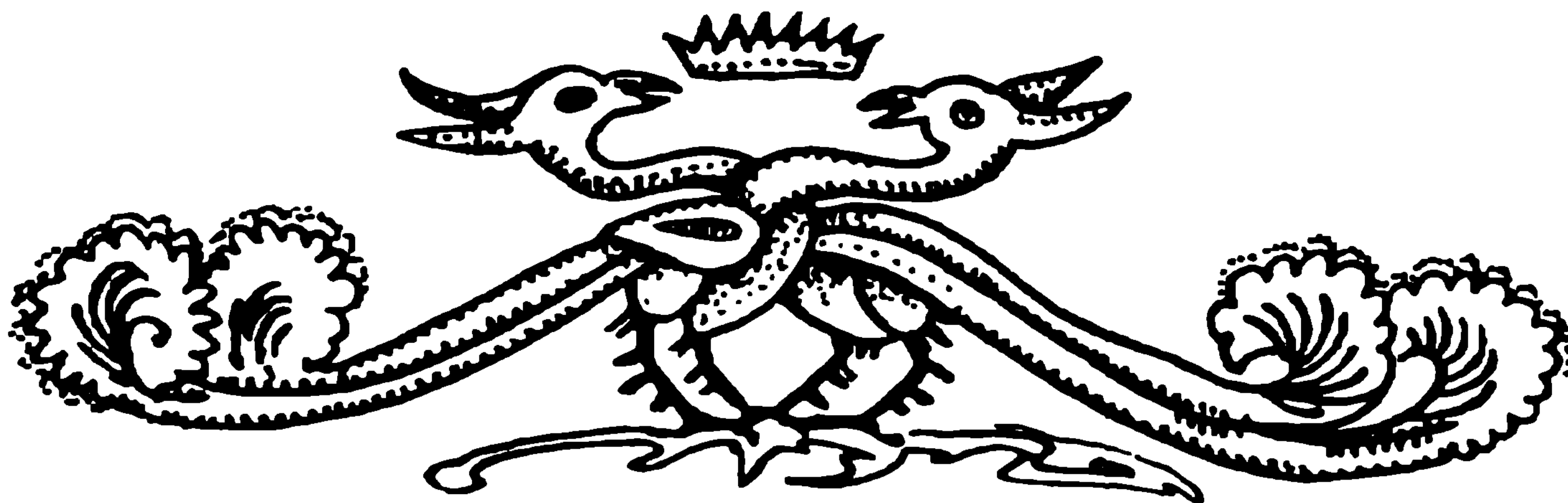
Идемте.

Ш у т

**В том мало смеху, что уходит шут.
Вас тоже в жизни перемены ждут.**

Уходят.

АКТ II

Сцена 1

Двор в замке графа Глостера.

Входят с разных сторон Эдмунд и Куран.

Эдмунд. Здравствуй, Куран.

Куран. Здравствуйте, сэр. Только что я был у вашего отца с извещением, что герцог Корнуэльский и герцогиня Регана предполагают пожаловать к нему сегодня вечером.

Эдмунд. С какою целью?

Куран. Не знаю, право. Слышали новости? То, о чем епчутся кругом. Потому что вслух этого еще не произносят.

Эдмунд. Нет, не слыхал. Расскажи, пожалуйста.

Куран. Говорят, что, по-видимому, будет война между герцогом Корнуэльским и Альбанским. Неужели не слыхали?

Эдмунд. Ни слова.

Куран. Со временем услышите. Прощайте, сэр. (Уходит.)

Эдмунд

Здесь будет герцог? Хорошо. Тем лучше.

Мне это очень на руку. Отец

Велел найти и взять под стражу брата.
Еще одно мне дело предстоит:
Потребуются скорость и решимость...
Брат, на два слова! Слышишь, брат! Спустишь.

Входит Э д г а р.

Брат, за тобой отец следит. Спасайся.
Он выведал, где прячу я тебя.
Беги, воспользовавшись мраком ночи.
Скажи, ты ничего не говорил
Плохого о Корнуоле? Он к нам едет
С Реганой, на ночь глядя, второпях.
Ты не проговорился ли о ссоре
Его с Альбанским герцогом? Припомни.

Э д г а р

Нет, никогда. Я помню хорошо.

Э д м у н д

Сюда отец идет. Прости. Притворно
Я меч свой обнажу против тебя.
Вынь свой для вида.— “Отбивай! Сдавайся!” —
Теперь, покамест нет отца, беги.—
“Огня сюда!” —Спасайся, брат, спасайся!—
“Эй, люди с факелами!” — Так. Прощай.

Эдгар уходит.

Немного крови, чтоб отец подумал,
Что бой был жаркий.

(Ранит себя в руку.)

Люди во хмелю
Сильней себя кромсают смеха ради.—
Отец! Отец! На помощь!.. Ни души.

Входят Глостер и слуги с факелами.

Г л о с т е р

Где этот изверг?

Э д м у н д

Здесь, сейчас, в потемках,
Шепча заклятья, он стоял с мечом
И призывал луну помочь злодейству.

Г л о с т е р

Но где он?

Э д м у н д

Посмотрите, я в крови.

Г л о с т е р

Но где он, этот негодяй?

Э д м у н д

Он скрылся,
Едва лишь убедился, что не мог...

Г л о с т е р

Постой.— Поймать его! Скорей в погоню!

Несколько слуг уходят.

Не мог чего?

Э д м у н д

**Не мог меня склонить
К тому, чтоб я убил вас. Безуспешно
Я говорил, как небеса казнят
Отцеубийц, напоминал о связи
Между родителями и детьми.
Увидев мой испуг и отвращенье,
Он вынул меч, нанес сплеча удар
И ранил в руку. Тут же спохватился,
Что я готов за правду постоять
И буду драться, испугался криков,
Которые я поднял, и бежал.**

Г л о с т е р

**Пускай бежит, поимки не избегнет.
А схватят — и конец. Мой господин
И покровитель, благородный герцог
Нас посетит сегодня. Он издаст
Приказ о быстром розыске злодея
С наградой тем, кто выдаст нам его,
И наказаньем смерти за укрытье.**

Э д м у н д

Увидев, что его не отвратить
От преступления, я его задумал
Пугнуть разоблачением, но в ответ
Он возразил: “Бесправный сын побочный,
Ты спорить собираешься со мной?
Да кто тебе поверит? Чем докажешь
Ты правду слов своих и правоту,
Когда я буду отрицать улики
И почерк свой подделкой объявлю?
Кто будет слушать эти обвиненья,
Раз смерть моя так выгодна тебе,
Что надо быть тупицей, чтоб не видеть,
Как сильно должен ты желать ее!”

Г л о с т е р

О подлый лжец! Он собственную подпись
Решится отрицать? Не мой он сын!

Трубы за сценой.

Приехал герцог с неизвестной целью.
Я упрошу его закрыть пути
И гавани. Не улизнет преступник.
Мы для его поимки разошлем
По всей стране его изображение.
Тебе же, мальчик мой, я передам
Права наследовать мои владенья.

Входят герцог Корнуэльский, Регана и свита.

Герцог Корнуэльский

Ну как, мой друг? Едва сюда я прибыл,
Я новости ужасные узнал.

Регана

Все казни мягки, если это правда.
Как чувствуете вы себя, милорд?

Глостер

Разбито сердце старое, разбито!

Регана

Неужто крестник моего отца,
Эдгар, на вашу жизнь мог покушаться?

Глостер

О леди, леди, совестно признать!

Регана

А не водил он дружбы с бунтарями
В отцовской свите?

Глостер

Право, я не знаю.
Все это слишком, слишком тяжело!

Эдмунд

Да, герцогиня, он из этой шайки.

Регана

Чему ж дивиться? Видно, этот сброд
И подстрекал его, чтобы с убийцей
Потом наследство ваше пропивать.
От общества их предостерегает
Сестра в письме, и я покину дом,
Когда они к нам на постой приедут.

Герцог Корнуэльский

И я, Регана.— Я слышал, Эдмунд,
Что вы себя при этом показали
Достойным сыном?

Эдмунд

Это был мой долг.

Глостер

Он умысел раскрыл и при попытке
Схватить злодея ранен был в борьбе.

Герцог Корнуэльский

За ним в погоню послано?

Глостер

Конечно.

Герцог Корнуэльский

Когда поймают, больше никому
Не будет он опасен. Как хотите
Управьтесь с ним от моего лица.
А вас, Эдмунд, чья преданность и доблесть
Так явно говорят здесь за себя,
Хотел бы я зачислить к нам на службу.
Я доверяю людям вроде вас.
Беру вас первым.

Эдмунд

Оправдаю выбор.

Глостер

Благодарю вас, герцог, за него.

Герцог Корнуэльский

Вы знаете, зачем мы к вам явились?

Регана

Причем — не вовремя, ночной порой!
Тому причиной важные события,
Насчет которых нужен ваш совет.
Отец с сестрою пишут нам о ссоре.
Их спор я предпочла бы разобрать
На чьей-нибудь чужой, не нашей почве

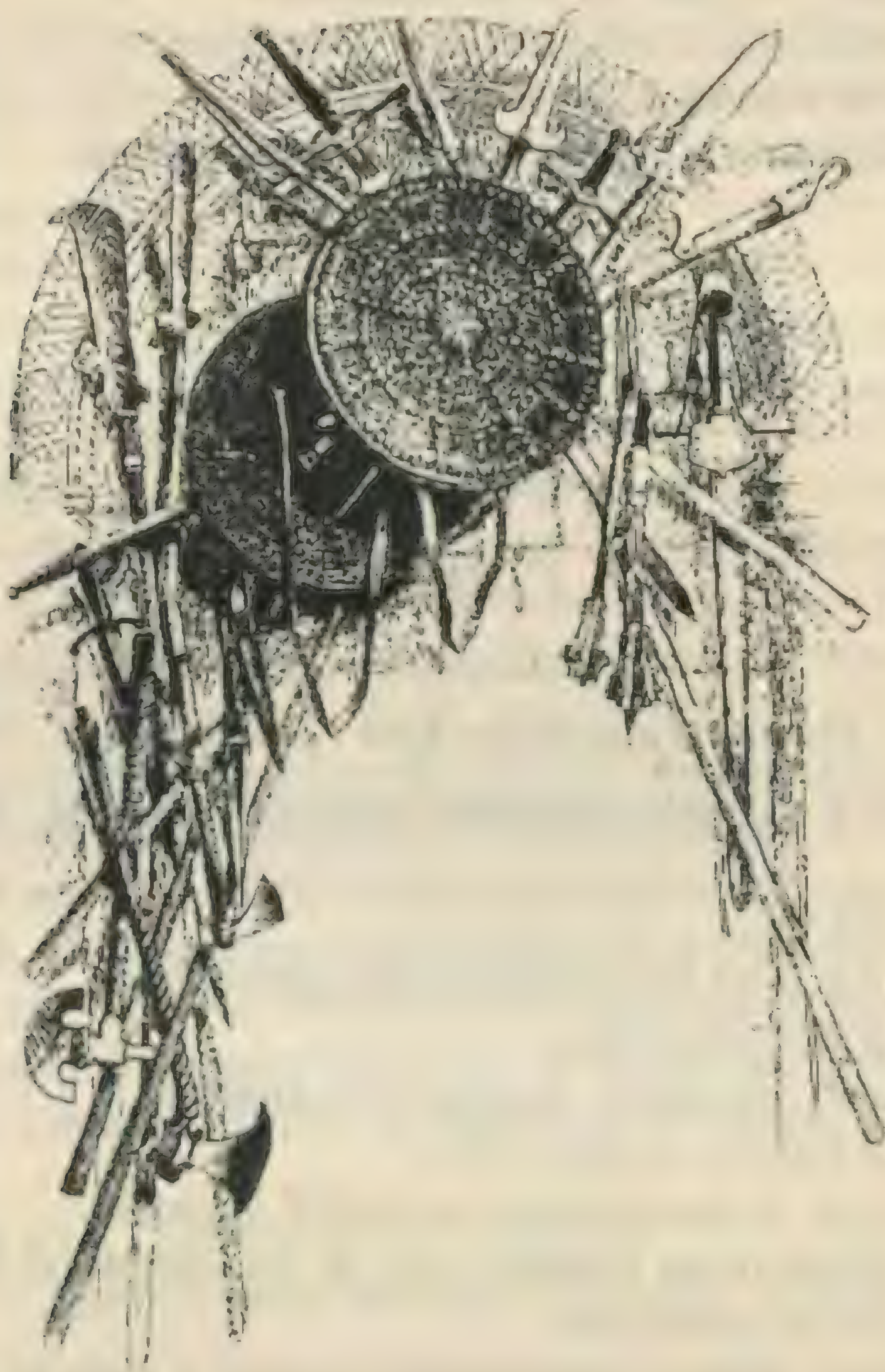

Рисунок Джона Джильберта

И дать оттуда на письмо ответ.
Гонцы здесь дожидаются. Заставьте
Себя отвлечься от своих невзгод
Для наших, не терпящих отлагательств.

Г л о с т е р

Рад вам служить, миледи, и за честь
Почту гостями видеть вас обоих.

Уходят.

Сцена 2

Перед замком Глостера.

Входят с разных сторон К е н т и О с в а л ь д.

О с в а л ь д. С наступающим утром, приятель. Ты здешний?

К е н т. Да.

О с в а л ь д. Где бы нам лошадей поставить?

К е н т. В любую лужу.

О с в а л ь д. Не шутя, скажи, будь другом.

К е н т. Я совсем не друг тебе.

О с в а л ь д. А мне дела нет до твоей дружбы.

К е н т. Если б ты попался мне в Липсберийском загоне, было б у тебя до меня дело.

О с в а л ь д. Что ты привязался ко мне? Я тебя не знаю.

К е н т. Зато я, брат, знаю тебя.

О с в а л ь д. Кто ж я, по-твоему?

К е н т. Подлец, мерзавец, блюдолиз. Низкий, надутый дурак и прощелыга, вот ты кто. Холоп и хозяйкин угодник в шерстяных чулках, с душонкой доносчика, с помадой и зеркальцем в сундучке, твоим единственным богатством. Гнусный льстец, который готов на любую пакость, чтобы отличиться, но всю жизнь остается обыкновенной гадиной чистой воды. Подхалим, которого я изобью до бесчувствия, если он осмелится отречься хотя бы от одного из этих определений.

О с в а л ь д. Вот несуразный! И все это — человеку, которого он видит в первый раз и который сам знать его не знает.

К е н т. Ах ты, бесстыжая рожа! Что ты притворяешься, будто не знаешь меня? Двух дней не будет, как я сшиб тебя с ног и отдул на глазах у короля. Берись за меч, каналья! Хотя еще ночь, но светит месяц. Я приготовлю из тебя рубленое мясо под лунною подливкой. Берись за меч, папильотка из парикмахерской, берись! *(Обнажает свой меч.)*

О с в а л ь д. Отстань! Я не желаю связываться с тобой.

К е н т. Вынимай меч, мошенник! При тебе письма против короля. Ты пособник этой спесивой куклы, строящей козни против своего царственного отца. Защищайся, каналья, а то я искрошу и поджарю тебя. Держись, бездельник, отражай мои удары!

О с в а л ь д. Караул! Режут! Караул!

К е н т. Рубись, ничтожество! Отбивайся! Действуй! *(Бьет его.)*

О с в а л ь д. Караул! Режут! Режут!

Входит Э д м у н д.

Э д м у н д. Что тут такое? Это что за свалка?

К е н т. Сюда, сюда, милейший! Вам тоже захотелось? Пожалуйста, пожалуйста, молодой человек, попробуйте крови.

Входит Г л о с т е р.

Г л о с т е р. Мечи? Оружье? Что здесь происходит?

Входят герцог Корнуэльский, Регана и слуги.

Г е р ц о г К о р н у э л ь с к и й

Под страхом смерти — тише, не шуметь!
Поднявший меч — умрет.— Кто эти люди?

Р е г а н а

Гонцы от короля и от сестры.

Г е р ц о г К о р н у э л ь с к и й

Из-за чего затеяли вы драку?

О с в а л ь д

Едва дышу, милорд.

К е н т. Не мудрено. Какого ты набрался страху! Эх ты, трус несчастный, природа отрекается от тебя. Не она, а какой-нибудь портной смастерил тебя.

Г е р ц о г К о р н у э л ь с к и й. Что за чудак! Почему портной? Разве портной может скроить человека?

К е н т. Конечно, портной. А то кто же? Каменотес или жи-

вописец в час или два работы изготовили бы что-нибудь позанятнее.

Герцог Корнуэльский. Все-таки отчего вы подрались?

Освальд. Этот старый грубиян, которого я пощадил только ради его седой бороды...

Кент. Ах ты, ижица, лишняя буква в азбуке!— Милорд, позвольте я сотру его в порошок и выкрашу им стены нужника. “Пощадил только ради его бороды...” Ах ты, трясогузка!

Герцог Корнуэльский

Молчать, бездельник! Видно, ты забыл,
В чьем ты присутствии?

Кент

Нет, сударь, помню.
Но и у гнева есть свои права.

Герцог Корнуэльский

Чем ты разгневан?

Кент

Что дано оружие
Свинье, которой чести не дано.
О, эти лживые льстецы! Как крысы,
Они перегрызают пополам
Святые узы крови, угождают

Страстям господ, льют масло в их огонь
И леденят их каменные души.
Что “да” сказать, что “нет”, им все равно,
Лишь угодить бы тем, за кем без смысла
Они послушно бегают, как псы.
У, чтоб тебя! Над чем ты скалишь зубы?
Какой тут смех? Шут, что ли, я тебе?
Попался б ты мне, гусь, в Саремском поле,
Летел бы до Камлота гогоча.

Герцог Корнуэльский

Ты не рехнулся?

Глостер

Что за спор меж вами?

Кент

На свете неприязни нет сильней,
Что между мной и этим негодяем.

Герцог Корнуэльский

Чем негодяй он? В чем его вина?

Кент

Не нравится его лицо мне.

Герцог Корнуэльский

Вот как?

Быть может, и мое, его, ее?

Кент

Сэр, ремесло мое — быть откровенным.
Мне попадались лица лучше тех,
Которые я вижу пред собою.

Герцог Корнуэльский

Ах, вот он что за птица! Кто-нибудь
Однажды похвалил его за резкость,
Он с выгодой и стал играть на ней.
Он угождать не любит. Клюнет — ладно,
Не выгорит — ну что ж, на то он прост.
Мне этот сорт обманщиков известен.
За ложной прямою их больше зла,
Чем в раболепье двадцати придворных.

Кент

По совести и чести, пред лицом
Особы светозарной вашей, герцог,
Сияющей, как Феб, снопом лучей...

Герцог Корнуэльский

Постой. Что хочешь выразить ты этим?

К е н т. Раз вам не нравится моя манера речи, я изменю ее. Действительно, я не льстец. Однако тот, кто обманул вас ноткою простодушия, был простым мерзавцем, — разряд простоты, к которому я не могу себя причислить.

Герцог Корнуэльский

Чем ты его обидел?

Освальд

Я — ничем.

А вот король недавно по ошибке
Прибил меня, а этот подоспел,
Ко мне подкрался сзади, дал подножку
И над лежащим без стыда трунил.
Король хвалил его за этот подвиг.
Припомнив эти славные дела,
Здесь на меня набросился он снова.

К е н т

Послушать краснобая, так Аякс —
Щенок пред ним.

Герцог Корнуэльский

Подать сюда колодки!

Ты посидишь в них, неуч и хвастун!
Я проучу тебя!

К е н т

Я стар учиться.
А от колодок лучше отказаться.
Я с порученьем к вам от короля,
Его гонец — двойник его особы.
В колодки посадить его посла —
Почти что личный вызов государю.

Г е р ц о г К о р н у э л ь с к и й

Подать колодки! Он в них просидит
До самого обеда.

Р е г а н а

До обеда?
До вечера! И ночь всю напролет!

К е н т

Сударыня, за что? Да будь я даже
Псом вашего отца, а не послом,
Не нужно бы со мной так обращаться.

Р е г а н а

Но вы не пес отца, а негодяй!

Г е р ц о г К о р н у э л ь с к и й

Вот про таких людей сестра и пишет.—
Колодки где?

Приносят колодки.

Г л о с т е р

Послушайте, милорд,
Оставьте это. Пусть его накажет
В ответ на вашу жалобу король.
К такому наказанию присуждают
Подонков общества, бродяг, воров
И прочий сброд. Король на эту меру
Обидится.

Г е р ц о г К о р н у э л ь с к и й

Ответственность на мне.

Р е г а н а

Сестре гораздо, может быть, обидней,
Что безнаказанно ее людей
Позорят здесь при исполнении долга.—
Надеть колодки на него!

Кента сажают в колодки.

Идем.

Все, кроме Глостера и Кента, уходят.

Г л о с т е р

Мне жаль тебя, но тут хозяин — герцог.
Ему перечить, знаешь сам, нельзя.
Однако я попробую вступиться.

К е н т

Не надо, сэ. В дороге я не спал,
И мне все будет нипочем, как выплюсь.
Велико дело — ноги защемить!
Бывает хуже, как защемит сердце.
Прощайте, сэ.

Г л о с т е р

Нет, герцог поступил нехорошо!

(Уходит.)

К е н т

Да, мой король, час от часу не легче.
Попал ты из дождя да под капель.—
Зажгись скорей, луна, маяк вселенной,—
Я при твоих лучах прочту письмо.
Хоть больше нет чудес, они бывают
Еще с людьми, попавшими в беду.
Не чудо ли: Корделия мне пишет!
Она узнала, где скрываюсь я,
И только ждет удобного мгновенья,
Чтобы помочь. Итак, глаза мои
Усталые, закройте, чтоб не видеть
Позорного приюта. Ну, судьба,
Еще раз улыбнись мне. Доброй ночи.
К удаче поверни мне колесо.

(Засыпает.)

Сцена 3

Лес.

Входит Э д г а р.

Э д г а р

Я слышал приговор себе заочный
И скрылся от погони здесь в дупле.
Все гавани закрыты. Нет местечка,
Где не расставлено мне западни.

Эдгар. Рисунок Джона Джильберта

Я буду прятаться, пока удастся.
Приму нарочно самый жалкий вид
Из всех, к каким людей приводит бедность,
Почти что превращая их в зверей.
Лицо измажу грязью, обмотаюсь
Куском холста, взъерошу волоса
И полуголым выйду в непогоду
Навстречу вихрю. Я возьму пример
С бродяг и полоумных из Бедлама.
Они блуждают с воплями кругом,
Себе втыкают в руки иглы, гвозди,
Колючки розмарина и шипы
И, наводя своим обличем ужас,
Сбирают подаянье в деревнях,
На мельницах, в усадьбах и овчарнях,
Где плача, где грозясь. Какой-нибудь
“Несчастный Том” еще ведь значит что-то,
А я, Эдгар, не значу ничего.

(Уходит.)

Сцена 4

Перед замком Глостера.

Кент в колодках. Входят Лир, шут и придворный.

Лир

Уехали из замка, а гонца
Ко мне не отослали. Непонятно.

П р и д в о р н ы й

**Вчера, как слышал я со стороны,
О выезде они не помышляли.**

К е н т

Будь славен, благородный государь!

Л и р

Ты этим срамом коротаешь время?

К е н т

Нет, милорд.

Ш у т. Ха-ха-ха! Жесткие на нем подвязки! Лошадей привязывают за голову, собак и медведей — за шею, обезьян — поперек туловища, а людей — за ноги. Кто больно прыток, тому надевают на ноги деревянные чулки.

Л и р

**Кто должности твоей не оценил
И посадить посмел тебя в колодки?**

К е н т

Он и она, ваш зять и ваша дочь.

Л и р

Нет!

К е н т

Да.

Л и р

Нет, говорю я!

К е н т

А я говорю, да!

Л и р

Нет, нет, они бы не посмели!

К е н т

Да вот посмели, как видно.

Л и р

Клянусь Юпитером, что нет!

К е н т

Клянусь Юноною, что да.

Л и р

Не верю.

Они бы не решились, не могли,
Не покусились бы. Ведь это хуже
Убийства! Предумышленно нанести
Такое оскорбление! Что ты сделал,

Ты, мой посол, чтоб на себя навлечь
Такой позор?

К е н т

Когда, привезши в замок
От вашего величества письмо,
Его сдавал я, стоя на коленях,
Вбежал в пыли, в поту другой гонец.
Он им привез письмо от Гонерильи,
С которым и протиснулся вперед,
Не давши мне докончить порученье.
Когда они прочли ее письмо,
То заспешили и, собравши свиту,
Вскочили на коней, велевши мне
Поехать вслед и ожидать ответа.
Тут я наткнулся снова на гонца,
Который повредил мне на приеме, —
Того же самого, что говорил
Вам дерзости на днях у Гонерильи.
Вспылив сильней, чем разум позволял,
Я вынул меч, и он трусливым криком
Созвал весь дом. Ваш зять и дочь нашли,
Что поведение мое достойно
Такого наказанья.

Ш у т. Зима еще не прошла, коли гуси летят в ту сторону.

Отец в лохмотьях на детей
Наводит слепоту.

Богач-отец всегда милей
И на ином счету.
Судьба продажна и низка
И презирает бедняка.

Но это еще что! В будущем тебе предстоит столько огорчений
от дочерей, что в год не сочтешь.

Л и р

Меня задушит этот приступ боли!
Тоска моя, не мучь меня, отхлынь!
Не подступай с такою силой к сердцу!—
Где дочь, ты говоришь?

К е н т

Она в гостях

У графа в замке.

Л и р
(придворному)

Не ходи за мною.
Останься здесь.

Уходит.

П р и д в о р н ы й

Вы больше ничего
Не сделали? Вы рассказали правду?

К е н т

Да, больше ничего. Но с королем
Так мало вас. Где остальная свита?

Ш у т. Вот если бы ты сидел в колодках за такой вопрос, это было бы по заслугам.

К е н т. Почему, шут?

Ш у т. Надо отдать тебя в ученье к муравью. Он тебя научит, что зимою нет заработка. Все люди с нюхом, и притом не слепые, глядят в оба. Из двадцати нет никого, кто бы не чувствовал, когда начинает плохо пахнуть. Отходи в сторону, когда с горы катится большое колесо, чтобы оно не сломало тебе шею, но хватайся за него, когда оно поднимается в гору. Если мудрец даст тебе лучший совет, верни мне мой обратно. Пусть только мерзавцы следуют ему, раз дурак дает его.

Того, кто служит за барыш
И только деньги ценит,
В опасности не сохранишь,
И он в беде изменит.
Но шут твой — преданный простак,
Тебя он не оставит.
Лукавый попадет впросак,
Но глупый не слукавит.

К е н т

Где ты, дурак, это выучил?

Ш у т. Где бы ни выучил, да не в колодках, как ты, дурак.

Возвращаются Лир с Глостером.

Лир

Не могут говорить со мной? Больны?
Утомлены дорогой? Отговорки!
Непослушанья знаки! Пусть они
Как следует ответят.

Глостер

Государь мой!

Вы знаете, как герцог сгоряча
Неукротим. Его не переспоришь.

Лир

Смерть! Мщенье! Что за черт! Неукротим?
Мне надо, надо, понимаешь, Глостер,
Мне надо видеть герцога с женой!

Глостер

Мой государь, я говорил им это.

Лир

Ты говорил! А понял ты меня?

Глостер

Да, государь.

Лир

Вот надо как сказать:

Король желает говорить с Корнуолом,
С родною дочкой — любящий отец,
И ждет ее услуг. Сказал ты это?
Нет! Жизнь и кровь моя! Скажи, скажи
Неукротимому... постой, не надо.
Действительно, он болен, может быть,
И многое простительно болезни.
Мы сами не свои, когда душа
Томится всеми немощами тела.
Я погожу. Я слишком был горяч
И не подумал. Было безрассудно
Слова больного принимать всерьез.
Однако погоди.

(Глядя на Кента.)
Какого черта

Сидит в колодках этот человек?
Нет, их отъезд сюда — одна увертка.
Освободить его! Ступай, скажи
Ему и ей, что я хочу их видеть
Немедленно, что я им приказал
Прийти для объяснений, а иначе
Я барабанить в спальне прикажу
Так, чтоб скончались спящие от страха.

Г л о с т е р

Ах, если бы все кончилось добром!

(Уходит.)

Л и р

Как больно бьется сердце! Тише, тише!

Ш у т. Прикрикни на него, дяденька, как стряпуха на угрей, которых она живьем запекала в тесто. Она щелкала их палкой по головам и кричала: “Не высовывайтесь, проказники”! А ее брат так любил свою лошадь, что кормил ее сеном с маслом.

Входят герцог Корнуэльский, Регана, Глостер и слуги.

Л и р

Привет вам, дети.

Герцог Корнуэльский

Здравствуйте, милорд.

Кента освобождают.

Р е г а н а

Я рада вашей светлости.

Л и р

Еще бы!

А то б я должен был расторгнуть брак
С могилой матери твоей, хранящей
Обманщицы останки.

(Кенту.)

А, тебя

Освободили? Но об этом после.—

Моя Регана дорогая, знай:

Твоя сестра — большая негодяйка.
Она, как коршун, мне вонзила в грудь
Жестокости своей дочерней когти.

(Хватаясь за сердце.)

Не в силах говорить. Ты угадать
Не можешь, сколько злости в ней, Регана!

Р е г а н а

Спокойней, сэр. А я убеждена,
Что вы совсем без всяких оснований
Несправедливы к ней.

Л и р

Как мне понять?

Р е г а н а

Мне трудно допустить, чтоб Гонерилья
Могла забыть свой долг. А если ей
Пришлось унять бесчинства вашей свиты,
Я одобряю этот трезвый шаг.

Л и р

Будь проклята она!

Р е г а н а

Отец, вы стары.
Жизнь ваша у предела. Вам нужна

Король Лир и Регана. Рисунок Джона Джильберта

Поддержка и советы тех, кто знает
Природу вашу лучше вас самих.
Поэтому, пожалуйста, вернитесь
К сестре. Чистосердечно перед ней
Сознайтесь в том, что были вы неправы.

Л и р

Просить у ней прощенья? А на что
Похоже это будет? Полюбуйся.

(Становится на колени.)

“Родная дочь, никчемн я и стар.
Не откажи, молю я на коленях,
Дать мне одежду, пищу и постель!”

Р е г а н а

Оставьте скоморошничать. Довольно.
Вернитесь к ней.

Л и р

(поднимаясь)

Регана, никогда!

Она мне вдвое сократила свиту,
Смотрела исподлобья на меня,
Словами ядовитыми язвила.
Пусть небеса обрушат месть свою
Ей на голову. Пламя лихорадки,
Спали ее!

Герцог Корнуэльский
Нехорошо, милорд!

Л и р

Стремительные молнии, сверканьем
Ей выжгите бесстыжие глаза!
Болезнь, испепели ее гордыню!
Пары болот, разъешьте ей лицо!

Р е г а н а

О боги! И меня, наверно, так же
В припадке гнева будете вы клясть?

Л и р

Тебя? О нет! За что ж тебя, Регана?
Твой кроткий нрав мне повода не даст.
Ее надменный взгляд приводит в ярость,
А твой — миротворит. Не станешь ты
Отказывать мне в радостях и средствах
На содержание моего двора
И запираяться при моем приходе.
Ты не глуха ведь к голосу родства,
Законам вежливости, чувству долга.
Забыть не можешь ты, что я тебе
Полкоролевства отдал.

Р е г а н а

Ближе к делу.

Л и р

В колодки кем посажен мой слуга?

Трубы за сценой.

Герцог Корнуэльский

Чьи это трубы?

Р е г а н а

Верно, Гонерильи.

В письме есть о приезде речь.

Входит Освальд.

Ну как,

Приехала миледи?

Л и р

Вот мерзавец,

Чванливо-наглый потому, что он

Уверен в покровительстве хозяйки.

Прочь с глаз моих!

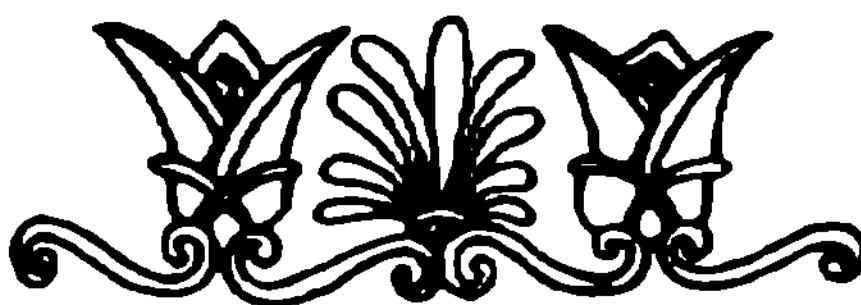
Герцог Корнуэльский

Чем я могу служить

Вам, ваша милость?

Л и р

По чьему приказу

Мой человек в колодках? Убежден,
Что ты не знала этого, Регана!

Входит Гонерилья

Но нет, кто это? Боги, если вам
Любезна старость, мило послушанье
И сами вы не молоды, молю
Принять мое несчастье близко к сердцу!

(Гонерилье.)

Тебе не стыдно бороды моей?
Ужель, Регана, ты подашь ей руку?

Гонерилья

Подаст, конечно. Почему же нет?
Не все порок, что кажется пороком
Безумцу и брюзге.

Лир

О грудь моя!

Снесла все это и цела осталась?—
Как угодил в колодки мой слуга?

Герцог Корнуэльский

По моему приказу. Я напрасно
Его еще так мягко наказал.

Лир

Так это вы осмелились? Вы сами?

Р е г а н а

Не забывайте лет своих, отец.
Живите в соответствии с годами.
Сначала погостите у сестры,
Полсвиты распустив, а через месяц
Пожалуйте с таким же штатом к нам.
Я здесь сама в гостях и не успела
Для встречи с вами приготовить дом.

Л и р

Вернуться к ней и распустить полсвиты?
Нет, лучше я от крова откажусь
И в обществе совы и волка сдамся
На милость непогоды и нужды!
Вернуться к ней? Тогда ведь есть в запасе
Король Французский, пылкий муж меньшей,
Которую он взял, презрев приданым.
Я брошусь в ноги к ним и попрошусь
К ним приживальщиком до самой смерти!
Вернуться к ней! Я лучше соглашусь
Подручным быть у этого лакея.

(Показывает на Освальда.)

Г о н е р и л ь я

Как вам угодно.

Л и р

Дочка, не своди

Меня с ума. Я более не буду
Мешать тебе. Прощай, мое дитя.
Я больше никогда с тобой не встречусь.
Но все ж ты плоть, ты кровь, ты дочь моя,
Или, верней, болячка этой плоти
И, стало быть, моя болезнь, нарыв,
Да, опухоль с моею гнойной кровью.
Я не браню тебя. Пускай в тебе
Когда-нибудь самой проснется совесть.
Я стрел не кличу на твое чело,
Юпитеру не воссылаю жалоб.
Исправься в меру сил. Я подожду.
Я буду в это время жить с Реганой
В кругу ста рыцарей.

Р е г а н а

Прошу простить:
Принять вас я, к несчастью, не готова.
Я не ждала вас. Знаете, отец.
Послушайтесь сестры. Вы пошумели,
Вы стары, все забыто, а сестре
Видней, что делать.

Л и р

К месту ль эти речи?

Р е г а н а

Она права. Полсотни человек

Вполне довольно. Неужели мало?
Да нет, и этих много чересчур:
И дорого и страшно. Согласитесь, —
При двоевластьи с такой толпой
Хранить порядок в доме невозможно.

Гонери лья

И, наконец, скажите, чем вам плох
Уход ее или моей прислуги?

Регана

И правда, сэр. Когда не угодят,
Мы проберем их. Кстати, при наездах
Ко мне, боюсь, я вам позволю взять
Лишь двадцать пять, не больше, провожатых.

Лир

Я все вам дал!

Регана

И вовремя, отец.

Лир

Все передал на ваше усмотренье
И только выговорил для себя
Такую свиту. Правильно ль я слышал?
Из слуг я взять могу лишь двадцать пять,
Сказала ты, Регана?

Регана

Да, сказала.
Лишь двадцать пять, еще раз повторю.

Лир

Плохие, стало быть, не так уж плохи,
Когда есть хуже. Кто не хуже всех,
Еще хорош.

(Гонерилье.)

Тогда к тебе я еду.
Полсотни больше двадцати пяти
В два раза, значит — ты в два раза лучше.

Гонерилья

Сказать по правде, эти двадцать пять
И десять или пять излишни в доме,
Где вам приставят вдвое больше слуг.

Регана

Ни одного не нужно.

Лир

Не ссылайся
На то, что нужно. Нищие и те
В нужде имеют что-нибудь в избытке.
Сведи к необходимости всю жизнь,

И человек сравнивается с животным.
Ты женщина. Зачем же ты в шелках?
Ведь цель одежды — только чтоб не зябнуть,
А эта ткань не греет, так тонка.
Что неотложно нужно мне? Терпенье.
Вот в чем нужда. Терпенье нужно мне.
О боги, вот я здесь! Я стар и беден,
Согбен годами, горем и нуждой.
Пусть даже, боги, вашим попущеньем
Восстали дочери против отца, —
Не смейтесь больше надо мной. Вдохните
В меня высокий гнев. Я не хочу,
Чтоб средства женской обороны — слезы
Пятнали мне мужские щеки! Нет!
Я так вам отомщу, злодейки, ведьмы,
Что вздрогнет мир. Еще не знаю сам,
Чем отомщу, но это будет нечто
Ужаснее всего, что видел свет.
Вам кажется, я плачу? Я не плачу.
Я вправе плакать, но на сто частей
Порвется сердце прежде, чем посмею
Я плакать. — Шут мой, я схожу с ума!

Уходят Лир, Глостер, Кент и шут.
Вдали шум приближающейся бури.

Герцог Корнуэльский

Уйдемте. Надвигается гроза.

Р е г а н а

Здесь в доме тесно. Старика со свитой
Немыслимо здесь было б разместить.

Г о н е р и л ь я

Сам виноват. Зачем мой дом оставил?
Пускай теперь пеняет на себя.

Р е г а н а

Его бы я охотно приютила,
Но больше никого.

Г о н е р и л ь я

Да, ты права.

Где Глостер?

Г е р ц о г К о р н у э л ь с к и й

Провожает старика.

Вот он вернулся.

Возвращается Г л о с т е р.

Г л о с т е р

В короле бушует

Вся кровь от гнева.

Г е р ц о г К о р н у э л ь с к и й

Что предпримет он?

Г л о с т е р

Велел всем на коня. Куда, не знаю.

Г е р ц о г К о р н у э л ь с к и й

Ну что ж, пускай. Не надобно мешать.

Г о н е р и л ь я

Не уговаривайте, чтоб остался.

Г л о с т е р

Стемнеет скоро. Наступает ночь.

Бушует вихрь. На много миль в округе

Нет ни куста.

Р е г а н а

Что ж, поделом. Плоды

Его упрямства, и ему наука

На будущее время. Мой совет —

Замкнуть ворота. С ним головорезы,

И без труда его подговорят

На что угодно. Будем осторожны.

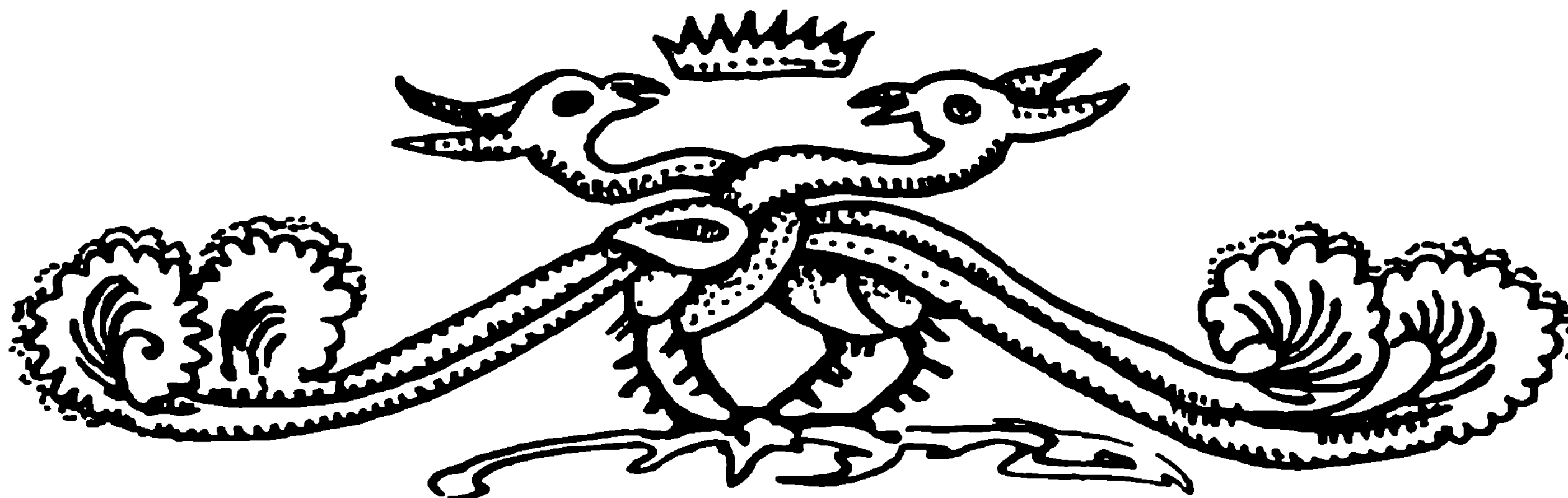
Г е р ц о г К о р н у э л ь с к и й

Заприте входы, граф. Жена права.

Неистовая ночь! Уйдем от бури.

Уходят.

АКТ III

Сцена 1

Степь.

Буря с громом и молнией. Входят с разных сторон К е н т
и придворный.

К е н т

Эй, кто здесь, кроме бури?

П р и д в о р н ы й

Человек,

Как буря, беспокойный.

К е н т

Я вас знаю.

А где король?

П р и д в о р н ы й

Сражается один

С неистовой стихией, заклиная,

Чтоб ветер сдунул землю в океан
Или обрушил океан на землю,
Чтоб мир переменился иль погиб.
Рвет волосы свои, и буйный ветер
Уносит их, хватая и крутя.
Всем малым миром, скрытым в человеке,
Противится он вихрю и дождю,
Которые сцепились в рукопашной.
В такую ночь, когда не выйдут вон
Медведица, и лев, и волк голодный,
Он мечется с открытой головой
И гибели самой бросает вызов.

К е н т

Но кто с ним?

П р и д в о р н ы й

Никого. Один лишь шут,
Старающийся шутками развеять
Его тоску.

К е н т

Сэр, по всему тому,
Что знаю я о вас, я вам доверю
Существенную тайну. Мира нет
Меж герцогом Корнуэльским и Альбанским,
Как это ни скрывают до сих пор.
У них, как и у всех владык, есть слуги,

Привязанные к ним на первый взгляд,
Но в сущности — французские шпионы.
Они доносят своему двору
Все сведения о нашем королевстве.
Там знают всё: о герцогах, об их
Раздорах, о суровом обращенье
Со старым нашим добрым королем.
Да и о том еще, пред чем все это —
Одни цветочки. Верно лишь одно:
В истерзанный наш край явилось войско
Из Франции. Наш недосмотр помог
Им высадиться. Не сегодня-завтра
Они, подняв знамена, вступят в бой.
Доверьтесь мне и поспешите в Дувр.
Там вы найдете ту, кто наградит
Вас щедро за подробное известье
О короле, о страшной, роковой
Беде его. И вот что в заключение:
Я родом дворянин, и я даю
Вам с полной верой это порученье.

П р и д в о р н ы й

Еще раз потолкуем.

К е н т

Ни к чему.

А в знак того, что я гораздо больше,

Чем я кажусь, вот вам мой кошелек
И все, что в нем. Вы встретите, наверно,
Корделию. Вот вам мое кольцо.
Вы ей его покажете при явке
И от нее узнаете поздней,
Кто я, ваш незнакомый собеседник.
Ну и гроза! Пойду за королем.

П р и д в о р н ы й

Я руку вам пожму. Вы б не хотели
Прибавить что-нибудь еще?

К е н т

Хочу.

Два слова, и притом о самом важном:
Кто первый набредет на короля
(А я пойду в ту сторону, вы — в эту),
Тот мигом дай другому знак о том.

Расходятся.

Сцена 2

Другой конец степи.

Буря продолжается. Входят Л и р и ш у т.

Л и р

Дуй, ветер! Дуй, пока не лопнут щеки!
Лей, дождь, как из ведра и затопи

Лир и шут. Рисунок Джона Джильберта

Верхушки флюгеров и колоколен!
Вы, стрелы молний, быстрые, как мысль,
Деревья расщепляющие, жгите
Мою седую голову! Ты, гром,
В лепешку сплюсни выпуклость вселенной
И в прах развей прообразы вещей
И семена людей неблагодарных!

Ш у т. Да, дяденька, святая вода светского общенья в сухом доме куда приятнее этой дождевой вне ограды! Вернемся, дяденька, назад и попросим у твоих дочерей отпущения грехов. Такая ночь не разбирает ни дураков, ни умных.

Л и р

Вой, вихрь, вовсю! Жги, молния! Лей, ливень!
Вихрь, гром и ливень, вы не дочки мне,
Я вас не упрекаю в бессердечье.
Я царств вам не дарил, не звал детьми,
Ничем не обязал. Так да свершится
Вся ваша злая воля надо мной!
Я ваша жертва — бедный, старый, слабый.
Но я ошибся. Вы не в стороне —
Нет, духи разрушенья, вы в союзе
С моими дочерьми и войском всем
Набросились на голову седую.
Подобную моей. Не стыдно вам?

Ш у т. У кого есть дом, куда сунуть голову, тот, бесспорно, с головой на плечах.

Кто в брак вступает второпях,
Не позаботившись о доме,
Тот скоро будет весь во вшах,
Как оборванец на соломе.
Вниманье надо посвящать
Душе, а не большому пальцу,
А то мозоль не даст вам спать,
Пустяк вас превратит в страдальца.

Не нравится? А была ли на свете красавица, которая
бы не дулась на свое зеркало?

Л и р

О нет, я буду образцом терпенья,
Ни слова больше не скажу.

Входит К е н т.

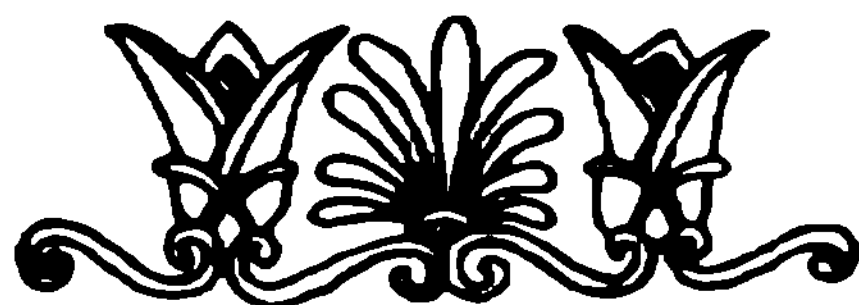
К е н т

Кто здесь?

Ш у т. Все, что надо. Голова и хвост, рассудительный и
дурак.

К е н т

Вы вот где, сэр? Ночную тварь и ту бы
Такая ночь спугнула. Гнев небес
Удерживает хищников в берлогах.
С тех пор как я живу, я не слышал
Такого грома и такого ливня

С такими молниями не видал.
Не в наших силах вынести без последствий
Так много горя.

Л и р

Боги, в высоте
Гремящие, перстом отметьте ныне
Своих врагов! Преступник, на душе
Твоей лежит сокрытое злодейство.
Опомнись и покайся! Руку спрячь
Кровавую, непойманный убийца!
Кровосмеситель с праведным лицом,
Клятвопреступник с обликом святого,
Откройте тайники своих сердец,
Гнездилища порока, и просите
Помилованья свыше! Я не так
Перед другими грешен, как другие —
Передо мной.

К е н т

С открытой головой!
Здесь рядом есть шалаш. Он вас укроет
От бури. Я тем временем вернусь
В твердыню, жители которой тверже,
Чем камень стен ее. Я к ним ходил,
Разыскивая вас, но не был впущен,
Еще раз попытаюсь. Не добром,
Так силою добьюсь гостеприимства.

Л и р

Я, кажется, сойду сейчас с ума.—
Что, милый друг, с тобой? Озяб, бедняжка?
Озяб и я.— Где, братец, твой шалаш?
Алхимия нужды преображает
Навес из веток в золотой шатер.
Мой бедный шут, средь собственного горя
Мне так же краем сердца жаль тебя.

Ш у т
(поет)

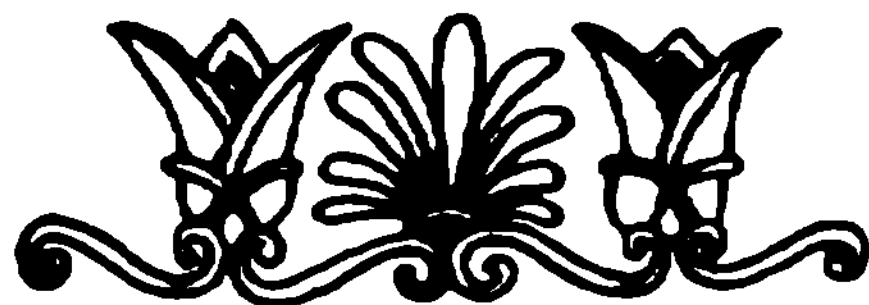
У кого ума крупица,
Тот снесет и дождь и град.
Он ненастья не боится,
Счастьем и несчастьем рад.

Л и р. Верно, дружок.— Ну води нас в свой шалаш.

Лир и Кент уходят.

Ш у т. Это подходящая ночь, чтобы охладить любые страсти. Перед тем как уйти, попророчествую:

Когда попов пахать заставят,
Трактирщик пива не разбавит,
Портной концов не утаит,
Сожгут не ведьм, а волокит,
В судах наступит правосудье,
Долгов не будут делать люди,
Забудет клеветник обман

И не полезет вор в карман,
Закладчик бросит деньги в яму,
Развратник станет строить храмы, —
Тогда придет конец времен,
И пошатнется Альбион,
И сделается общей модой
Ходить ногами в эти годы.

Это пророчество сделает Мерлин, который будет жить
после меня. (*Уходит.*)

Сцена 3

Комната в замке Глостера.

Входят Глостер и Эдмунд.

Г л о с т е р. Эдмунд, Эдмунд, не нравится мне это бессердечие! Когда я попросил у них позволения помочь ему, они стали хозяйничать у меня в доме и запретили мне под страхом вечной опалы заикаться о нем, просить за него и как бы то ни было его поддерживать.

Э д м у н д. В высшей степени дико и бесчеловечно!

Г л о с т е р. Ладно, помалкивай. Герцоги повздорили! Есть кое-что посерьезней. Я получил вечером письмо. О нем опасно говорить. Я его запер у себя в комнате. Несправедливости, которые терпит король, не останутся без отмщения. В стране высадилось чужое войско. Нам надо стать на сторону короля. Я разыщу его и тайно помогу ему. Ступай, займи герцога разговором, чтобы он не заметил моего отсутствия. Если он

спросит, где я, скажи, что я болен и лег в постель. Хотя бы мне пригрозили за это смертью, я не могу оставить без помощи короля, моего старого повелителя. Станные дела творятся на свете, Эдмунд! Будь, пожалуйста, поосторожнее. (*Уходит.*)

Э д м у н д

Про тайную поддержку короля
И про письмо я герцогу открою.
Вот случай выслужиться перед ним.
Старик пропал. Я выдвинусь вперед.
Он пожил — и довольно. Мой черед.

(*Уходит.*)

Сцена 4

Край степи с шалашом.

Буря продолжается. Входят Лир, Кент и шут.

К е н т

Вот он, шалаш. Войдите, государь.
Не стойте в бурю под открытым небом —
Простудитесь.

Л и р

Ступай, оставь меня.

К е н т

Войдите.

Л и р

Ты разбить мне сердце хочешь?

К е н т

Охотнее я разобью свое.

Войдите, государь.

Л и р

Какой ты странный!

Ты думаешь, промокнуть до костей —

Такое горе? Но несчастье меркнет

Пред большею напастью. Например:

Ты прибежал, спасаясь от медведя,

К бушующему морю — ты свернешь

Медведю в пасть. При бодром духе тело

Чувствительно. Но у меня в груди

Все вытеснено вон душевной бурей.

Одно томит, одно я сознаю,

Одно: дочернюю неблагодарность!

Ведь это все равно, как если б рот

Кусал его питающую руку.

Но я им покажу! Довольно слез.

Прогнать меня в такую ночь наружу!

Лей, ливень! Вытерпеть достанет сил.

В такую ночь! Регана, Гонерилья!

Отца, который стар, и отдал все,

И вас любил!.. Слабеет мой рассудок.
От этого легко сойти с ума!

К е н т

Мой государь, укроемся под крышей.

Л и р

Забиться о себе. Мне ураган
Приносит облегченье. Он мешает
Мне думать о другом. Но я войду.

(Шуту.)

Иди вперед, дружок. Ты нищ, без крова.
Я помолюсь и тоже лягу спать.

Шут входит в шалаш.

Бездомные, нагие горемыки,
Где вы сейчас? Чем отразите вы
Удары этой лютой непогоды,
В лохмотьях, с непокрытой головой
И тощим брюхом? Как я мало думал
Об этом прежде! Вот тебе урок,
Богач надменный! Стань на место бедных,
Почувствуй то, что чувствуют они,
И дай им часть от своего избытка
В знак высшей справедливости небес.

Э д г а р (из шалаша). Сажень с половиной, сажень с половиной! Бедный Том!

Ш у т выбегает из шалаша.

Ш у т. Не ходи туда, дяденька! Там нечистая сила! Ой, страсти, ой, страсти!

К е н т. Дай руку мне. Кто там?

Ш у т. Злой дух, злой дух! Он говорит, что его зовут бедный Том.

К е н т. Кто ты, рычащий там, в соломе? Выйди!

Из шалаша выходит Э д г а р, притворяющийся сумасшедшим.

Э д г а р. Бегите! Бесы гонятся за мной! В терновнике северный ветер свистит. Ложись в холодную постель и согрейся.

Л и р

Ты отдал все своим двум дочерям
И стал таким?

Э д г а р. Подайте милостыньку бедному Тому! Черт носил его через костры огненные, броды и омуты, по трясинам и топям. Черт подкладывал Тому ножи под подушку, вешал петли над его сиденьем, подсыпал яду ему в похлебку. Соблазнял его скакать верхом на гнедом через мосты-жердочки за своею тенью, чтобы поймать ее, — зачем подсматривает. Храни бог ваш ум в целости. Брр, Тому холодно! Чур вас от вихря, от порчи, от звездного сглаза. Подайте Тому на пропитание. Бес мучит его. Вот он, поганый! Ну, погоди! Вот я его! Вот я его!

Буря продолжается.

Л и р

Что стало с человеком из-за дочек!
Ты отдал все? Ты ничего не спас?

Ш у т. Только передник остался. А то нам было бы неловко
смотреть на него.

Л и р

Так пусть все зло, которым полон воздух,
На мерзких дочерей твоих падет!

К е н т. У него нет дочерей, государь.

Л и р

Сгинь, отрицатель! Кто мог надругаться
Над бедным, кроме жадных
дочерей?

Как вижу я, телесное страданье —
Законный бич всех изгнанных отцов.
И поделом! Их тело виновато
В рожденье кровожадных дочерей.

Э д г а р

Сидел на кочке Пилликок,
Сидел на буторке...

Ш у т. Эта холодная ночь превратит нас всех в шутов и
сумасшедших.

Э д г а р. Берегись злого духа, почитай родителей, будь верен слову, не божись, не заглядывайся на чужую жену, не приучай своей милой к роскоши. Тому холодно.

Л и р. Кем ты был раньше?

Э д г а р. Гордецом и ветреником. Завивался. Носил перчатки на шляпе. Угождал своей даме сердца. Повесничал с ней. Что ни слово, давал клятвы. Нарушал их средь бела дня. Засыпал с мыслями об удовольствиях и просыпался, чтобы их себе доставить. Пил и играл в кости. По части женского пола был хуже турецкого султана. Сердцем был лжив, легок на слово, жесток на руку, ленив, как свинья, хитер, как лисица, ненасытен, как волк, бешен, как пес, жаден, как лев. Не давай скрипу туфель и шелесту шелка соблазнять тебя, не бегай за юбками, сторонись ростовщиков, не слушай наущений дьявола.

В терновнике северный ветер свистит.
Да ну его, пусть себе свищет, зуда!
Дофин, мой наследник, не бегай туда.

Буря продолжается.

Л и р. Лучше было бы тебе лежать в могиле, чем подставлять свое голое тело под удары непогоды. Неужели вот это, собственно, и есть человек? Присмотритесь к нему. На нем все свое, ничего чужого. Ни шелка от шелковичного червя, ни воловьей кожи, ни овечьей шерсти, ни душистой струи от мускусной кошки. Все мы с вами поддельные, а он настоящий. Неприкрашенный человек и есть именно это бедное, голое

двуногое животное, и больше ничего. Долой, долой с себя все лишнее! Ну-ка отстегни мне вот тут. (*Срывает с себя одежды.*)

Ш у т. Перестань, дяденька. Не такая ночь, чтобы купаться. Теперь мало-мальский огонек какой-нибудь в степи — все равно что искорка жизни в старческом сердце. Только одна она теплится, а все остальное застыло. Кстати, не блуждающий ли огонек вдали? Видите? И, кажется, к нам.

Э д г а р. Это бес Флибертиджиббет. Он шатается по ночам, наводит бельма, косою глаз, заячью губу, гноит пшеницу на корню и губит все живое.

Три раза Витольд им грозился святой,
И топал на ведьм и кикимор пятой,
И сбросил их с метел,
И их отохотил
Проказить, прикрывшись ночной темнотой.

Сгинь, ведьма! Сгинь, рассыпья!

К е н т. Как вы себя чувствуете, ваше величество?

Входит Г л о с т е р с факелом.

Л и р. Кто это?

К е н т. Кто идет? Кого вы ищете?

Г л о с т е р. Кто вы такие? Как ваши имена?

Э д г а р. Мое имя — бедный Том! Он питается лягушками, жабами, головастиками и ящерицами. В припадке, когда одержим злым духом, не гнушается коровьим пометом, глотает крыс, гложет падаль и запивает болотной плесенью. Он переходит из села в село, от розог к розгам, из колодок в колодки,

из тюрьмы в тюрьму. У него три камзола на заду, шесть рубашек на теле, лошадь в конюшне и меч на боку.

Но лишь мышей и крыс семь лет
Давали Тому на обед.

Берегитесь моего демона, вот он рыщет. Брысь, Смолкин! Брысь, нечистый!

Г л о с т е р

В каком вы низком обществе, милорд!

Э д г а р

О нет, Модо и Мего — злые духи
Не из простых. Князь тьмы — недаром князь.

Г л о с т е р

Так выродились люди, ваша светлость,
Что восстают на тех, кто их родил!

Э д г а р

Бедный Том озяб.

Г л о с т е р

Со мной пойдемте. Ваших дочерей
Нельзя мне слушаться из чувства долга.
Они велели бросить вас в степи,
Без крова, одного, в такую бурю.
Но я вас отыскал и отведу
В пристанище, где есть огонь и пища.

Л и р

Я этого философа сперва
Хочу спросить: что есть причина грома?

К е н т

Пойдемте с ним, куда он пригласил.

Лир в шалаше Эдгара. Рисунок Джона Джильберта

Л и р

Лишь слово-два с фиванцем этим мудрым.
Что ты постиг?

И гадов бить.

Я с ним посоветуюсь.

**Настойчивее. Он в полубреду.
Добейтесь, чтоб пошел он вместе с нами.**

**Забредишь, если дочери его
Задумывают гибель государя!
Как это все предвидел честный Кент!
Так Лир, ты полагаешь, помешался?
Есть от чего. Я тоже за себя
Совсем не поручусь. Имел я сына.
Я от него отрекся и изгнал.
Он умышлял на жизнь мою**

Совсем на днях. А я его любил,
Как никого. И вот тоска об этом
Мне не дает покоя... Что за ночь!
Пойдемте с нами, государь.

Л и р

Простите,
Философ мудрый, окажите честь.

Э д г а р

Том озяб.

Г л о с т е р

Вот твой шалаш. Укройся.

Л и р

Все войдемте.

К е н т

А нам в другую сторону, милорд.

Л и р

С философом своим я не расстанусь.

К е н т
(Глостеру)

Придется уступить. Возьмем с собой
Помешанного.

Г л о с т е р

Видимо, придется.

К е н т

Пойдем-ка с нами братец. Шевелись!

Л и р

Пожалуйте, афинянин почтенный.

Г л о с т е р

Но не шумите. Тише, я прошу.

Э д г а р

Наехал на черную башню Роланд,

А великан как ахнет:

“Британской кровью пахнет”.

Уходят.

Сцена 5

Комната в замке Глостера.

Входят герцог Корнуэльский и Эдмунд.

Герцог Корнуэльский. Я отплачу ему, прежде чем покину его дом!

Эдмунд. О нет, милорд! А то меня будут укорять в том, что верность присяге заглушила мои сыновние чувства. Мне страшно подумать об этом.

Герцог Корнуэльский. Теперь я вижу, что твой брат покушался на него совсем не по злему умыслу, а потому, что Глостер сам этого заслуживал.

Эдмунд. Какая несчастная судьба у меня! Мне приходится жалеть, что я поступил правильно. Вот письмо, о котором он говорил мне. Из него явствует, что он шпионил в пользу Франции. О небо! Как бы мне хотелось, чтобы не было этой измены и мне не выпало на долю раскрыть ее!

Герцог Корнуэльский. Пойдем со мной к герцогине.

Эдмунд. Если содержание письма подтвердится, у вас бездна хлопот впереди.

Герцог Корнуэльский. Подтвердится или не подтвердится, а письмо сделало тебя графом Глостером. Разыщи своего отца, чтобы мы немедленно могли задержать его.

Эдмунд (*в сторону*). Если я застаю его утешающим короля, это возбудит еще больше подозрений. (*Громко.*) Я и дальше буду верен гражданскому долгу, хотя для этого мне придется подавлять голос крови.

Герцог Корнуэльский. Доверяю тебе и с успехом заменю тебе отца своею любовью.

Уходят.

Сцена 6

Комната на ферме, прилегающей к замку.

Входят Глостер, Лир, Кент, шут и Эдгар.

Глостер. Здесь все-таки лучше, чем на открытом воздухе. Поэтому не взыщите. Пойду придумаю еще что-нибудь, чтобы было поудобнее. Я отлучусь ненадолго.

К е н т. Его умственные силы не вынесли такого потрясения.— Награди вас боги за вашу доброту!

Глостер уходит.

Э д г а р. Фратеретто зовет меня. Он говорит, что Нерон промышляет рыбачеством у озера тьмы на том свете. Молись, дурачок, и остерегайся нечистого.

Ш у т. Скажи, дяденька, какое званье у полоумного? Дворянин он или простолюдин?

Л и р. Король, король!

Ш у т. Нет. Полоумный — это такой простолюдин, у которого сын дворянин. Потому что надо быть сумасшедшим, чтобы, будучи простолюдином, иметь над собой сына дворянина.

Л и р

Пусть дьяволы калеными щипцами
Ухватят и потащат их в огонь!

Э д г а р. Злой дух кусает меня в спину!

Ш у т. Полоумный — это вот кто: кто верит в кротость волка, в честность конского барышника, в любовь мальчика и полагается на клятвы изменницы.

Л и р

Да будет так. Я буду их судить.

(Эдгару.)

Садись сюда, ты сведущий судья.

(Шуту.)

А ты сюда, мудрец.— Я вас, лисицы!

Э д г а р. Ишь как он на них уставился! Опустите глаза на суде, сударыня.

Плыви ко мне, Бесси, через ручей.

Ш у т

Но есть в лодчонке течь.

Завесть об этом речь

Нет смелости у ней.

Э д г а р. Злой дух свищет соловьем бедному Тому в уши. Гопденс пляшет в животе у него и бурчит: “Дай селедку, дай селедку!” Кыш, нечисть, не квакай! Не дам ничего!

К е н т

Вам плохо, государь. Ведь так нельзя.

Прилягте, отдохните. Вот подушки.

Л и р

Начнем допрос.— Свидетели, вперед!

(Эдгару.)

Садись на место в мантии судейской.

(Шуту.)

Садись и ты с ним рядом на скамью.

(Кенту.)

А вы сюда, присяжный заседатель.

Э д г а р. Рассудим справедливо.

Не спи, пастух, гони мечту,

Твои стада во ржи.
Рожок твой приложи ко рту
И путь им покажи.

Мрр, мрр! Эта кошка — серая.

Л и р. Допросим ее первую. Это Гонерилья. Клятвенно утверждаю перед этим почтенным собранием, что она пинками вытолкала бедного короля, отца своего.

Ш у т. Подойдите, сударыня. Ваше имя Гонерилья?

Л и р. Она не будет отрицать этого.

Ш у т. Простите, пожалуйста: я вас принял за скамейку.

Л и р

А вот другая. Этот взгляд косой
Свидетельствует о ее двуличье.—
Куда? Держи! К оружию! Огня!
Подкуплен суд! Зачем, судья лукавый,
Ты дал ей улизнуть?

Э д г а р. Сохрани боги твой ум в целости.

К е н т

Как страшно это все! Где, государь,
Хваленая былая ваша ясность?

Э д г а р
(в сторону)

Я слезы лью так искренне о нем,
Что ложный вид свой ставлю под опасность.

Л и р

Все маленькие шавки, Трей, и Бланш,
И Милка, лают на меня. Смотрите.

Э д г а р. А вот Том швырнет в них своей головой. Пошли
вон, дворняжки!

Ты белянка иль черныш,
Все равно ты завизжишь.
Чистокровная иль помесь,
Взвоешь, с Томом познакомясь.
Пес-красавчик, пес-урод
Всех мастей и всех пород —
Волкодав, спаньель, овчарка, —
Всем задам, всем будет жарко,
Как в вас запущу башкой.

Тири-лири, поехали по ярмаркам, по базарам да по
святым местам. Обеднел ты, Том, стал сухим твой рог для
сбора подаяния.

Л и р. Судья, я требую медицинского вскрытия Реганы. Ис-
седуйте, что у нее в области сердца, почему оно каменное.
(Эдгару.) Вы, сэр, кажется, один из моих рыцарей. Но мне не
нравится, как вы одеты. Вы скажете, что это персидский на-
ряд. Все равно, надо переменить его.

К е н т. Прилягте, государь, и отдохните.

Л и р. Не шумите. Не шумите. Задержите полог... Так. Хо-
рошо. Завтра встанем, утром поужинаем. Так. Хорошо.

Ш у т. А я лягу спать в полдень.

Возвращается Г л о с т е р.

Г л о с т е р

Поди сюда, мой милый. Где король?

К е н т

Вот он. Но тише. Он ума лишился.

Г л о с т е р

Скорее на руки его возьми.
Я заговор против него подслушал.
Носилки здесь. Уложите его —
И мигом в Дувр. Там все уже готово.
Поторопись унести его скорей.
Минута дорога. Помедлишь — гибель
Ему и нам. Приподыми его.
Иди за мной. Я вам собрал охрану.

К е н т

Он спит, намучившись, глубоким сном.
О, если б, отдохнув, по пробужденье
Он вновь рассудком здравым овладел!

(Шуту.)

Помог бы ты нести нам господина.
Не отставай.

Г л о с т е р

Идем. Скорей, скорей!

Кент, Глостер и шут уходят и уносят Лира.

Э д г а р

Когда мы старших видим жертвой бедствий,
Бледнеет наше горе в их соседстве.
Ужасно одиночество в беде,
Когда кругом довольные везде,
Но горе как рукой бывает снято
В присутствии страдающего брата.
Свои несчастья легче я терплю,
Увидевши, как горько королю.
Детьми обижен он, а я — отцом.
Но близко, близко время, бедный Том!
Оправданный от клеветы, невинный,
Откроешься ты скоро, сняв личину.
Теперь бы только королю спастись,
А до тех пор скрывайся, Том, тайсь.

(Уходит.)

Сцена 7

Комната в замке Глостера.

Входят герцог Корнуэльский, Регана, Гонерилья,
Эдмунд и слуги.

Герцог Корнуэльский. Поезжайте скорее к вашему мужу. Покажите ему это письмо. Французские войска высадились. — Отыскать изменника Глостера!

Часть слуг уходит.

Р е г а н а. Повесить его немедленно!

Г о н е р и л ь я. Вырвать у него глаза!

Герцог Корнуэльский. Предоставьте его моему гневу.— Сопровождайте нашу сестру к ее мужу, Эдмунд. Лучше вам не видеть взыскания, которому мы подвергнем вашего предателя-отца. Посоветуйте герцогу, к которому вы едете, всемерную поспешность в вооружении. Мы тоже приготовимся. Поддерживайте с нами быструю и постоянную связь.— Прощайте, дорогая сестра. Прощайте, граф Глостер.

Входит Освальд.

А, это ты? Узнал ты, где король?

О с в а л ь д

Ему помог бежать отсюда Глостер.
При короле до тридцати пяти
Приверженцев. Они его искали
Всю ночь и с ним столкнулись у ворот.
Ватага эта с графскою подмогой
Пустилась к Дувру. Там, по их словам,
Их ждут друзья с большой военной силой.

Герцог Корнуэльский

Подайте герцогине лошадей.

Г о н е р и л ь я

Прощай, сестра. Прощайте, милый герцог.

Герцог Корнуэльский

Прощай, Эдмунд.

Гонерилья, Эдмунд и Освальд уходят.

**Немедленно найти
Злодея Глостера! Связать, как вора,
И привести.**

Оставшиеся слуги уходят.

**Хотя его нельзя
Казнить без видимости правосудья,
Найдем мы способ ярость утолить,
Не возбуждая толков. А, предатель!**

Часть слуг возвращается с Глостером.

Регана

Коварная лисица! Это он!

Герцог Корнуэльский

Вяжите крепче высохшие руки.

Глостер

Милорд, миледи! Не платите злом
За доброе мое гостеприимство.

Герцог Корнуэльский

Вяжите, я сказал!

Слуги вяжут Глостера.

Р е г а н а

Не так, не так.
Покрепче! У, бессовестный!

Г л о с т е р

Неправда!
Я с совестью, а вы вот — без души.

Г е р ц о г К о р н у э л ь с к и й

Привязывайте к креслу.— Будешь помнить,
Предатель!

Регана дергает Глостера за бороду.

Г л о с т е р

Боги, боги, старику
Рвать бороду!

Р е г а н а

Так сед и так коварен!

Г л о с т е р

Бессовестная! Эти волоса,
Которые ты вырвала, предстанут
На будущем суде! Я дал вам кров,

А вы мне, как разбойники, за это
Увечите лицо! Что надо вам?

Герцог Корнуэльский
Какие вам на днях прислали письма
Из Франции?

Регана
Ответьте напрямик.
Мы знаем все.

Герцог Корнуэльский
В каком вы соглашении
С врагом, недавно вторгшимся в наш край?

Регана
Куда вы короля препроводили?

Глостер
Письмо не от врага, а от лица
Стороннего.

Герцог Корнуэльский
Не смей вилить!

Регана

Неправда!

Герцог Корнуэльский
Куда ты короля отправил?

Глостер

В Дувр.

Регана

Как это — в Дувр! Наперекор запрету?

Герцог Корнуэльский
Пусть объяснит, с какою целью в Дувр.

Глостер

Я связанный сижу. Глумитесь вволю.

Регана

Зачем же в Дувр?

Глостер

Затем, чтоб не видеть,
Как вырвешь ты у старика глаза
Когтями хищницы, как клык кабаньей
Вонзит твоя свирепая сестра
В помазанника тело. Этой бури
И море б не снесло и, став стеной
До самых звезд, их залило бы пеной,
А старец с непокрытой головой
В такую ночь бродил во тьме кромешной

И слезы лил и ими помогал
Небесным тучам изливаться ливнем.
Когда б в такую бурю у ворот
Завыли волки, приказать бы надо:
“Впусти их, сторож”. Бешенство и злость
Сдались бы, но не ты. Но я увижу,
Как гром испепелит таких детей.

Герцог Корнуэльский

Увидишь? Никогда ты не увидишь!
Держите кресло, молодцы! Сейчас
Я растопчу твои глаза ногами!

(Вырывает глаз у Глостера.)

Глостер

Кто думает до старости дожить,
Ко мне на помощь! Ужас! Боги! Боги!

Регана

Рви и второй. Он первому укор.

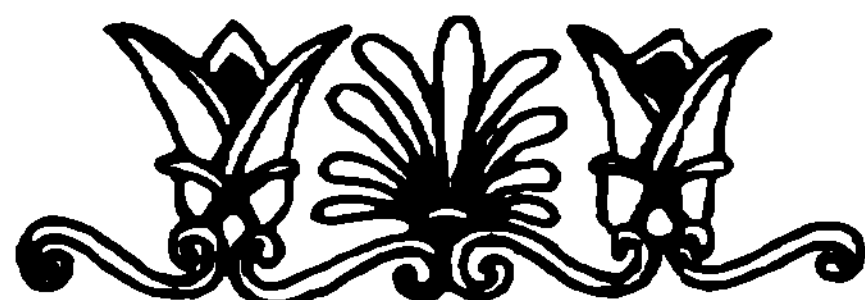
Герцог Корнуэльский

Ну что, увидишь?

Первый слуга

Опустите руку.

Я с детства вам служил, но в этот миг

Служу всего усердней, увещая,
Чтоб вы одумались.

Р е г а н а

Ты смеешь, пес?

П е р в ы й с л у г а

Одумайтесь и вы! Будь вы мужчиной,
Я б вас за это за бороду взял!
Что вы творите?

Г е р ц о г К о р н у э л ь с к и й

Раб!

(Обнажает меч.)

П е р в ы й с л у г а

Придется драться

За правый гнев!

*(Вынимает меч, защищается и ранит
герцога Корнуэльского.)*

Р е г а н а

(Другому слуге)

Дай меч твой! Бунтовать?

Умри!

*(Выхватывает меч из рук другого слуги и поражает
первого слугу в спину.)*

Первый слуга

Убили! Граф, у вас, по счастью,
Остался глаз один. Взгляните им,
Как он наказан, граф!

(Умирает.)

Герцог Корнуэльский

Он не увидит.
Вон, гадостная слизь! Наружу хлынь!
Ну, где твой блеск?

(Вырывает другой глаз у Глостера.)

Глостер

О тьма! О безутешность!
О мой Эдмунд! Сыновнюю любовь
Раздуй в пожар и отомсти за это!

Регана

Не стоишь ты того, чтоб называть
Его по имени. Тебя он выдал.
Он верен нам, и честь ему не даст
Жалеть тебя.

Глостер

О, как я ошибался!
Эдгар был оклеветан!.. Небеса,
Помилуйте, спасите мне Эдгара!

Р е г а н а

Гоните в шею! Носом пусть найдет
Дорогу в Дувр.— Милорд, мой друг,
что с вами?

Г е р ц о г К о р н у э л ь с к и й

Я ранен. Дайте обопрись. Идем.—
Слепца — за дверь, а мертвого холопа —
На свалку.— Только б кровью не истечь!
Не вовремя я ранен. Дайте руку.

Герцог Корнуэльский уходит, поддерживаемый Реганой.

Часть слуг отвязывает Глостера и уводит его.

В т о р о й с л у г а

Да, ежели такого человека
Минует кара,— нет ни в чем греха.

Т р е т и й с л у г а

А ежели она умрет старухой,—
Чудовища заменят женский пол.

В т о р о й с л у г а

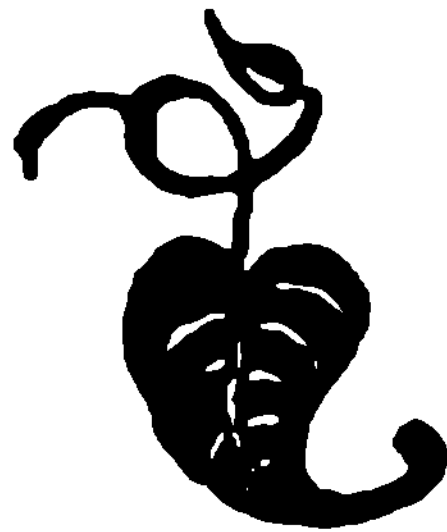
Давайте-ка пойдем за ослепленным
И Тома сумасшедшего возьмем
Ему в поводыри. Он очень годен
Для этой цели.

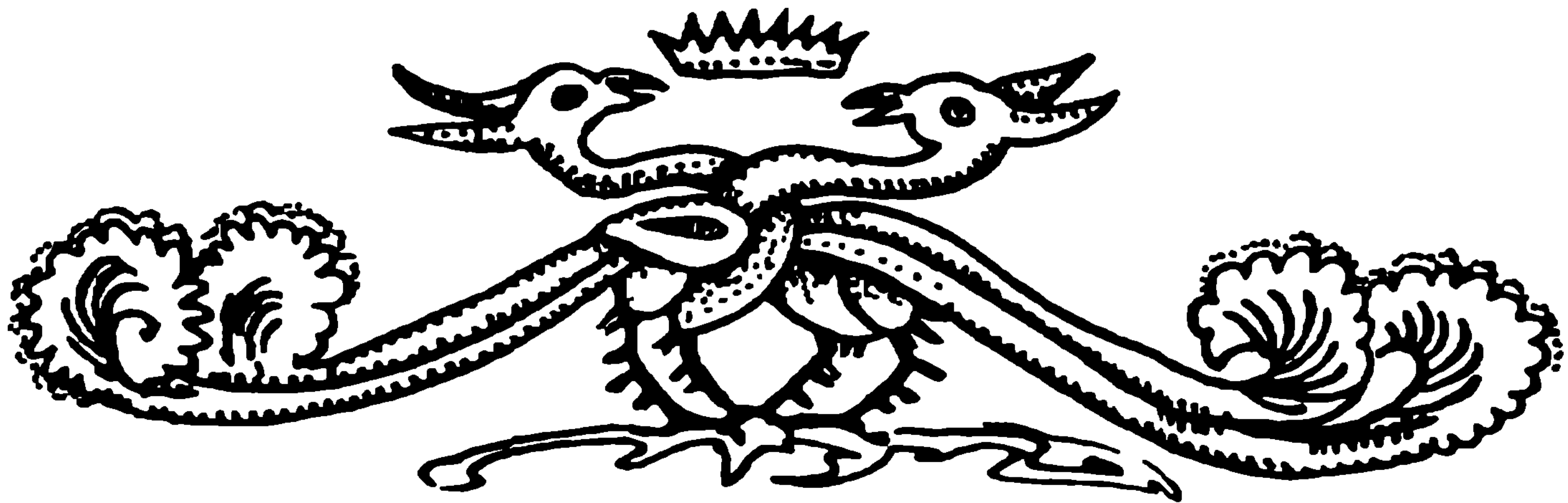

Третий слуга

**Я хочу достать
Белков и льна для перевязок графу.
Пойдем. Помилуй небо старика!**

Уходят.

АКТ IV

Сцена 1

Степь.

Входит Эдгар.

Эдгар

Отверженным быть лучше, чем блистать
И быть предметом скрытого презренья.
Для тех, кто пал на низшую ступень,
Открыт подъем и некуда уж падать.
Опасности таятся на верхах,
А у подножий место есть надежде.
О ветер, дуй! Ты стер меня во прах,
Мне больше нечего тебя бояться.
Однако кто там?

Входит старик, ведя за руку Глостера.

Это мой отец!

С поводырем! О мир, о мир превратный!
Несчастья так нам ухудшают жизнь,
Что облегчают смерть.

С т а р и к

Восьмой десяток,
Как я у вас и вашего отца,
Мой добрый граф, возделываю землю.

Г л о с т е р

Уйди, мой друг. Меня уж не спасти,
А ты себя погубишь.

С т а р и к

Как без зренья
Найти вам путь?

Г л о с т е р

Нет у меня пути,
И глаз не надо мне. Я оступался,
Когда был зряч. В избытке наших сил
Мы заблуждаемся, пока лишенья
Не вразумят нас. Бедный мой Эдгар,
Несчастливая мишень слепого гнева
Отца обманутого! Если б мне
Дожить, чтобы рукой тебя ощупать,
Мне кажется, опять бы я прозрел!

С т а р и к

Кто тут?

Эдгар
(в сторону)

О боги! Разве был я вправе
Сказать, что я достиг предела мук?
Ближайший миг прибавил мне страданья.

Старик
Вот бедный Том.

Эдгар
(в сторону)

И хуже может стать.
Пока мы стонем: “Вытерпеть нет силы”, —
Еще на деле в силах мы терпеть.

Старик
Куда идешь, приятель?

Глостер
Это нищий?

Старик
И полоумный.

Глостер
Он не так уж глуп,
Раз кормится. Вчера я видел в бурю

Иллюстрация Джона Джильберта к "Королю Лиру"

Такого же. “Подобный человек —
Как червь”, — подумал я и вспомнил сына
С предубеждением. Много я с тех пор
Успел узнать. Как мухам дети в шутку,
Нам боги любят крылья обрывать.

Э д г а р
(в сторону)

Ну, как теперь? Нелегкое занятие
Разыгрывать шута перед лицом
Его и своего страданья. — Мир вам!

Г л о с т е р

Что это, голый нищий?

С т а р и к

Да, милорд.

Г л о с т е р

Тогда ступай. Достань мне, сделай милость,
Из платья что-нибудь, чтоб приодеть
Нагую эту душу. Ты догонишь
Нас по дороге в Дувр. Я взять хочу
Его в поводыри.

С т а р и к

Он полоумный.

Г л о с т е р

В наш век слепцам безумцы вожаки.
Исполни просьбу и ступай отсюда.

С т а р и к

Я дам ему свой праздничный наряд,
И будь что будет.

(Уходит.)

Г л о с т е р

Эй, голяк!

Э д г а р

Том зябнет.

(В сторону.)

Я больше притворяться не могу!

Г л о с т е р

Поди сюда!

Э д г а р

(в сторону)

А притворяться надо.

(Громко.)

Да будет мир глазам твоим в крови!

Г л о с т е р

Скажи, ты знаешь Дуврскую дорогу?

Э д г а р. Со всеми мостками и переходами, проезжую и пешеходную. Бедный Том пуганный, он помешался. Чур тебя, добрый человек, от бесов. Целых пятеро сидело в бедном Томе: Обидикут, бес распутства; Хобидиданс, князь немоты; Маху, дух воровства; Модо, дух убийства, и Флибертиджиббет, который строит рожи. Он вышел из Тома, и теперь им одержимы модницы и служанки. Мир тебе, добрый человек!

Г л о с т е р

Вот кошелек. Возьми его, бедняк.
Ты стерт во прах небесною десницей.
Своей бедой ослаблю я твою.
Всегда б так было, боги! О, когда бы
Пресытившийся и забывший стыд
Проснулся и почуял вашу руку
И поделился лишним! Всем тогда
Хватило б поровну!— Бывал ты в Дувре?

Э д г а р

Да, господин.

Г л о с т е р

Там есть один утес,
Большой, нависший круто над пучиной.
Поможешь мне взобраться на обрыв?
Я награжу тебя. Оттуда больше
Не надо будет мне поводыря.

Э д г а р

Дай руку. Бедный Том тебя проводит.

Уходят.

Сцена 2

Перед дворцом герцога Альбанского.

Входят Гонерилья и Эдмунд.

Г о н е р и л ь я

Граф, будьте гостем. Я удивлена,
Что миротворец-муж мой нас не встретил.

Входит О с в а л ь д.

Где герцог?

О с в а л ь д

Здесь, его нельзя узнать.
Я говорю, что высадилось войско, —
Смеется. Говорю, что вы в пути
И едете сюда, а он: “Тем хуже”.
Про Глостера измену говорю
И доблестное поведение сына, —
Он отвечает мне, что я дурак
И будто все толкую наизнанку.
Что неприятно, то его смешит,
Что радовать должно бы, то печалит.

Гонерилья
(Эдмунду)

Так не входите. Это глупый трус,
Лишенный самолюбья и без гнева
Сносящий оскорбления. Все, о чем
Был разговор дорогой, — входит в силу.
Вернитесь к Корнуолу. Пусть спешит
И даст вам предводительство войсками.
Я меч возьму, а мужа засажу
За прялку. Верный мой дворецкий будет
Нам связью. Будьте смелым. Впереди —
Признание вашей дамы. Вот вам лента.

(Дает ему ленту.)

Нагнитесь! Тише! Этот поцелуй,
Когда бы обладал он даром речи,
Взнес бы дух твой ввысь! Пойми! Прощай!

Эдмунд

До смерти твой!

Гонерилья

Мой драгоценный Глостер!

Эдмунд уходит.

Мужчина как с мужчиною не схож!
Такой рожден, чтобы увлечь любую,
А я ничтожеству принадлежу.

Освальд

Сударыня — милорд.

Освальд уходит. Входит герцог Альбанский.

Гонерилья

Что я — собака?

Внимания не стою?

Герцог Альбанский

Гонерилья,

Не стоишь пыли ты, которой зря
Тебя осыпал ветер. Страшно думать!
Всё корень знает свой, а если нет,
То гибнет, как сухая ветвь без соков.

Гонерилья

Довольно! Жалкий вздор!

Герцог Альбанский

Не ново это:

Негодным не годится доброта,
А собственная грязь милей и ближе.
Что сделали, что натворили вы,
Не дочери, а сущие тигрицы?
Отца в годах, которого стопы
Медведь бы стал лизать благоговейно,

До сумасшествия вы довели!
И это допустил мой брат и герцог,
Которого старик так одарил?
Нет, если не отмстится по заслугам
Злодейство, доживем мы до того,
Что люди станут пожирать друг друга,
Как чудища морские.

Гонерилья

Жалкий трус

С щеками для пощечин, с головой
Для промахов! Ты разницы не видишь
Меж честью и бесчестьем. Должен знать:
Лишь дураки преступников жалеют,
Делам которых помешала казнь.
Бей в барабан! Французские знамена
Шумят в полях твоих. Стране грозят
Солдаты в шлемах с перьями, в то время
Как ты, апостол кротости, сидишь
И лишь вздыхаешь: “Для чего все это?”

Герцог Альбанский

Глянь на себя. Уродство сатаны
Ничто пред злобной женщины уродством!

Гонерилья

Пустой дурак!

Герцог Альбанский

Зачем так открывать
Свой лик звериный под обличьем женским?
Укрой лицо! Дай волю я рукам,
Я б разорвал тебя с костями и мясом.
Пусть ты чертовка, все ж тебя хранит
Вид женщины.

Гонерилья

Как мужественно это!

Входит гонец.

Герцог Альбанский

Что скажешь?

Гонец

О мой добрый господин,
Скончался Корнуол. Он убит слугою,
Когда пытался выколоть второй
Глаз Глостеру.

Герцог Альбанский

Глаз Глостеру?

Гонец

При виде

Злодейства сострадательный слуга

Хотел мечом остановить расправу,
Но герцог заколол его, причем
Был ранен сам и тут же вскоре умер.

Герцог Альбанский

Есть, значит, правосудье в небесах,
Раз мигом воздаст за наши зверства!—
Скажи, но как же Глостер, бедный граф?
Он слеп теперь?

Гонец

Милорд, на оба глаза.—
Вот от сестры письмо вам, госпожа.
Она просила поскорей ответить.

Гонерилья
(в сторону)

Все это кстати, кроме одного:
Сестра вдова, и с ней Эдмунд остался.
Воздушный замок, выстроенный мной,
В опасности. А остальное кстати.

(Громко.)

Сейчас прочту и напишу ответ.

(Уходит.)

Герцог Альбанский

Где был Эдмунд во время ослепленья?

Г о н е ц

Сюда уехал с вашею женой.

Г е р ц о г А л ь б а н с к и й

Его здесь нет.

Г о н е ц

Я на пути возвратном
С ним встретился.

Г е р ц о г А л ь б а н с к и й

Он знает об отце?

Г о н е ц

О да, милорд. Он сам его им выдал
И выехал сюда, чтоб облегчить
Расправу с ним.

Г е р ц о г А л ь б а н с к и й

Я целью жизни, Глостер,
Поставлю отблагодарить тебя
За верность Лиру и воздать сторицей
За слепоту твою.— Пойдем, мой друг.
Подробнее мне расскажешь все, что знаешь.

Уходят.

Сцена 3

Французский лагерь близ Дувра.

Входят Кент и придворный.

Кент. Почему французский король так неожиданно вернулся во Францию? Вы не слышали, какова причина?

Придворный. Его отозвали туда важные государственные дела, угрожавшие Франции большой опасностью и которые он оставил незаконченными, отправляясь на войну.

Кент. Кому передал он командование?

Придворный. Господину Лафару, маршалу Франции.

Кент. Вызвало ли чтение писем, которые вы передали королеве, печаль у нее?

Придворный

Она прочла при мне их, временами
На них роняя за слезой слезу,
Но сохраняя царственно господство
Над горестью, которая сама
Хотела взять, казалось, верх над нею.

Кент

Расстроилась?

Придворный

Не до потери чувств.
Наоборот. Казалось, грусть и стойкость
Поспорили, что больше ей к лицу.

Случалось ли вам видеть дождь сквозь солнце?
Так, улыбаясь, плакала она.
Улыбка на ее губах не знала
Про слезы, застилавшие глаза,
Как жемчуг бы затмили два алмаза.

К е н т

Она вопросов вам не задавала?

П р и д в о р н ы й

Раз или два с ее дрожащих губ
Слетели восклицанья: “Сестры! Сестры!
Как совести хватило! Кент! Отец!
В такую ночь! Куда девалась жалость!”
Тут слезы градом хлынули у ней,
И, бросившись стремительно наружу,
Она укрылась, чтоб наедине
Отдаться горю.

К е н т

Видно, склад душевный
Заложен свыше. Разве бы дала
Одна чета столь разное потомство?
Вы после с ней не говорили?

П р и д в о р н ы й

Нет.

К е н т

Король Французский был еще в то время?

П р и д в о р н ы й

Нет, выехал.

К е н т

Так знайте: в Дувре — Лир.

Знаменитый немецкий актер Боркай в роли короля Лира

Минутами приходит он в сознание,
Но отклоняет мысль увидеть дочь.

П р и д в о р н ы й
Милорд, чем объясняете вы это?

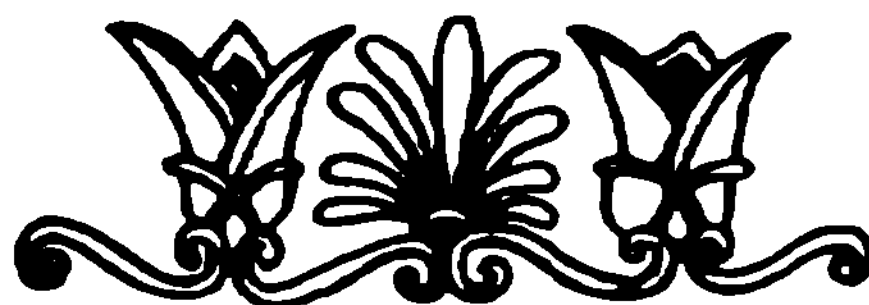
К е н т
Все время он сгорает со стыда,
Что так ее обидел: отказался
Благословить, отринул, обделил,
Толкнул к чужим и отдал все наследство
Бесчеловечным старшим дочерям.
Стыд этот не дает ему покоя.

П р и д в о р н ы й
Как жаль его! Несчастный человек!

К е н т
Об Олбени и Корнуоле слыхали?

П р и д в о р н ы й
Слыхал. Их силы движутся сюда.

К е н т
Ну и хорошо. Я провожу вас к Лиру
И с ним оставлю. Некоторый срок
Я буду вынужден еще скрываться,

Когда ж откроюсь, вам не будет жаль,
Что мы знакомы. А теперь пойдёмте.

Уходят.

Сцена 4

Там же. Внутренность палатки.

Входят Корделия, врачи солдаты.

Корделия

Да, это он. Сейчас мне очевидцы
Рассказывали. Распевает вслух,
Идет и буйствует, как море в бурю.
На нем венок их кашки, васильков,
Репья, чертополоха и крапивы —
Обычных сорных трав в хлебах у нас.
Пошлите роту в поле. Пусть солдаты
Обыщут каждый акр высокой ржи.
Найдите мне его.

Один из офицеров уходит.

Способно ль знанье
Вернуть ему рассудок? Я б дала
За это все свои богатства.

Врач

Средство

Имеется такое, госпожа.

Больничная сиделка наша — отдых.
Вернуть ему покой и усыпить
Бессонный бред помогут наши травы.

К о р д е л и я

О силы чудотворные земли,
Подобно глаз моих слезам, забейте
Ключами и уймите боль души
Несчастливого!— Ищите же, ищите
Немедленно его, чтоб невзначай,
Отчаясь, не покончил он с собою!

Входит гонец.

Г о н е ц

Войска британцев близко, госпожа.

К о р д е л и я

Я это знала раньше. Мы готовы.
Тебе в защиту, дорогой отец,
Вооружилась я. Король Французский
К моим мольбам не мог остаться глух.
Я выступила не из жажды славы,
Но из любви, лишь из одной любви,
Чтоб за отца вступиться. Поскорей бы
Увидеть и услышать мне его!

Уходят.

Сцена 5

Комната в замке Глостера.

Входят Регана и Освальд.

Регана

Брат выставил войска?

Освальд

Да, госпожа.

Регана

Он сам при них?

Освальд

С большою неохотой.

Его жена воинственней, чем он.

Регана

Эдмунд и герцог говорили в замке?

Освальд

Нет, госпожа.

Регана

**Что может содержать
Письмо сестры к нему?**

О с в а л ь д

Не знаю, леди.

Р е г а н а

Он выехал отсюда по делам.
Безумьем было Глостеру слепому
Оставить жизнь. Куда он ни придет,
Он против нас поднимет всех на свете.
Мне кажется, из жалости Эдмунд
Поехал сократить его мученья,
А также на разведку вражьих сил.

О с в а л ь д

Мне надобно нагнать его с посланьем.

Р е г а н а

Мы завтра выступаем. До утра
Останься здесь. Пути небезопасны.

О с в а л ь д

Мне строго наказала госпожа
Не медлить ни минуты в этом деле.

Р е г а н а

О чем писать Эдмунду ей? Нельзя
Послать распоряженья разве устно?

Послушай... Нет... Послушай, ты меня
Обяжешь... Дай письмо мне распечатать.

О с в а л ь д

Сударыня, скорее...

Р е г а н а

Знаю я,
Сестра не любит своего супруга
И на Эдмунда у меня в тот раз
Бросала выразительные взгляды.
Ведь ты ее пособник.

О с в а л ь д

Что вы! Я?

Р е г а н а

Не отрицай. Прекрасно это знаю.
Так вот что я скажу тебе: мой муж
Скончался. Я помолвлена с Эдмундом.
Он больше мне подходит, чем сестре.
Обдумай это. Если встретишь графа,
Вот для него подарок. А сестра
Пусть будет наперед благоразумней.
Так я, скажи, советую. Найдешь
Изменника слепого — помни, много
Дам я тому, кто устранит его.

О с в а л ь д

О, если б, госпожа, он мне попался,
Я б доказал, на чьей я стороне!

Р е г а н а

Счастливого пути!

(Уходит.)

Сцена 6

Местность близ Дувра.

Входят Г л о с т е р и Э д г а р, одетый крестьянином.

Г л о с т е р

Когда же мы взберемся на утес?

Э д г а р

Мы всходим. Замечаете, как круто?

Г л о с т е р

Я думал, тут равнина.

Э д г а р

Нет, обрыв.

Вы слышите шум моря?

Г л о с т е р

Нет, не слышу.

Э д г а р

Как видно, под влияньем слепоты
Все чувства притупились в вас.

Г л о с т е р

Возможно.

Мне кажется, твой голос стал другим.
Ты говоришь яснее и толковей.

Э д г а р

Вы в заблужденье. Я переменил
Один наряд.

Г л о с т е р

Нет, разговор стал глаже.

Э д г а р

Вот это место. Стойте, господин.
Какая жуть — заглядывать с обрыва
В такую глубь! Величиной с жука,
Под нами вьются галки и вороны.
Посередине кручи человек
Повис и рвет морской укроп, безумец.
Он весь-то с голову, а рыбаки
На берегу — как маленькие мыши.
На якоре стоит большой корабль.
Он сверху шлюпкой кажется, а шлюпка

Не больше поплавка — едва видна.
О камни ударяют с шумом волны,
Но их не слышно с этой высоты.
Довольно. Голова б не закружилась!
Еще слетишь. Нет, лучше не глядеть.

Г л о с т е р

Поставь меня, где сам ты.

Э д г а р

Дайте руку.

Вы на краю. Отсюда б не ступил
Ни шагу я за все богатства мира.

Г л о с т е р

Пусти меня. Вот новый кошелек
В придачу к прежнему. В нем драгоценность.
Будь счастлив, друг мой, с помощью богов.
Подальше отойди, простясь со мною.
Дай убедиться мне, что ты ушел.

Э д г а р

Прощайте, добрый сэр.

Г л о с т е р

Прощай, мой милый.

Э д г а р
(в сторону)

Пародиєю этой на прыжок
Я вылечить его хочу.

Г л о с т е р
(опустившись на колени)

О боги!

Я самовольно покидаю жизнь,
Бросаю бремя горестей без спросу.
Когда б я дольше мог снести тоску
Без тяжбы с вашей непреложной
волей,

Я б дал светильне жизни догореть
В свой час самой. Благословите, боги,
Эдгара, если жив он.

(Встает с колен.)
Ну, прощай.

Э д г а р

Иду. Ушел.

Глостер бросается вперед и падает на том же месте.

(В сторону.)
Небезопасный опыт.
При мысленном решенье умереть
Смертельна даже мнимая попытка.

Ведь он теперь в воображение там,
Где думал прекратить существованье.

(Изменив голос.)

Очнитесь, сударь.

(В сторону.)

Не шутя его
Могло убить волнение. Нет, он ожил.—
Кто вы такой?

Г л о с т е р

Прочь, дай мне умереть!

Э д г а р

Ты что же: воздух, пух иль паутина,
Что рухнул с этой страшной высоты
И не разбился вдребезги? Ты дышишь,
Не ранен, разговариваешь, цел!
Подумай, десять мачт, по крайней мере,
Перелетел ты по отвесу вниз.
Вот чудо! Что-нибудь еще промолви.

Г л о с т е р

Действительно упал я или нет?

Э д г а р

С той меловой скалы. Взгляни-ка, видишь?

Туда и жаворонку не взлететь.
Да ты протри глаза.

Г л о с т е р

Я их лишился.
Ужель страданию права не дано
Искать развязки в смерти? Эту вольность
Прощали все тираны. Каждый мог
Уйти из жизни, чтоб не подчиняться.

Э д г а р

Возьми-ка за руку меня. Привстань.
Колени целы? Твердо ли стоишь ты?

Г л о с т е р

Да, слишком твердо.

Э д г а р

Просто чудеса!
Скажи, кто был с тобой там, на утесе?

Г л о с т е р

Несчастный нищий.

Э д г а р

Сверху на меня
Глядел он парой глаз, больших, как месяц.
Он был рогат и с тысячей носов.

То был какой-то бес. Тебя, родимый,
Поздравить можно: небеса спасли
От гибели тебя. Они все могут.

Г л о с т е р

Я понял все. Отныне покорюсь
Своей судьбе безропотно, покамест
Она сама не скажет: "Уходи".
Я черта принимал за человека.
Бродяга сам о бесах толковал,
И он привел меня к тому обрыву.

Э д г а р

Ну вот и успокойся.— Это кто?

Входит Л и р, причудливо убранный полевыми цветами.

Умалишенный — видно по наряду.

Л и р. Нет, они не могут запретить мне чеканить деньги.
Это мое право. Я ведь сам король.

Э д г а р
(в сторону)

О, душу раздирающая встреча!

Л и р. Природа в этом отношении выше искусства.— Вот тебе солдатское жалованье. Этот малый держит лук, как воронье пугало. Оттяни мне тетиву на всю длину стрелы. Смотрите, смотрите — мышь! Тише, тише. Мы ее сейчас поймаем

на этот кусочек поджаренного сыра.— Вот моя железная рукавица. Я ее бросаю в лицо великану. Принесите алебарды.— Хорошо слетала, птичка! В цель, прямо в цель!— Говори пароль.

Э д г а р. Душистый майоран.

Л и р. Проходи.

Г л о с т е р. Знакомый голос.

Л и р. А! Гонерилья! С седой бородой? Они ласкали меня, как собачку, и ввали, что я умен не по годам. Они на все мне отвечали “да” и “нет”. Все время “да” и “нет” — это тоже мало радости. А вот когда меня промочило до костей, когда у меня от холода не попадал зуб на зуб, когда гром не смолкал, сколько я его ни упрашивал, тогда я увидел их истинную сущность, тогда я их раскусил. Это отъявленные обманщицы. Послушать их, так я — все что угодно. Но это ложь. Я не заговорен от лихорадки.

Г л о с т е р

Что это — не король? Знакомый голос.

Л и р

Король, и до конца ногтей — король.
Взгляну в упор, и подданный трепещет.
Дарую жизнь тебе.— Что ты свершил?
Прелюбодейство? Это не проступок,
За это не казнят. Ты не умрешь.
Повинны в том же мошки и пичужки.—
Творите беззакония. С отцом

Лир в безумии. Рисунок Джона Джильберта

Сын Глостера побочный был добрее,
Чем дочери законные — со мной.
Рожайте сыновей. Нужны солдаты.—
Вот дама. Взглянешь — добродетель, лед,
Сказать двусмысленности не позволит,
А в чувственных страстях своих буйна,
Как самка соболя или кобыла.
И так все женщины наперечет:
Наполовину — как бы божьи твари,
Наполовину же — потемки, ад,
Кентавры, серный пламень преисподней,
Ожоги, немощь, пагуба, конец!

Тьфу, тьфу, тьфу! Аптекарь,— унцию мускусу, чтобы от-
бить в душе этот смрад! Вот деньги.

Г л о с т е р

Дай руку поцелую я тебе.

Л и р. Вытру сначала. У нее трупный запах.

Г л о с т е р

Непрочное создание природы!
Так и вселенная когда-нибудь
Придет, изнашиваясь, в разрушение.
Ты знаешь ли меня?

Л и р. Твои глаза мне памяты. Что ты косишься на меня?
Стреляй, Купидон с завязанными глазами! Я не боюсь твоих

стрел. Больше я не люблю. Прочти вызов, который я им написал. И каким слогом, обрати внимание!

Г л о с т е р

Будь ярче солнц слова — не вижу я.

Э д г а р
(в сторону)

Когда б о короле мне рассказали,
Поверить я б не мог. Душа болит.

Л и р

Читай!

Г л о с т е р

Пустыми впадинами глаз?

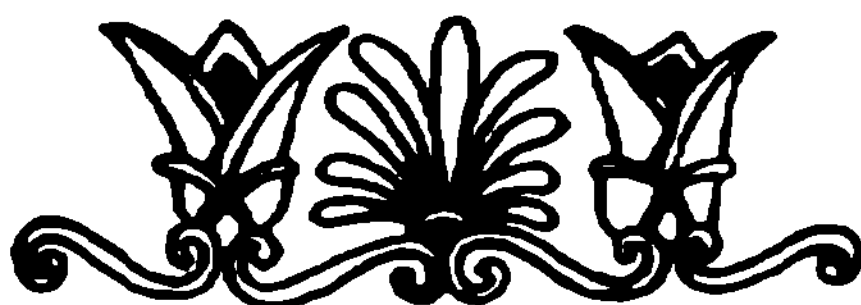
Л и р. Ого, вот оно что! Ни глаз во лбу, ни денег в кармане? В таком случае глаза у тебя в тяжелом положении, а карманы — в легком. Теперь ты видишь, как идут дела на свете?

Г л о с т е р. Я умом заключаю об этом.

Л и р. Чудак! Чтобы видеть ход вещей на свете, не надо глаз. Смотри ушами. Видишь, как судья издевается над жалким воришкой? Сейчас я покажу тебе фокус. Я все перемешаю. Раз, два, три! Угадай теперь, где вор, где судья. Видел ты, как цепной пес лает на нищего?

Г л о с т е р. Да, государь.

Л и р. А бродяга от него удирает. Заметь, это символ вла-

сти. Она требует повиновения. Пес этот изображает должностное лицо на служебном посту.

Ты уличную женщину плетьми
Зачем сечешь, подлец, заплечный мастер?
Ты б лучше сам хлестал себя кнутом
За то, что согрешить с ней хочешь втайне.
Мошенника повесил ростовщик.
Сквозь рубища грешок ничтожный виден,
Но бархат мантий прикрывает все.

Актер Инфланд в роли короля Лира

Позолоти порок — о позолоту
Судья копье ломает, но одень
Его в лохмотья — камышом проколешь.
Виновных нет, поверь, виновных нет:
Никто не совершает преступлений.
Берусь тебе любого оправдать,
Затем что вправе рот зажать любому.
Купи себе стеклянные глаза
И делай вид, как негодяй-политик,
Что видишь то, чего не видишь ты.
Снимите сапоги с меня. Тащите.

Э д г а р
(в сторону)

Какая смесь! Бессмыслица и смысл —
Все вместе.

Л и р

При условии, что оплачешь
Мою судьбу, возьми мои глаза.
Я знаю хорошо тебя: ты — Глостер.
Терпи. В слезах явились мы на свет,
И в первый миг, едва вдохнули воздух,
Мы стали жаловаться и кричать.
Я проповедь скажу тебе. Послушай.

Г л о с т е р

О скорбь!

Л и р

Мы плакали, пришедши в мир,
На это представление с шутами.—
Какая шляпа славная!— Вот мысль!
Ста коням в войлок замотать копыта,
И — на зятьев! Врасплох! И резать, бить
Без сожаленья! Бить без сожаленья!

Входит придворный со слугами.

П р и д в о р н ы й

Вот он. Не упускайте.— Государь,
Дочь любящая ваша...

Л и р

Нет спасенья?
Я пленник? Да, судьба играет мной.
Не делайте вреда мне. Будет выкуп.
Я попрошу врача. Я ранен в мозг.

П р и д в о р н ы й

У вас ни в чем не будет недостатка.

Л и р

Опять все мне сносить? Я превращусь
В соленный столб — весь век слезами землю,
Как из садовой лейки, поливать.

П р и д в о р н ы й

Мой государь...

Л и р

О, я умру без жалоб,
Как юноша! Не надо унывать.
Да, да. Ведь я король, не забывайте!
Вы помните ли это, господа?

П р и д в о р н ы й

Вы — повелитель наш. Мы вам послушны.

Л и р. Тогда другое дело. Чтобы поймать счастье, надо уметь
бегать. Прыг, прыг, прыг... (*Убегает.*)

Слуги бегут за ним вдогонку.

П р и д в о р н ы й

В такой беде растрогал бы до слез
Любой бедняк, несчастья ж государя
Превыше слов. Но дочь есть у тебя.
Она искупит все, чем запятнали
Природу злодеянья двух других.

Э д г а р

Привет вам, сэр.

П р и д в о р н ы й

Привет. Что вам угодно?

Э д г а р

Скажите, есть ли сведенья у вас
О скорой битве?

П р и д в о р н ы й

Это всем известно,
Кто не глухой.

Э д г а р

Позвольте вас спросить,
Где неприятель?

П р и д в о р н ы й

Близко. И — в движение.
Он может показаться каждый час.

Э д г а р

Спасибо за известье.

П р и д в о р н ы й

Королева

Отвлечена делами, но войска
Продвинулись вперед.

Э д г а р

Спасибо, сударь.

Придворный уходит.

Г л о с т е р

О всеблагие боги! Вас молю:
Возьмите жизнь мою, чтоб нрав мой слабый
Мне вновь самоубийства не внушил.

Э д г а р

Похвальная, хорошая молитва.

Г л о с т е р

Кто вы, мой друг?

Э д г а р

Я — бедный человек,
Ударами судьбы и личным горем
Наученный сочувствовать другим.
Подайте руку мне, и мы поищем
Пристанища.

Г л о с т е р

Благодарю тебя.
Пусть боги наградят тебя сторицей.

Входит О с в а л ь д.

О с в а л ь д

Законная добыча! В добрый час.
Слепая эта голова судьбою
Сотворена, чтоб мне богатство дать.—

Остановись, изменник нечестивый,
Покайся и молись! Я вынул меч,
Чтобы казнить тебя!

Г л о с т е р

Тогда пусть небо
Побольше силы даст твоей руке.

Эдгар становится между ними.

О с в а л ь д

Как смеешь заступаться ты, невежа,
За подлого злодея! Отойди.
А то ты с ним разделишь ту же участь.

Э д г а р. Не бывать тому, ваша милость. Лучше не просите.

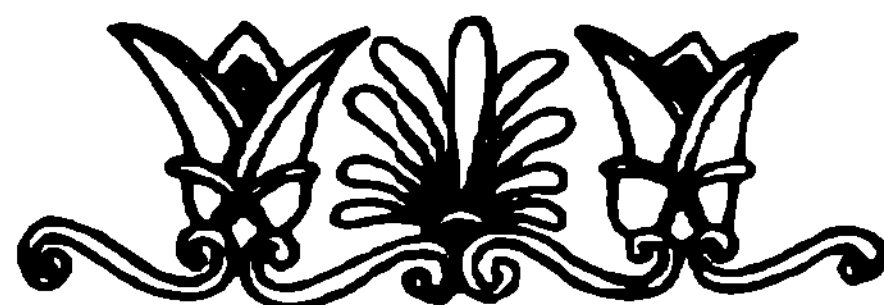
О с в а л ь д

Прочь, деревенщина, иль смерть тебе!

Э д г а р. Проходи, господин хороший, путем-дороженькой
и не связывайся с простым народом. И не поминай мне, сделай
милость, про смерть, а то как бы вправду я не помер со страху.
А от старичка подальше, подальше от старичка, а то двину я
тебя по башке дубиной, посмотрю, что крепче. Уходи, голуб-
чик, подобру-поздорову.

О с в а л ь д. Прочь, навозная куча!

Э д г а р. Не взыщи, дружок. Не миновать, видно, мне пе-
ресчитать тебе зубы.

Дерутся. Эдгар сбивает его наземь.

О с в а л ь д

Ты одолел. Возьми мой кошелек.
Похорони меня. Живи в достатке.
Письмо, которое найдешь при мне,
Отдай Эдмунду Глостеру. Он в стане
У англичан.— Безвременная смерть!
Нежданная!

(Умирает.)

Э д г а р

Я знаю, кто убитый:
Лстец раболепный злобной госпожи,
Ее пороков ревностный поборник.

Г л о с т е р

Что, он убит?

Э д г а р

Присядьте, дорогой,
Пока обшарю я его карманы.
Письмо, которое он называл,
Нам может службу сослужить.— Он умер.
Но жаль, что не на плахе.— Вот письмо.
Печать, не обижайся, что взломаю.
Законники, не осуждайте нас.

Чтоб мысль врага узнать, вскрывают сердце,
А письма и подавно.

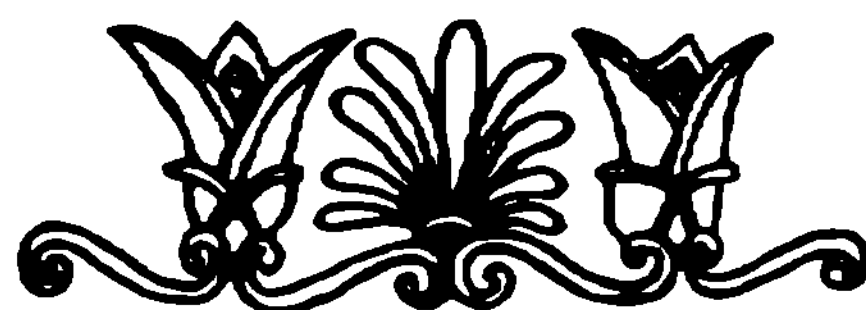
(Читает.)

“Вспомни наши обоюдные клятвы! У тебя много возможностей устранить моего мужа, было бы желание. Если он вернется победителем, я пропала. Тогда я его пленница навек, а этот брак — моя вечная пытка. Освободи меня от этой постылой будущности и займи его место. Твоя жена (как хотела бы я сказать) и преданная Гонерилья”.

О женское коварство! Посягать
На жизнь такого доброго супруга
И брата моего желать взамен!
Похороню тебя, посредник мертвый
Убийства и распутства, здесь, в песке,
А это богомерзкое посланье
Обманутому герцогу отдам.
Пусть радуется он, что ты убит
И заговор на жизнь его открыт.

Г л о с т е р

Король сошел с ума. Зачем так крепок
Мой ум, что устоял и сознает
Мою печаль! Я б лучше помешался.
Тогда б я был от горя огражден
Обманчивой игрой воображенья
И память о несчастьях потерял.

Э д г а р

Подайте руку мне.

Барабанный бой вдали.

Но чу, вдали
Бьют в барабан... Ну, батюшка, пойдёмте.
Я отведу вас к преданным друзьям.

Уходят.

Сцена 7

Внутренность палатки во французском лагере.

Лир спит на постели. Играет тихая музыка. Около него
врач, придворный и другие. Входят Корделия и Кент.

К о р д е л и я

Великодушный Кент, как мне воздать
Тебе за доброту? Мне неостанет
Ни средств, ни жизни.

К е н т

Полно! Этих слов
Достаточно с меня. Хочу прибавить,
Что я в рассказе точен был и скуп
И красок не сгущал.

К о р д е л и я

Переоденься.

Одежда эта — память о былом.
Оно так тяжело! Нарядись получше.

К е н т

Нет, королева, это б шло вразрез
С расчетами моими. И покамест
Меня не узнавайте.

К о р д е л и я

Хорошо.

(Врачу.)

Скажите, как здоровье государя?

В р а ч

Он спит еще.

К о р д е л и я

О боги в небесах,

Настройте вновь разлаженную душу
И впавшему в младенчество отцу
Верните ум!

В р а ч

Угодно ль королеве, —
Разбудим мы его. Он долго спал.

К о р д е л и я

Как знаете, решайте. Вам виднее.
Вам удалось его переодеть?

Корделия. С картины В.Ф.Ямса

П р и д в о р н ы й

Да, государыня. Мы незаметно
Сменили все на нем во время сна.

В р а ч

Не уходите. Мы его разбудим.
Я за него ручаюсь.

К о р д е л и я

Хорошо.

В р а ч

Поближе подойдите. Музыканты,
Играйте громче.

К о р д е л и я

Дорогой отец!

О, если бы врачующую силу
Моим губам, чтоб поцелуй мой стер
Следы всего, что сестры натворили
С тобой, родной!

К е н т

О, кротость без границ!

К о р д е л и я

Он должен был вас сединой растрогать,
Хотя бы даже не был вам отцом.

Такому ль было выйти ночью в поле
На поединок с вихрем, громом, тьмой?
Такому ли стоять на карауле
Под шлемом развевающихся косм
Средь частых молний? Я б пустила греться
К огню собаку своего врага
В такую ночь! А ты был рад, несчастный,
Ночлегу в шалаше, среди свиней,
С ворами вне закона, на соломе!
Постигнуть не могу, как ты в ту ночь
С рассудком вместе жизни не лишился.
Проснулся он. Заговорите с ним.

В р а ч

Нет, лучше вы.

К о р д е л и я

Ну, как здоровье ваше?
Как вашему величеству спалось?

Л и р

Не надо вынимать меня из гроба.
Ты — райский дух, а я приговорен
К колесованью на огне, и слезы
Жгут щеки мне расплавленным свинцом.

К о р д е л и я

Вы знаете меня?

Л и р

Ты — дух, я знаю.
Когда ты умерла?

К о р д е л и я

Еще он плох.

В р а ч

Он не вполне проснулся. Подождите.

Л и р

Где был я раньше? Где я нахожусь?—
Что это, солнце?— Я обманут всеми.
Я умер бы от жалости, случись
С другим такое горе.— Что ответить?
Моя ль это рука? Не поручусь.
Проверю. Уколю булавкой. Колет.
Как я б хотел увериться в себе!

К о р д е л и я

Взгляните на меня. Благословите.
О, что вы! На колени? Встаньте, сэр!

Л и р

Не смейся надо мной. Я — старый дурень
Восьмидесяти с лишним лет. Боюсь,
Я не совсем в своем уме. Признаться,

Я начинаю что-то понимать,
И, кажется, я знаю, кто вы оба,
И ты и он, но я не убежден,
По той причине, что не знаю, где я.
Своей одежды я не узнаю,
Где я сегодня ночевал, не помню.
Пожалуйста, не смейтесь надо мной!
Поспорить с вами я готов, что это —
Дитя мое Корделия.

Корделия

Да, я!

Лир

Что это, слезы на твоих щеках?
Дай я потрогаю. Да, это слезы.
Не плачь! Дай яду мне. Я отравлюсь.
Я знаю, ты меня не любишь. Сестры
Твои меня терзали без вины,
А у тебя для нелюбви есть повод.

Корделия

Нет, нет его!

Лир

Скажи, я нахожусь
Во Франции?

К е н т

Нет, в вашем королевстве.

Л и р

Прошу вас не обманывать меня.

В р а ч

Утешьтесь, госпожа. Припадки буйства,
Как видите, прошли. Но наводить
Его на мысль о виденном опасно.
Уйдите с ним и более ничем
Сегодня не тревожьте.

К о р д е л и я

Государь мой,
Пожалуйте.

Л и р

Не будь со мной строга.
Прости. Забудь. Я стар и безрассуден.

Все, кроме Кента и придворного, уходят.

П р и д в о р н ы й. Достоверно ли, сэр, что герцог Корнуэльский убит таким образом?

К е н т. Вполне достоверно.

П р и д в о р н ы й. Кто командует его армией?

К е н т. Говорят, побочный сын Глостера.

Король Лир. С картины И.Е.Репина

П р и д в о р н ы й. Правда ли, будто Эдгар, его изгнанный сын, вместе с графом Кентом скрываются в Германии?

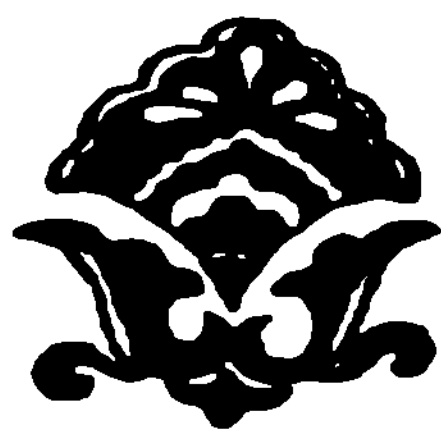
К е н т. Слухи разноречивы. Однако не время медлить: армии сходятся.

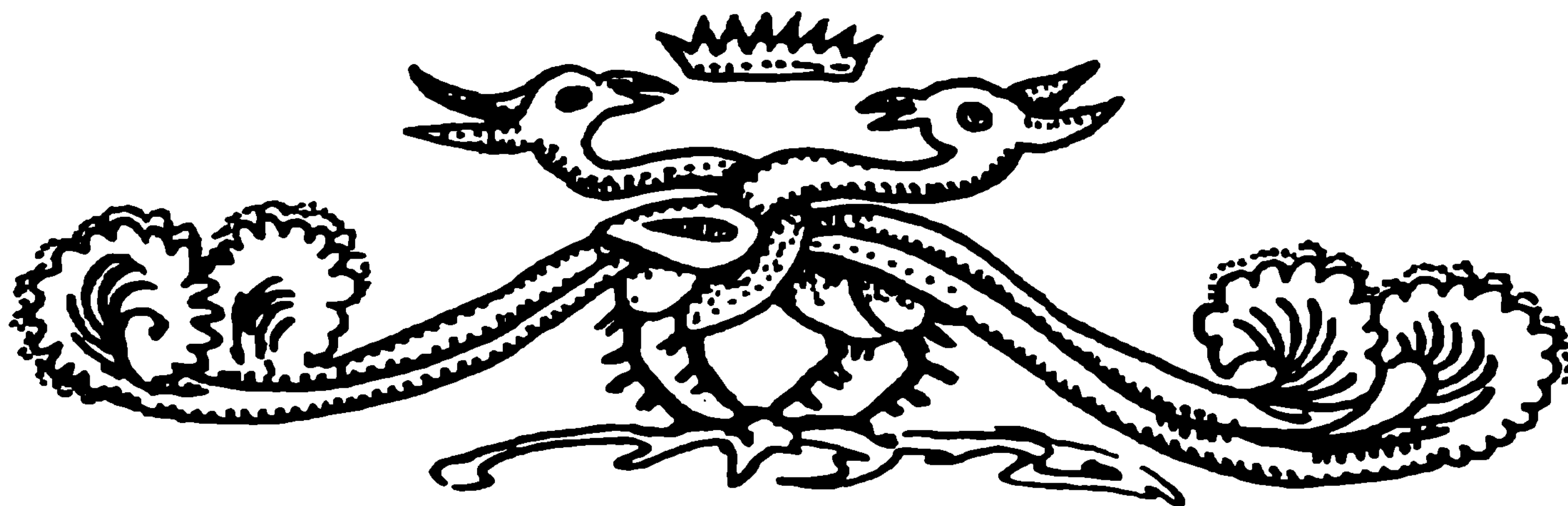
П р и д в о р н ы й. Схватка, по-видимому, будет кровопролитной. Прощайте, сэр. (*Уходит.*)

К е н т

Уж цель близка, а что нас завтра ждет,
Покажет боя этого исход.

(*Уходит.*)

АКТ V

Сцена 1

Британский лагерь близ Дувра.

Входят с барабанами и знаменами Эдмунд, Регана, офицеры,
солдаты и другие.

Эдмунд
(офицеру)

Узнай у герцога наверняка,
Держаться ли последнего решения
Или он изменил его. Он весь
В противоречьях. Пусть ответит точно.

Офицер уходит.

Регана

Слуга сестры, наверное, погиб.

Эдмунд

Я сам боюсь.

Р е г а н а

Давайте объяснимся.
Вы знаете, как я к вам отношусь.
Так искренне скажите, милый
Глостер,
Вы любите мою сестру?

Э д м у н д

Как брат.

Р е г а н а

А вы к ней никогда не подбирались
Тайком от зятя?

Э д м у н д

Бросьте эту мысль.

Р е г а н а

Мне кажется, у вас давно с ней близость.

Э д м у н д

Нет, герцогиня, честью вам клянусь!

Р е г а н а

Сестра невыносима. Милый Глостер,
Не будьте с нею близки!

Эдмунд

Никогда.

Но вот она сама, и муж с ней, герцог.

Входят с барабанами и знаменами герцог Альбанский,
Гонерилья и солдаты.

Гонерилья
(в сторону)

Охотней проиграю я сражение,
Чем дам сестре меня с ним разлучить.

Герцог Альбанский

Привет сестре любимой! Как я слышал,
Король у дочери, и с ними все,
Кто недоволен нашим притеснением.
Чтоб воевать, я должен быть в ладу
С своею совестью. И мой противник —
Французы, наводнившие наш край,
А не король и прочие вельможи,
Которым есть чем всех нас попрекнуть.

Эдмунд

Все это верно.

Регана

Но к чему все это?

Гонерилья

**Мы вышли против общего врага —
Вот сущность дела, а не наши распри.**

Герцог Альбанский

**Тогда я созову сейчас совет
Для выработки плана наступленья.**

Эдмунд

Я к вам приду сейчас в шатер.

Регана

Сестра,

Ты с нами?

Гонерилья

Нет.

Регана

А лучше шла бы с нами.

**Гонерилья
(в сторону)**

Несложная загадка! Я иду.

Хотят уйти, им навстречу входит переодетый Эдгар.

Эдгар

Светлейший, уделите полминуты
Простому человеку.

Герцог Альбанский

Говори.—

Сейчас я нагоню вас.

Все, кроме герцога Альбанского и Эдгара, уходят.

Эдгар

Перед битвой

Прочтите, герцог, это вот письмо,
И в случае победы пусть глашатай
К вам вызовет меня трубой. Я нищ,
Но выставлю бойца, который кровью
Докажет все, что сказано в письме.
А если вас постигнет поражение,
То будет не о чем и хлопотать,
Тогда конец и вам и вражьим козням.
Пошли судьба успеха вам!

Герцог Альбанский

Постой,

Прочту письмо.

Эдгар

Мне не велели медлить.

Придет пора, пусть вызовет герольд —
Я сам явлюсь.

Герцог Альбанский

Прощай. Займусь я чтением.

Эдгар уходит. Эдмунд возвращается.

Эдмунд

Враг показался. Стянемте войска.
Вот сведения о силах их, примерно.
Вам надо торопиться.

Герцог Альбанский

В добрый час.

(Уходит.)

Эдмунд

Обеим сестрам клялся я в любви.
Как яд змеи, их ненависть друг к другу.
Кого мне взять? Обеих ли? Одну
Иль ни одной? Покамест живы обе,
К ним путь закрыт. Женюсь я на вдове —
Мне жить не даст спокойно Гонерилья.
А с ней при муже тоже пользы нет.
Пока война, он важная опора,
А после пусть придумает сама,
Как от него избавиться. Он Лира

С Корделией намерен пощадить,
Когда их в плен возьмет. Того не будет.
В моих делах опасно размякать.
Я драться должен, а не рассуждать.

(Уходит.)

Сцена 2

Поле между двумя лагерями.

За сценой шум битвы. По сцене проходят с барабанами и знаменами
Лир, Корделия и их войско. Входят Эдгар
и Глостер.

Эдгар

Сядь, дедушка, под деревом в тени.
Молись, чтоб восторжествовала правда,
И если я вернусь — скажу тебе,
Чего ты и не ждешь.

Глостер

Храни вас боги!

Эдгар уходит.

Шум битвы, затем сигнал к отступлению. Эдгар возвращается.

Эдгар

Бежим, старик! Дай руку мне. Бежим!
Король разбит. Его и дочь схватили.
Они в плену. Скорей дай руку мне!

Г л о с т е р

Зачем бежать? Сгнию на этом месте.

Э д г а р

**Опять дурные мысли? Человек
Не властен в часе своего ухода
И сроке своего прихода в мир,
Но надо лишь всегда быть наготове.
Идем.**

Г л о с т е р

Идем. Ты совершенно прав.

Уходят.

Сцена 3

Британский лагерь близ Дувра.

**Входит победителем, с барабанами и знаменами, Эдмунд и пленные
Лир и Корделия, офицеры и солдаты.**

Э д м у н д

**Взять их под стражу! Хорошо стеречь,
Пока не вынесут им приговора.**

К о р д е л и я

**Нет, мы не первые в людском роду,
Кто жаждал блага и попал в беду.
Из-за тебя, отец, я духом пала,**

Эдмунд во главе войска. Рисунок Джона Джильберта

Сама бы я снесла удар, пожалуй.
А славные те дочери и сестры, —
Нас разве не покажут им?

Л и р

Нет, нет!

Пускай нас отведут скорей в темницу.
Там мы, как птицы в клетке, будем петь.
Ты станешь под мое благословенье,
Я на колени стану пред тобой,
Моля прощенья. Так вдвоем и будем
Жить, радоваться, песни распевать,
И сказки сказывать, и любоваться
Порханьем пестрокрылых мотыльков.
Там будем узнавать от заключенных
Про новости двора и толковать,
Кто взял, кто нет, кто в силе, кто в опале,
И с важностью вникать в дела земли,
Как будто мы поверенные божьи.
Мы в каменной тюрьме переживем
Все лжеученья, всех великих мира,
Все смены их, прилив их и отлив.

Э д м у н д

Отвести их прочь.

Л и р

При виде жертв подобных

Нам боги сами курят фимиам.
Ты тут, Корделия? Мы неразлучны.
Они должны достать огонь с небес,
Чтоб выкурить нас порознь из темницы,
Как выживают из норы лисиц.
Утри глаза. Чума их сгложет прежде,
Чем мы решимся плакать из-за них.
Подохнут — не дождутся. Ну, ведите!

Корделия. Рисунок Джона Джильберта

Лира и Корделию уводят под стражей.

Э д м у н д

Послушай, капитан! Возьми пакет.
В нем письменный приказ.

(Дает ему бумагу.)

Сведи их в крепость.

Тебя я поднял на одну ступень.
Пойдешь и выше, если все исполнишь.
Приспособляться должен человек
К веленьям века. Жалость неприлична
Военному. Не спрашивай, о чем
Гласит приказ, но объяви заранее,
Берешься ль выполнить его?

О ф и ц е р

Берусь.

Э д м у н д

Ступай же. Ничего не пожалею
Тебе в награду. Сделай все точь-в-точь,
Как написал я. Мигом, незаметно.

О ф и ц е р

Я не вожу телег, не ем овса.
Что в силах человека — обещаю.

(Уходит.)

Трубы. Входят герцог Альбанский, Гонерилья, Регана,
офицеры и солдаты.

Герцог Альбанский

Сэр, вы сегодня выказали храбрость.
Вам улыбнулось счастье. Враги
У вас в плену. Мы требуем их выдать,
Чтобы распорядиться их судьбой
В согласье с честью и благоразумьем.

Эдмунд

Я нужным счел больного короля
Под стражею отправить в заключение.
Он трогает чувствительность солдат
И возрастом и королевским саном,
И эта жалость может подорвать
Повиновенье, обратив оружие
На нас самих. С ним вместе увели
Корделию по тем же основаниям.
Я завтра или через два-три дня
Представлю их на суд ваш. Но сегодня,
Когда еще в крови все и в поту
И потерял товарища товарищ,
Не время, думается, раздражать
Всех тех, кто испытал жестокость схватки.
Дела Корделии и короля
Дождутся подходящей обстановки.

Герцог Альбанский

Спокойнее! Простите, сэр, я вас
Считаю подчиненным, а не братом.

Регана

Смотря по титулу, какой я дам
Ему сейчас. Вперед вам не мешало б
Спросить меня. Он полководец мой
И в битве представлял мою особу.
Как мой правопреемник — он ваш брат.

Гонерилья

Не хлопочи. Его и так заслуги
Возвысили, без помощи твоей.

Регана

Но я его поставлю рядом с вами.

Герцог Альбанский

Особенно, когда с ним вступишь в брак.

Регана

Насмешники — хорошие пророки.

Гонерилья

Но это предсказал плохой пророк.

Р е г а н а

Сестра, мне нездоровится, иначе
Сказала б резче я.— Воитель мой,
Бери мой край, моих солдат и пленных,
Сдается крепость. Все мое — твое.
Будь мне и господином и супругом.

Г о н е р и л ь я

Так он тебе и будет!

Г е р ц о г А л ь б а н с к и й

Помешать

Такому шагу ведь не в вашей власти.

Э д м у н д

Но и не в вашей.

Г е р ц о г А л ь б а н с к и й

Разве, мнимый брат?

Р е г а н а

(Эдмунду)

Вели бить в барабан и докажи
Мечом, что вправе ты принять мой титул.

Г е р ц о г А л ь б а н с к и й

Стой! Я их арестую. Ты, Эдмунд,

Виновен в государственной измене
Совместно с этой золотой змеей.

*(Указывая на Гонерилию,
Регане.)*

Сестра, я должен ваши притязанья
Отвести, как опекун моей жены:
Она уже помолвлена с милордом.
Хотите замуж — выбор вам один:
Не занят я, а леди не свободна.

Гонериля

Фиглярство!

Герцог Альбанский

Глостер, ты вооружен.
Вели трубить, и ежели на вызов
Никто не выйдет доказать мечом,
Какой ты лжец, преступник и предатель,
Вот мой залог.

(Бросает перчатку.)

Я хлеба не вкушу,
Пока не докажу исходом боя,
Что ты все то, чем я называл тебя.

Регана

Мне дурно, дурно!

Гонерилья
(в сторону)

Это и понятно.
Я разбираюсь в ядах хорошо.

Эдмунд
Вот мой залог.

(Бросает перчатку.)
И если кто-нибудь
Осмелится сказать, что я изменник,
Солжет он, как последний негодяй.—
Труби, герольд! Готов со всеми биться,
Кто б ни пришел, с тобою, с этим, с тем,
За честь свою и правду.

Герцог Альбанский
Эй, глашатай!

Эдмунд
Герольд, сюда!

Герцог Альбанский
Сам за себя постой.
Твоих солдат, которых ты мне нанял,
Своею властью я и распустил.

Регана
Все хуже мне!

Герцог Альбанский

**Ей плохо. Уведите
Ее в мою палатку.**

Регану уводят.

Входит герольд.

**Вот герольд.
Труби, герольд, и огласи вот это!**

**Офицер
Труби, трубач!**

Трубят.

Герольд (читает). “Если бы среди дворян и офицеров этой армии нашелся желающий силой оружия доказать, что Эдмунд, выдающий себя за графа Глостера, лжец и предатель, пусть он соблаговолит выступить вперед по третьему зову трубы. Противник готов к встрече”.

**Эдмунд
Труби!**

Трубят в первый раз.

**Герольд
Еще раз!**

Трубят во второй раз.

**Герольд
Еще раз!**

Трубят в третий раз. Издали за сценой отвечает труба.
Входит вооруженный Эдгар с трубачом впереди.

Герцог Альбанский

Спроси, что он задумал и зачем
На зов трубы явился.

Герольд

Рыцарь, кто ты
По имени и званью? Почему
Ответил ты на вызов?

Эдгар

Знайте, имя

Утрачено мое и клеветой
Загрязнено. Но я такой же знатный,
Как мой противник.

Герцог Альбанский

Кто противник твой?

Эдгар

Кто здесь за графа Глостера Эдмунда?

Эдмунд

Он сам. Что скажешь ты?

Эдгар

Так вынь свой меч,

И если речь моя несправедлива,
Оружьем мне воздай за клевету.
А я по праву своего рожденья
Во имя чести рыцарской и клятв
Пришел сказать, что, несмотря на силу
И званье, доблесть, молодость, успех
И новую победу, ты — предатель
Перед богами, братом и отцом
И перед этим герцогом изменник
И весь запятнан с головы до ног
Следами гнусной низости и грязи.
Скажи, что я не прав, — моя рука,
Мой меч и совесть здесь, чтоб в поединке
Все, в чем ты отопрешься, доказать.

Э д м у н д

Я мог бы настоять, чтоб ты назвался,
Но вид твой так воинственен и горд
И речь так обличает воспитанье,
Что, правилам обычным вопреки,
Я пользоваться не хочу отсрочкой.
Бросаю ложь твою тебе назад —
Она меня ни краем не задела —
И чтоб ее в тебе похоронить,
Мечом прокладываю ей дорогу. —
Трубите бой!

Трубы. Схватка. Эдмунд падает.

Герцог Альбанский

Не добивай его!

Гонерилья

Ты — жертва козней, Глостер! По закону,
Не бьются с неизвестными. Ты мог
Не отвечать. Тебя не победили,
А взяли хитростью.

Герцог Альбанский

Прошу молчать,
А то заткну вам рот бумагой этой!

(Дает Эдмунду письмо.)

Прочти, злодей. В письме твой приговор.

(Гонерилье.)

Не рвать записки! Вам она знакома?

Гонерилья

Что ж! Здесь — моя держава, не твоя.
Кому судить меня?

Герцог Альбанский

Предел бесстыдства!
Так ты записку знаешь, стало быть?

Гонерилья

Не спрашивай, что знаю я.

(Уходит.)

Герцог Альбанский
(офицеру)

Смотрите
За ней. Она от горя вне себя.

Офицер уходит.

Эдмунд

Я сделал все, в чем ты меня винил,
И много больше. Время все откроет.
Моя пора пришла. Но кто же ты,
Кому так посчастливилось со мною?
Откройся, рыцарь. Я тебя прошу.

Эдгар

Признанием отвечу на признанье.
Не ниже по рожденью я, чем ты,
А если выше — тем твой грех тяжеле.
Меня зовут Эдгар, и я твой брат.
Но боги правы, нас за прегрешенья
Казня плодами нашего греха.
За незаконность твоего рожденья
Глазами поплатился твой отец.

Эдмунд

Да, правда. Колесо судьбы свершило
Свой оборот. Я здесь и побежден.

Герцог Альбанский

Я догадался по твоей осанке
О знатности твоей. Дай обниму.
Не знать мне счастья, если хоть притворно
На миг я отвернулся от тебя
И твоего отца!

Эдгар

Я это знаю.

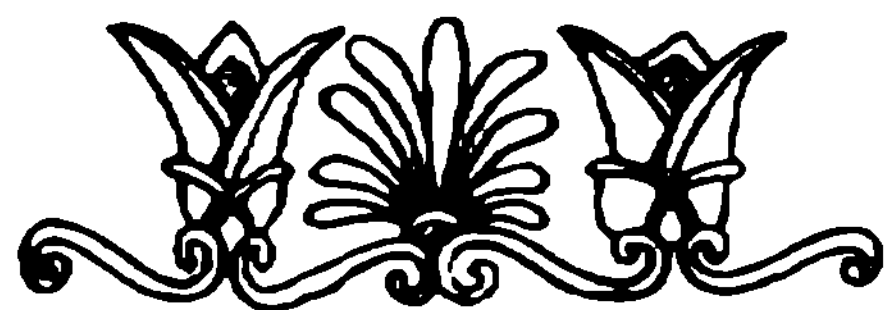
Герцог Альбанский

Где ты скрывался? Как проведаль ты
О бедствиях отца?

Эдгар

Я разделял их.

Послушайте коротенький рассказ.
Я б умереть хотел, когда я кончу.
Как нас к себе привязывает жизнь!
Мы медленную смерть от долгих пыток
Предпочитаем быстрому концу.
Узнав, что я объявлен вне закона,
Я стал скрываться, принял жалкий вид
Помешанного и бродил в лохмотьях,
Которых псы чурались. Так набрел
Я на отца с кровавыми кругами

Глазниц, пустых, как кольца без камней.
Я стал его вожатым, побирался,
Кормил его, поддерживал в нем дух.
Ах, отчего я в первый раз открылся
Ему лишь полчаса тому назад,
Когда, вооружившись перед битвой,
Просил, чтоб он меня благословил,
И описал ему свои скитанья!
Удар был слишком резок. Чересчур
Сошлись в нем вместе радость и страданье.
Их столкновенье сердце не снесло
И разорвалось.

Э д м у н д

Ты меня растрогал,
Моей душе на благо, может быть.
Но продолжай. Ты, кажется, не кончил.

Г е р ц о г А л ь б а н с к и й

Не надо, если повесть так горька
И дальше. Я чуть жив от слез остался.

Э д г а р

Пределом это кажется для тех,
Кто к горю не привык. Но кто привычен,
Теряет счет страданьям и идет
Сквозь испытанья до конца и края.

Пока я горько плакал, человек
Приблизился. Он мне встречался раньше.
Мой нищий вид отталкивал его.
Теперь, узнав, кто я на самом деле,
Он бросился на шею мне и, пав
На труп отца, омыл его слезами.
Он рассказал о Лире и себе
Такую быль, которой свет не слышал.
Описывая ужасы тех дней,
Он снова пережил их потрясенья
И потерял сознание. В этот миг
Раздался зов трубы, и я оставил
Его без чувств.

Герцог Альбанский

Кто ж был тот человек?

Эдгар

Кент, сэр, изгнанник Кент. Переодетый,
Он следовал за королем, своим
Гонителем, и верою и правдой
Служил ему, не брезгая ничем.

Вбегает придворный с окровавленным кинжалом.

Придворный

На помощь! Помогите!

Э д г а р

Что случилось?

Герцог Альбанский

Что это?

Э д г а р

Почему кинжал в крови?

Придворный

**Он теплый. Он дымится. Он из сердца.
Она мертва.**

Герцог Альбанский

Кто мертв? Скажи скорей!

Придворный

**Мертва супруга ваша. Закололась,
Пред этим отравив свою сестру.
Она созналась в этом.**

Э д м у н д

Я помолвлен

**С обеими. Теперь нас всех троих
Смерть обручит.**

Э д г а р

Вот Кент.

Герцог Альбанский

Живых иль мертвых,
Несите их сюда. Вселяет страх
Небесный суд, свершившийся над ними,
Но нам не жалко их.

Придворный уходит. Входит Кент.

Да, это он.

Событья не дают его принять,
Как подобало бы в другое время.

Кент

Владыке своему и королю
Пришел я пожелать спокойной ночи.
Как, он не здесь?

Герцог Альбанский

Про главное забыли.
Эдмунд, скажи нам, где король и где
Корделия?

Вносят тела Гонерильи и Реганы.

Ты видишь, Кент?

Кент

Что это?

Эдмунд

Да, был любим Эдмунд! Из-за него

Одна сестра другую отравила
И закололась.

Герцог Альбанский
Да, все это так.
Закройте лица им.

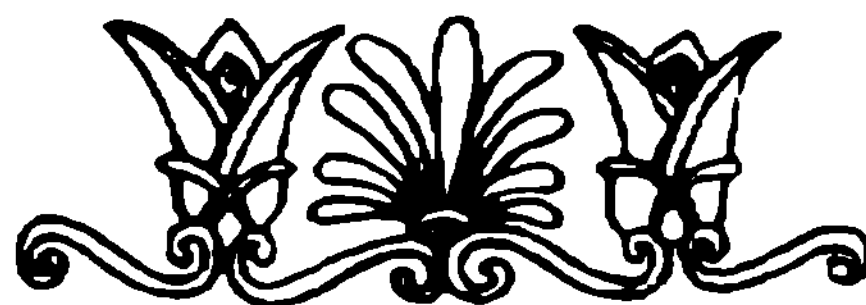
Эдмунд
Жизнь ускользает.
Пред смертью сделать я хочу добро,
Хоть это непривычно мне. Пошлите
В тюрьму. Не медлите! Я дал приказ
Лишить Корделию и Лира жизни.
Не медлите!

Герцог Альбанский
Скорей! Беги бегом!

Эдгар
К кому бежать? Кому приказ был отдан?
Дай знак отмены!

Эдмунд
Правильно. Возьми
Мой меч и моему дай офицеру.

Герцог Альбанский
Скорее, я прошу!

Эдгар уходит.

Э д м у н д

Твоя жена

И я распорядились, чтоб в темнице
Корделию повесили, сказав,
Что это ею сделано самою
В отчаянье.

Г е р ц о г А л ь б а н с к и й

Будь небо ей щитом!

Возьмите кто-нибудь его отсюда.

Эдмунда уносят.

Входит Л и р с мертвой Корделией на руках, за ним Э д г а р,
о ф и ц е р ы и д р у г и е.

Л и р

Вопите, войте, войте! Вы из камня!
Мне ваши бы глаза и языки —
Твердь рухнула б!.. Она ушла навеки...
Да что я, право, мертвой от живой
Не отличу? Она мертвее праха.
Не даст ли кто мне зеркало? Когда
Поверхность замутится от дыханья,
Тогда она жива.

К е н т

Не это ль час

Кончины мира?

Эдгар

Исполнение сроков.

Герцог Альбанский

Конец времен и прекращенье дней.

Лир

Перо пошевелилось. Оживает!
Ах, если это правда,— этот миг
Искупит все, что выстрадал я в жизни.

Кент

О господин мой!

(Становится на колени.)

Лир

Лучше уходи.

Эдгар

Ведь это Кент. Он друг ваш.

Лир

Пропадите!

Убийцы, подлецы! Я б спас ее,
А вот теперь она ушла навеки.—
Корделия, Корделия, чуть-чуть
Повремени еще! Что ты сказала?—

Лир над трупом Корделии. Художник Джон Джильберт

Ах, у нее был нежный голосок,
Что так прекрасно в женщине.— Злодея,
Тебя повесившего, я убил.

О ф и ц е р

Да, господа, он это, правда, сделал.

Л и р

Не правда ли, приятель? Было время,
Своим прекрасным острым палахом
Заставил бы я всех их тут попрыгать.
Не то теперь. Теперь я стар и слаб
От этих бед.

(Кенту.)

Кто вы? Я плохо вижу.
Я должен это прямо вам сказать.

К е н т

Судьба нас двух любила и терзала.
Один из них пред вами.

Л и р

Тут темно.
Скажите, вы не Кент?

К е н т

Ну да, он самый.
Слуга ваш Кент. А где слуга ваш Кай?

Л и р

Он славный малый был, скажу вам прямо.
Храбрец, рубака. Умер и истлел.

К е н т

Нет, государь. Я — это Кай.

Л и р

Посмотрим.

К е н т

Я с первых ваших злоключений шел
За вами по пятам.

Л и р

Я рад вас видеть.

К е н т

Все ж остальное — ужас, мрак, печаль.
Две ваших старших дочери в порыве
Отчаянья покончили с собой.

Л и р

Да, кажется.

Герцог Альбанский

Он, видимо, не знает,
Что говорит. Бесцельно выражать
Ему почтение наше.

Эдгар

Бесполезно.

Входит офицер.

Офицер

Эдмунд скончался.

Герцог Альбанский

Нам не до него.—

Вот что задумал я, друзья и лорды:
Чем только можно будет облегчить
Великого страдальца злую участь,
Всё обещаю сделать. Нашу власть
Передадим ему до самой смерти.

(Эдгару и Кенту.)

Вступите в ваши старые права.
Мы их еще расширим по заслугам.
Кто верен был, вкусит плоды добра,
Кто изменил, осушит чашу горя.—
Смотрите, что с ним? Видите?

Лир

Мою

Бедняжку удавили! Нет, не дышит!
Коню, собаке, крысе можно жить,
Но не тебе. Тебя навек не стало,
Навек, навек, навек, навек, навек!—

Мне больно. Пуговицу расстегните...
Благодарю вас. Посмотрите, сэр!
Вы видите? На губы посмотрите!
Вы видите? Взгляните на нее!

(Умирает.)

Э д г а р

Он в обморок упал. Мой государь!

К е н т

Разбейся, сердце! Как ты не разбилось?

Э д г а р

Очнитесь, государь!

К е н т

Не мучь. Оставь
В покое дух его. Пусть он отходит.
Кем надо быть, чтоб вздергивать опять
Его на дыбу жизни для мучений?

Э д г а р

Он умер.

К е н т

Удивительно не то,
А где он силы брал, чтоб жить так долго.

Герцог Альбанский

Несите мертвых. Наш ближайший долг
Оплакать их.

(Кенту и Эдгару.)

Друзья мои, вы оба мне опора,
Чтоб вывести край из горя и позора.

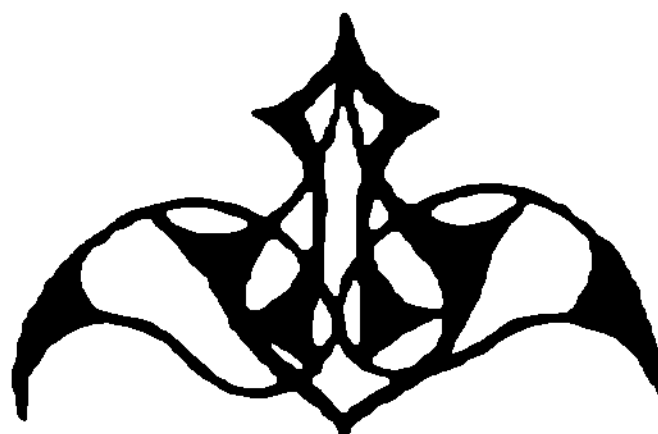
Кент

Не смею, герцог, сборами тянуть.
Меня король зовет. Мне надо в путь.

Эдгар

Какой тоской душа ни сражена,
Быть твердым заставляют времена.
Последуем примеру этой тени
И в долголетьи и в долготерпеньи.

Уходят под звуки похоронного марша.

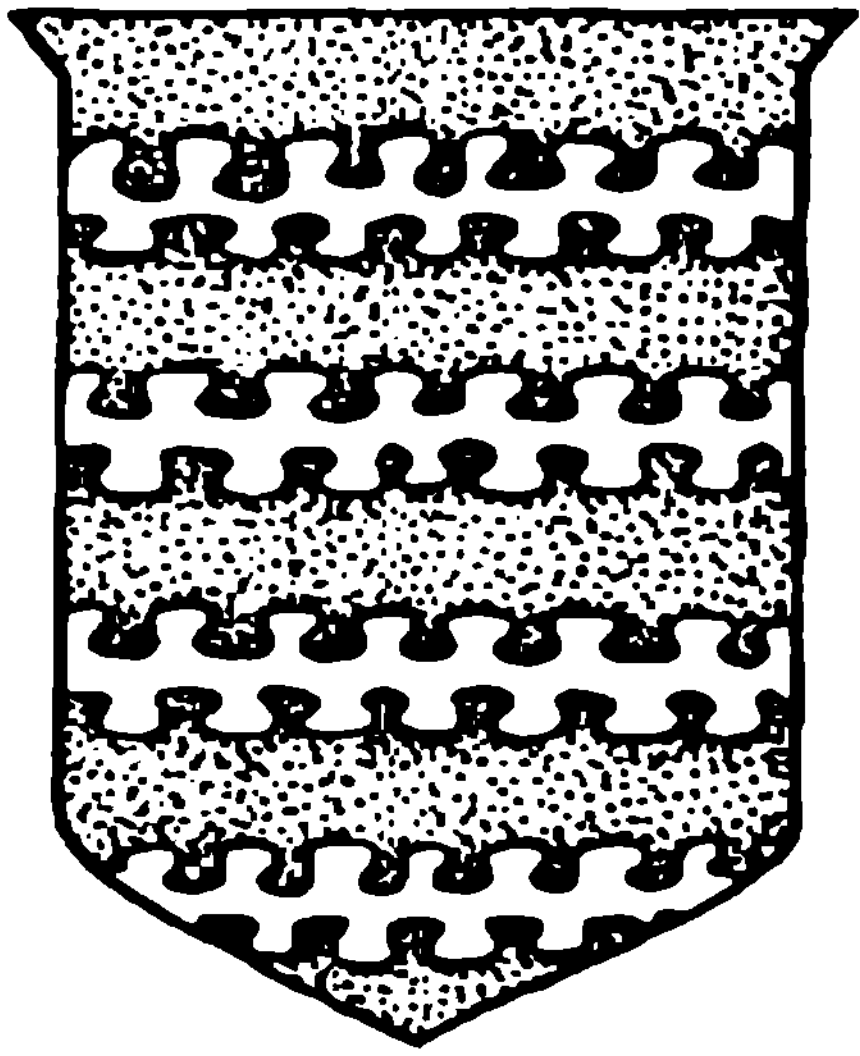
A decorative border in a reddish-brown ink, featuring a scroll at the top that holds the author's name, and a laurel wreath at the bottom. The border frames the central text.

Вильям Шекспир

Антоний и Клеопатра

трагедия в V актах

Перевод Б. Пастернака

Действующие лица

Антоний		триумвиры.
Октавий Цезарь		
Лепид		
Секст Помпей.		
Домиций Энобарб		приверженцы Антония.
Вентидий		
Эрос		
Скар		
Дерцет		
Деметрий		
Филон		
Меценат		приверженцы Цезаря.
Агриппа		
Долабелла		
Прокулей		
Тирей		
Галл		
Менас		приверженцы Секста Помпея.
Менекрат		
Варрий		
Тавр, командующий армией Цезаря.		
Канидий, командующий армией Антония.		
Силий, военачальник в армии Вентидия.		
Евфроний, посол от Антония к Цезарю.		
Алексас		придворные Клеопатры.
Евнух Мардиан		
Селевк		
Диомед		
Предсказатель.		
Поселянин.		

К л е о п а т р а, царица Египта.
О к т а в и я, сестра Цезаря и жена Антония.
Х а р м и а н а | прислужницы
И р а | Клеопатры.

**Военачальники, легионеры, гонцы, слуги
и придворные**

Место действия — в разных частях Римской империи

АКТ I

Сцена 1

Александрия. Комната во дворце Клеопатры.

Входят Деметрий и Филон.

Ф и л о н

**Нет, наш начальник выжил из ума.
Горящий взгляд, который с видом Марса
Он устремлял, бывало, на войска,
Молитвенно прикован к черной челке.
Грудь силача, дышавшая в боях
Так яростно, что лопались застёжки
На панцире, превращена в мехи
Для обдуванья жарких нег цыганки.**

Трубы. Входят Антоний и Клеопатра со свитой.

Е в н у х и обмахивают ее опахалами.

**Они идут. Любуйся. Вот тебе
Один из главных трех столпов вселенной
На положенье бабьего шута.
Смотри и поучайся.**

К л е о п а т р а

Если это
Любовь, то как, большая или нет?

А н т о н и й

Ничтожна страсть, к которой есть мерила.

К л е о п а т р а

Я знать желаю чар моих предел.

А н т о н и й

Тогда создай другую твердь и землю.

Входит служитель.

С л у ж и т е л ь

Из Рима вести, добрый государь.

А н т о н и й

Какая скука! Только поскорее.

К л е о п а т р а

Нет, расспроси, Антоний. Может быть,
Не в духе Фульвия и юный Цезарь
Приказывает: "Сделай то и то,
Займи то царство и очисти это,
Иначе будет плохо".

АНТОНІЙ и КЛЕОПАТРА

“Антоний и Клеопатра”. Титульный лист неизвестного художника

А н т о н и й

Милый друг!

К л е о п а т р а

Я не шучу. По-видимому, больше
Задерживаться здесь тебе нельзя,
Иначе Цезарь даст тебе отставку.
Как знаешь сам. Где Фульвии письмо?
Нет, Цезаря посланье, виновата.
Да нет, обоих, я хочу сказать.
Прими гонцов. Клянусь венцом Египта,
Ты покраснел, вернейший знак того,
Что ты боишься Цезаря, Антоний.
А может быть, стыдливость эта — страх
Пред Фульвией и будущей отчиткой?
Но где ж гонцы?

А н т о н и й

Пусть в Тибре сгинет Рим
И рухнут своды вековой державы!
Мое раздолье здесь. Все царства — прах.
Земной навоз — заслуженная пища
Зверям и людям. Жизни высота
Вот в этом.

(Обнимая ее.)

То есть в смелости и страсти.

А в них — я это кровью докажу —
Нам равных нет.

К л е о п а т р а

Какая ложь! Зачем же
Ты без любви на Фульвии женат?
Не так глупа я, как кажусь. Антоний
Всегда собою будет.

А н т о н и й

И всегда
Ошеломляться будет Клеопатрой.
Но из любви к часам самой любви
Не станем их терять на пререканья.
Пусть время в удовольствиях пройдет.
Чем будем развлекаться мы сегодня?

К л е о п а т р а

Беседую с послами.

А н т о н и й

Какова!

Но все к лицу упрямце-царице:
И гнев, и смех, и слезы. Каждый след
Ее запальчивости — совершенство.
Послов приму я разве лишь твоих,
А больше никаких. Сегодня будем

Бродить по улицам и наблюдать
Ночные нравы. Хорошо, царица?
Ты так сама хотела.

(Служителю.)
Надоел.

Антоний и Клеопатра со свитой уходят.

Д е м е т р и й
Как с Цезарем небрежен стал Антоний!

Ф и л о н
Он вовсе не Антоний иногда,
Так делается вдруг неузнаваем.

Д е м е т р и й
Как в самом деле жалко! Этим всем
Он подтверждает злые толки римлян.
Нам остается ждать, чтоб завтра он
Исправил впечатление. До свиданья.

Уходят.

Сцена 2

Там же. Другая комната.

Входят Хармиана, Ира, Алексас и предсказатель.

Х а р м и а н а. Свет Алексас, прелесть Алексас, самый-
рассамый Алексас, более чем какой-нибудь Алексас, где пред-

сказатель, которого ты так хвалил царице? О, взглянуть бы мне на будущего мужа, который по моей милости будет прятать рога под цветами!

А л е к с а с

Гадальщик!

П р е д с к а з а т е л ь

Что прикажешь?

Х а р м и а н а

Это он?

Ты тот, кто знает все?

П р е д с к а з а т е л ь

В живую книгу

Природных тайн я заглянул слегка.

А л е к с а с

Пусть он тебе посмотрит руку.

Входит Э н о б а р б.

Э н о б а р б

Живо!

**Тащи подносы. Будем выпивать
В честь Клеопатры.**

Хармиана

Наколдуй мне счастье.

Предсказатель

Я лишь предвижу, а не ворожу.

Хармиана

Предусмотри мне что-нибудь получше.

Предсказатель

Ты будешь все добрень и хорошеть.

Хармиана. Он думает, — в толщину.

Ира. Нет, он говорит, в старости ты будешь краситься.

Хармиана. Все, что угодно, только не морщины!

Алексас. Не сердь его предвиденья. Вниманье.

Хармиана. Молчок!

Предсказатель

Любить тебе случится в жизни больше,
Чем быть любимой.

Хармиана. Это мы посмотрим. Лучше буду горячить
печенку пьянством.

Алексас. Да слушайте же вы его!

Хармиана. Ладно. Только что-нибудь позамысловатей.
Скажем, выйти в одно прекрасное утро за трех царей и разом
овдоветь. Родить в пятьдесят лет младенца, которого будет

бояться Ирод Иудейский. Оказаться замужем за Октавием Цезарем и таким образом сравняться в чинах с государыней.

Предсказатель

Ты государыню переживешь.

Хармиана. Чудесно! Долголетье я люблю больше винных ягод.

Предсказатель

Ты знала раньше лучшую судьбу,
Чем предстоит тебе.

Хармиана. Быть женщиной без судьбы — значит плодить нищих без имени. Кстати, сколько их у меня будет, мальчиков и девочек?

Предсказатель

Когда б твоим желаньям по утробе,
То ты б имела миллион детей.

Хармиана. Вон, дурак! Прощаю тебе только потому, что ты колдун.

Алексас. Ты думаешь, никто, кроме простынь, не знает о твоих вожделеньях?

Хармиана. Теперь погадай Ире.

Алексас. Да, да, судьбу каждого из нас.

Энобарб. Мне и многим судьба напиться сегодня до бесчувствия.

И р а. Вот ладонь, на которой, во всяком случае, начертано целомудрие.

Х а р м и а н а. Так же, как в разливе Нила начертан недород.

И р а. Перестань, сумасшедшая, ты не предсказательница.

Х а р м и а н а. Если потная ладонь не показатель плодовитости, можешь сказать, что я сморкаюсь пяткой. Пожалуйста, нагадай ей что-нибудь заурядное.

Древнеегипетская туалетная ложечка. По материалам раскопок

Предсказатель. Ваши судьбы одинаковы.

И р а. Да, но как, в каком отношении?

Предсказатель. Я все сказал.

И р а. Неужели я ни на вершок не счастливее ее?

Х а р м и а н а. Ну, допустим, что на вершок. Так к чему бы ты хотела, чтобы его притачали?

И р а. Ну конечно, не к кончику носа моего мужа.

Х а р м и а н а. Да обуздает небо наши грешные мысли! Теперь Алексасу,— да, да, его судьбу, его судьбу! Сделай, Изидда, чтобы он женился на безногой! Сделай, чтобы она умерла, и пошли ему еще худшую! Пусть будут у него жены одна хуже

ругой, пока последняя не проводит его, приплясывая, в могилу, пятьдесят раз рогатого. Добрая Изида, услышь меня! Лучшее откажи мне в чем-нибудь необходимом, только не в этом! Добрая Изида, прошу тебя!

И р а. Аминь. Добрая богиня, услышь молитву верующих. Если больно видеть порядочного человека в браке с шалопайкою, во сколько же раз обиднее зрелище негодяя, которому не наставили уроков. Дорогая Изида, пошли ему судьбу по заслугам.

Х а р м и а н а. Аминь.

А л е к с а с. Нет, вы послушайте! Кажется, если бы от них зависело сделать меня рогатым, они вышли бы торговать сою на улицу, лишь бы этого добиться!

Э н о б а р б

Потише вы, — Антоний.

Х а р м и а н а

Нет, царица.

Входит Клеопатра.

К л е о п а т р а. Ты видел государя?

Э н о б а р б. Нет, государыня.

К л е о п а т р а. Он не был тут?

Х а р м и а н а. Нет, царица.

К л е о п а т р а

Все время он настроен был прекрасно,
Как вдруг о Риме вспомнил. Энобарб!

Э н о б а р б

Что, государыня?

К л е о п а т р а

Доставь его сюда мне. Где Алексас?

А л е к с а с

Вот я, и вот Антоний вслед за мной.

К л е о п а т р а

Не будем на него смотреть. Пойдемте.

Уходят.

Входит Антоний с гонцом и свитой.

Г о н е ц

Зачинщицею Фульвия была.

А н т о н и й

И ей войной ответил брат мой Люций?

Г о н е ц

**Да, но война была их коротка.
Их помирило время. Скоро Цезарь
Стал общим их врагом, но был сильней,
И с первого же столкновенья с ними
Погнал их из Италии.**

А н т о н и й

Еще

Какие неприятности?

Г о н е ц

Природа

Дурных вестей — несчастье для гонца.

А н т о н и й

**Когда их получает трус и олух.
Руби плеча. Что было, то прошло.
Любую правду, даже весть о смерти,
Предпочитаю лести.**

Г о н е ц

Лабием —

**Действительно большая неприятность —
С парфянским войском перешел Евфрат
И — в Азию. Его знамена веют
От Лидии до Сирии, пока...**

А н т о н и й

Антоний, — хочешь ты сказать?

Г о н е ц

Властитель!

А н т о н и й

Прямее! Выражений не смягчай.
Зови, как могут в Риме, Клеопатру.
Ругайся в духе Фульвии. Со мной
Будь так же резок, как вражда и честность.
Без осужденья зарастешь травой.
Упрек полезен, как пропашка поля.
Пока довольно. Выйди.

Г о н е ц

Как тебе

Угодно.

(Уходит.)

А н т о н и й

Где гонец из Сикиона?

Первый служитель

Гонец из Сикиона! Есть такой?

Второй служитель

Он ждет в соседней комнате.

А н т о н и й

Введите.

На волю из египетских цепей,
А то я кончу размягченьем мозга.

Входит другой гонец.

Что скажешь?

Второй гонец
Скончалась Фульвия, твоя жена.

Антоний

Где?

Второй гонец
В Сикионе. Это описанье
Ее болезни. Прочие дела
В письме.

(Подает ему письмо.)

Антоний

Ступай.

Второй гонец уходит.

Ушла душа большая.

Я этого хотел. Так мы всегда.
То, что отбрасывали с невниманьем,
Хотим потом вернуть, когда нельзя.
Все радости проходят. Эта стала
Желанной, потому что умерла.
Ее б удерживать, а я гнушался.
Нет, от колдуньи этой надо прочь.
Сто тысяч бед, еще страшнее этой,
Я наживу в безделье. Энобарб!

Входит Энобарб.

Энобарб

Что мне прикажешь, повелитель?

Антоний

Надо

Безотлагательно отсюда прочь.

Энобарб. Это убьет наших женщин. Для них смертельна всякая неласковость. Наш отъезд доконает их.

Антоний. Я должен уехать.

Энобарб. Тогда другое дело. Было бы жалко жертвовать ими попусту. А перед чем-нибудь важным на них нечего смотреть. Клеопатра умрет при одном намеке на это. Я видел двадцать раз, как она умирала с меньшим основанием. Наверное, в смерти есть что-то обольстительное, что она с такой любовью летит в ее объятья.

Антоний. Она невообразимо хитра.

Энобарб. Нет, повелитель. Вся она воплощение одной любви без примеси. Разве про нее можно сказать, что она плачет и вздыхает? Это более сильные ливни и ураганы, чем отмеченные в календарях. Ее припадки не хитрость. А то бы она насылала дожди с легкостью Юпитера.

Антоний. Лучше б я никогда не видал ее!

Энобарб. О повелитель, тогда бы ты прозевал большое чудо, и твое путешествие лишилось бы смысла.

Антоний. Умерла Фульвия.

Энобарб. Как?

А н т о н и й. Умерла Фульвия.

Э н о б а р б. Фульвия?

А н т о н и й. Да. Умерла.

Э н о б а р б. Ну что же, повелитель, принеси богам благодарственную жертву. Когда их божественности бывает уютно взять жену у мужа, они выступают в роли перелицовщиков земли. Утешься мыслью, что вместо изношенного платья тебе сделают новое. Если бы, кроме Фульвии, на свете не было женщин, ее смерть была бы серьезным бедствием. Но твое горе поправимо. Из этой старой рубашки выйдет новая юбка. И дешевле лука те слезы, которые я стал бы проливать по этому поводу.

А н т о н и й. Дело, которое она заварила в Риме, не терпит моего отсутствия.

Э н о б а р б. А дело, которое ты заварил в Египте, требует твоего присутствия. Особенно твое дело с Клеопатрой положительно немыслимо без тебя.

А н т о н и й

Довольно балагурить. Извести
О сборах командиров. Я царице
Скажу, что побуждает наш отъезд,
И попрощаюсь. Нас зовет не только
Смерть Фульвии и громкий голос чувств,
Но также письма от друзей из Рима.
Они в них сообщают: Секст Помпей
Бунтует против Цезаря и страшен
Преобладаньем на море. Народ

Не ценит никогда людей при жизни
И перенес любовь, которой он
Не доплатил покойному Помпею,
На сына. Секст и без того велик
По имени и крови, а успехом
Вскружил солдатам головы вконец.
Для государства рост его влиянья
Становится угрозой. Вообще
Все бродит там, змеясь, как конский волос,
Который может сделаться змеей.
Всем командирам, состоящим в свите,
Без промедленья собираться в путь.

Э н о б а р б

Отдам распоряженье.

Уходят.

Сцена 3

Там же. Другая комната.

Входят Клеопатра, Хармиана, Ира и Алексас.

Клеопатра

Где он?

Хармиана

С тех пор его я не видала.

Клеопатра. С картины Альма Тадемы

К л е о п а т р а

Узнай, где он, кто с ним, чем занят он,
И помни, — я тебя не посылала.
Застанешь грустным, скажешь — я пляшу,
А если весел, скажешь — заболела.
Ступай и возвращайся поскорей.

Х а р м и а н а

Мне кажется, ты не права, царица.
Когда любовь нешуточна, нельзя
Ответной домогаться принуждением.

К л е о п а т р а

А твой совет каков?

Х а р м и а н а

Не притесняй
Его ни в чем и дай во всем свободу.

К л е о п а т р а

Чтоб тем его скорее потерять?
Вот глупая!

Х а р м и а н а

Его терпенье лопнет.
Мы начинаем ненавидеть то,
Чего боялись. Вот и сам Антоний.

Входит Антоний.

Клеопатра

Мне грустно. Я больна.

Антоний

**Я принужден,
Как это ни печально...**

Клеопатра

Хармиана!

**Я падаю. Дай руку. Эта боль
Не может продолжаться бесконечно.
Всему есть мера.**

Антоний

Должен сообщить...

Клеопатра

Прошу, не приближайся.

Антоний

Что с тобою?

Клеопатра

**Я вижу ясно по твоим глазам,
Что ты с хорошей вестью. Что нам пишет
Законная жена? Отправься к ней.**

Она тебя напрасно отпускала.
Пусть знает, что тебя я не держу.
Ты весь ее! Я над тобой не властна.

А н т о н и й

Богам известно...

К л е о п а т р а

Не было царик,
Обманутых бессовестней. Я сразу
Предвидела измену.

А н т о н и й

Клеопатра...

К л е о п а т р а

Как я могла считать тебя своим,
Хоть клятвой ты поколебал бы небо,
Когда ты предал Фульвию? Смешно
Вверяться клятвам, не соединенным
Одна с другою.

А н т о н и й

Госпожа моя...

К л е о п а т р а

Пожалуйста, прошу без оправданий.
Простись, и в путь-дорогу. Вот когда

Ты к нам напрашивался, было время
Для разговоров и высоких слов.
Тогда отъездом и не пахло. Вечность
Была в моих глазах и на губах,
Ты видел меж бровей моих блаженство,
Я вся была небесною. Я вся
И ныне та же, но великий воин,
Как оказалось, и великий лжец.

А н т о н и й

Постой.

К л е о п а т р а

Будь я мужчиной, ты бы убедился,
Что и в Египте защищают честь.

А н т о н и й

Веленья жизни, милая царица,
Настойчиво зовут меня к делам.
Я должен буду временно уехать,
Но сердце оставляю я тебе.
В Италии большие беспорядки.
Подходы с моря занял Секст Помпей.
В стране два господина. Все в броженье.
Кто был в изгнанье, стал героем дня.
Теперьешний любимец недовольных —
Помпей, как некогда его отец.

Противникам нет счета. Мир наскучил.
Повсюду жалуются на застой
И жаждут перемены. Пред тобою
Особо оправдает мой отъезд
Смерть Фульвии.

К л е о п а т р а

Хотя я легковерна,
Но по годам я все же не дитя.
Как верить мне, что Фульвия скончалась?

А н т о н и й

И все ж она скончалась. Убедись
Из этого письма, какого шуму
Наделала она и, наконец,
Где умерла.

К л е о п а т р а

И это называют
Любовью! Где твои потоки слез?
Я вижу, вижу на ее примере,
Как мой конец ты примешь.

А н т о н и й

Бросим спор.

И выслушай мои предположенья.
Принять их к исполненью или нет,

Зависит от тебя. Чудесной силой,
Животворящей нильский ил, клянусь,
Что отправляюсь в путь твоим солдатом,
Или слугой, на мир или войну,
Как пожелаешь.

К л е о п а т р а

Распусти шнуровку.
Не надо, Хармиана, все прошло.
То обмираю я, то оживаю,
Как преданность Антония.

А н т о н и й

Оставь.
Сама потом свидетельницей будешь,
Как твердо эта верность устоит.

К л е о п а т р а

Еще бы, в этом Фульвия порука.
Послушай, отвернись и прослезись
В честь памяти ее, потом, прощаясь,
Уверь, что слезы назначались мне.
Тебе удастся чудно эта сцена
Чистосердечной фальши.

А н т о н и й

Перестань.
Не зли меня.

К л е о п а т р а

Недурно для начала,
Но можно лучше. Надо приналечь.

А н т о н и й

Пусть этот меч...

К л е о п а т р а

И этот щит... Прекрасно.
Не правда ль, хорошо? Он входит в роль.
Смотри, как натурально, Хармиана,
Бушует этот римский Геркулес.

А н т о н и й

Я ухожу.

К л е о п а т р а

Два слова, мой любезный!
Мы расстаемся... Нет, совсем не то.
Мы так любили... Нет, совсем не это.
Но что ж хотела я сказать? Я так
Забывчива, затем что я забыта.

А н т о н и й

Не будь ты мне царицею всего,
Я б мог сказать, что ты царица блажи.

Антоний и Клеопатра. С картины Франка Дикси

К л е о п а т р а

Нелегкий труд, однако, эту блажь
Носить у сердца так, как Клеопатра.
Но ты прости мне выходки мои.
Я первая всегда от них страдаю.
Тебя отсюда отзывает честь.
Пожалуйста, будь глух к моим причудам.
Да будут боги все с тобой. Твой меч
Пускай покроет лаврами победа,
А путь тебе — удачами.

А н т о н и й

Идем.

Разлука наша — не разъединенье.
Хоть и вдали, ты будешь жить во мне,
А я в тебе, хоть и на стороне.
Идем.

Уходят.

Сцена 4

Рим. Дом Цезаря.

Читая письмо, входит О к т а в и й Ц е з а р ь и Л е п и д с о с в и т о й.

Ц е з а р ь

Лепид, ты видишь и не забывай:
Не в Цезаревых нравах ненавидеть

Великого собрата. Между тем
Вот что нам пишут из Александрии.
Он удит рыбу, пьет и жжет огни
В ночных пирах. Мужского в нем не больше,
Чем в Клеопатре, даже несмотря
На женственность ее. Насилу принял
Моих послов и спрашивать не стал
О нас с тобой. В нем все пороки мира.

Л е п и д

И все ж их слишком мало, чтоб затмить
Его достоинства. Они сияют
Тем ярче, чем черней его грехи,
Как ночью — звезды. Это недостатки,
Но он в них вырос, а не приобрел.
Он сам их жертва, а не их владыка.

Ц е з а р ь

Ты слишком добр. Допустим, с полбеды
Валяться на постели Птолемея,
За шутку государства раздавать,
Пить до рассвета взапуски с рабами
И затевать кулачные бои
С подонками, воняющими потом.
Допустим, это хорошо. Хотя
Кем надо быть, чтоб это не претило?
Когда ж от этих штук в убытке мы,

То нет проказам этим оправданья.
Добро б на это шел его досуг,
Тогда бы нас могло не беспокоить,
Не хватит ли развратника удар.
Когда же он без пользы губит время,
Зовущее его, как барабан,
В тревожный час к защите государства,
Наш долг его пробрать, как шалуна,
Которого минуют уговоры
И только безобразья на уме.

Входит гонец.

Л е п и д

Вот новые известья.

Г о н е ц

Все приказы
Исполнены. Ты будешь каждый час
Иметь с границ подробные отчеты.
Помпей, как прежде, силен на морях.
С ним те, кто присягал тебе из страха.
Восставшие в приморских городах
Вредят тебе распространеньем басен.

Ц е з а р ь

Мне надо было б это раньше знать.
Завещано седою стариною:

Кто наверху, тот плох, я был хорош,
Пока взбирался. Кто скатился сверху,
Опять приятен. Вот любовь толпы.
Она как водоросль. Ее швыряет
По прихоти теченья так и смяк,
Пока не измочалит.

Г о н е ц

Дальше, Цезарь.

Известные пираты Менекрат
И Менас бороздят моря судами.
И добираются, куда хотят.
В Италию совершены вторженья.
Народ по всей прибрежной полосе
Запуган до смерти. Среди молодежи —
Призыв к оружию. Ни один корабль
Не может выйти, чтоб не захватили.
Но, думается, именем своим
Помпей страшней, чем истинною силой.

Ц е з а р ь

Антоний, брось разврат и кутежи.
Когда, убивши Гирция и Пансу,
Бежал ты из Модены, по пятам
Шел за тобою голод. С колыбели
Изнеженный, лишенья ты сносил
С упорством дикаря. Тебе случалось

Пить конскую мочу и муть болот,
Которой бы побрезговали звери.
Ты с удовольствием уничтожал
Лесные ягоды любой породы
И, как олени зимнею порой,
Глодал древесную кору.

А в Альпах

Ты ел такую падаль, говорят,
Что видевшие замертво валились.
Не хочется сейчас тебя стыдить,
Но ты переносил все эти беды
Так по-солдатски, что в конце концов
И щеки у тебя не провалились.

Л е п и д

Мне жаль его.

Ц е з а р ь

О если бы хоть стыд
Его заставил в Рим вернуться. Время
Начать войну. Я созову совет.
Задержка наша на руку Помпею.

Л е п и д

Я завтра, Цезарь, точно буду знать,
Какой морской и сухопутной силой
Могу располагать я.

Октавий Цезарь. Античная статуя

Цезарь

**К той поре
Я тем же озабочусь. До свиданья.**

Лепид

**Прощай. Уведомь, если сообщат
Какую-либо новость в промежутке.**

Цезарь

Не сомневайся. Это ведь мой долг.

Уходят.

Сцена 5

Александрия. Дворец Клеопатры.

Входят Клеопатра, Хармиана, Ира и Мардиан.

Клеопатра

Хармиана!

Хармиана

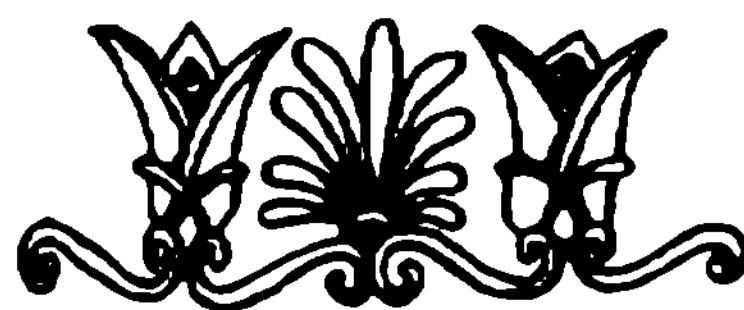
Царица!

Клеопатра

Дай мандрагоры выпить мне.

Хармиана

Зачем?

К л е о п а т р а

Чтоб всю ту бездну дней проспять, покуда
Антоний не со мной.

Х а р м и а н а

Ты чересчур
Упорно думаешь о нем.

К л е о п а т р а

Не думать —
Почти измена.

Х а р м и а н а

Я не нахожу.
Едва ли так, великая царица.

К л е о п а т р а

А ну, послушай, евнух Мардиан.

М а р д и а н

Что будет милости твоей угодно?

К л е о п а т р а

Не петь на этот раз. Из всех вещей,
Что может евнух, мне ничто не мило.
Какой счастливый ты, что оскотлен.

Ты мыслями не рвешься из Египта.
Доступна ль страсть тебе?

Мардиан

Да, госпожа.

Клеопатра

Как, в самом деле?

Мардиан

Нет, не в самом деле.

На деле ничего я не могу,
Что было б не к лицу, но в отвлеченье
Я знаю страсть и представляю все,
Что делал Марс с Венерой.

Клеопатра

Хармиана!

Послушай, где он может быть теперь?
Сидит или стоит? Пешком ли бродит
Иль скачет на коне? Счастливый конь!
Гордись, что под Антонием ты ходишь.
Ты знаешь ли, скакун, кто на тебе?
Атлант с полмиром на плечах, защита
Людского рода. Все ли шепчет он:
“Где змейка нильская моя?” Он раньше
Так звал меня. Теперь я не шутя

Пропитана сладчайшим ядом. Все ли
Он помнит, опаленную, меня
В следах загара, с кожей в морщинах?
О, я считалась лакомым куском,
Когда был жив широколобый Цезарь.
Однажды предо мной старик Помпей
Забылся так, что смерти не заметил,
Глаза в мой взор, как якорь, погрузив.

Входит А л е к с а с.

А л е к с а с

Да здоровствует владычица Египта!

К л е о п а т р а

Ты мало на Антония похож.
Но ты был с ним, и словно позолотой
Покрыт следами встречи. Как живет
Мой Марк Антоний?

А л е к с а с

Перед тем, как эту
Жемчужину отдать мне, он прижал
Ее к губам. Его слова хранятся
В моей душе.

К л е о п а т р а

Я слышать их хочу.

А л е к с а с

“Скажи, — он молвил, — римлянин суровый
Египетской царице шлет зерно
Жемчужины. Ничтожность подношенья
Загладит он, сложив к ее ногам
Земные царства. Передай, что скоро
Царице покорится весь Восток”.
Мы вышли, он вскочил в седло, кивая,
И жеребец, заржавши, заглушил
Мои слова.

К л е о п а т р а

Он грустен был иль весел?

А л е к с а с

Он был как время года меж жарой
И стужею, ни грустен и ни весел.

К л е о п а т р а

Вот человек! Ты только оцени,
Ты вдумайся лишь только, Хармиана!
Он не был грустен, чтоб не омрачать
Тех, кто живет им, словно отраженья.
Он не был весел, чтобы дать понять,
Что радости оставил он в Египте.
Он ни грустил, ни радовался. Он
Меж крайностями выбрал середину.

Ты можешь веселиться и грустить,
Все у тебя выходит без сравненья.
Встречал ли ты в пути моих гонцов?

А л е к с а с

Не меньше двадцати. К чему так много?

К л е о п а т р а

Пусть в бедности умрет рожденный в день,
Когда Антоний не получит писем.
Бумаги, Хармиана, и чернил.
Добро пожаловать, Алексас милый.
Внушал ли Юлий Цезарь мне любовь
Подобную?

Х а р м и а н а

Неотразимый Цезарь!

К л е о п а т р а

Скажи еще раз так и подавись.
Антоний — вот бесспорный покоритель.

Х а р м и а н а

Великий Цезарь!

К л е о п а т р а

Зубы, говорю,
Тебе я выбью, если ты мне снова

Поставишь рядом с Цезарем того,
Кто лучше всех на свете.

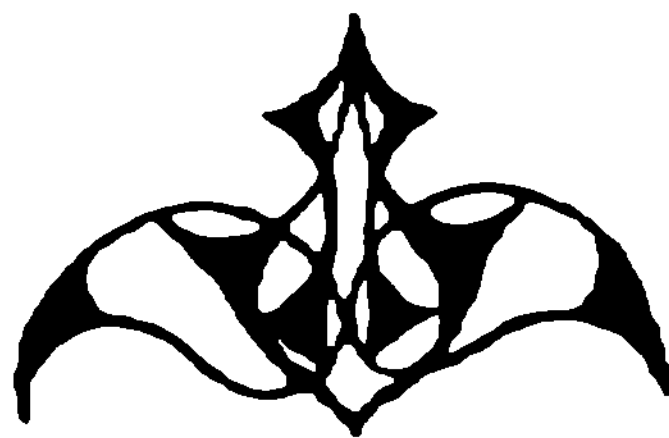
Х а р м и а н а

Виновата.
Я лишь на прежний голос твой пою.

К л е о п а т р а

Что ж, зелена была, не понимала,
Вот и несла спокойно этот вздор.
Бумаги и чернил мне. Ежедневно
Он будет от меня иметь гонцов,
Пока не обезлюдет Египет.

Уходят.

АКТ II

Сцена 1

Мессина. Дом Помпея.

В боевом вооружении входят Помпей, Менекрат и Менас.

Помпей

**Хотя б из справедливости одной
Помогут боги тем, чье дело право.**

Менекрат

**Отсрочка их, достойнейший Помпей,
Ведь не отказ.**

Помпей

**Пока богов мы молим
О помощи, проходит польза в ней.**

Менекрат

**По глупости нередко мы хлопочем
О пагубе. По счастью, небеса**

Отказывают в ней, и нас спасает
Их глухота.

П о м п е й

Мне, верно, повезет.
Меня в народе любят. Море — наше.
Людской состав велик и все растет.
В Египте Марк Антоний занят чревом
И для войны обеда не прервет.
Чем больше денег собирает Цезарь,
Тем более лишается друзей.
Лепид обоим угождает лестью,
Но дружбы нет у них ни у кого.

М е н а с

Лепид и Цезарь выставили в поле
Большое войско.

П о м п е й

Ты откуда взял?
Неправда это.

М е н а с

Сильвий уверяет.

П о м п е й

Ему приснилось. Цезарь и Лепид
Решили ждать Антония, и оба

Покамест в Риме. Но да возродишь
Ты все свои соблазны, Клеопатра!
Соедини коварство с красотой
И красоту с могуществом бесстыдства!

Изображение Клеопатры в виде богини Изиды

Без жалости повесу погрузи
В пучину пьянства. Кухней Эпикура
Дразни пресытившийся аппетит,
Чтоб совесть в нем от спячки и обжорства
Не знала пробужденья!

Входит В а р р и й.

Варрий, ты?

В а р р и й

**Проверенные новости: Антоний
С минуты на минуту въедет в Рим.
Прошло уж много дней, как он в дороге.**

П о м п е й

**Я б этому известью предпочел
Любое огорченье. Я не думал,
Что волокита наш наденет шлем
Для мелких экспедиций. Как военный,
Он вдвое больше двух своих друзей.
Гордиться можем, что своим восстаньем
Мы вырвали из ненасытных лап
Египтянки такого сластолюбца.**

М е н а с

**Едва ль Антоний с Цезарем найдут
Слова приязни. С Цезарем боролись
Жена и брат Антония, хотя,
Как я предполагаю, против воли
Антония.**

П о м п е й

**Их мелкая вражда,
Наверное, отступит перед крупной.**

Когда бы всем им не грозили мы,
Они бы непременно перегрызлись.
Причин на это много. Но узнать,
Как именно помирят их опасность,
Пока нельзя, и принимать в расчет
Их разногласья рано. Будь что будет;
Но с этих пор у нас одна стезя:
Мой жребий брошен, и назад нельзя.
За мною, Менас.

Уходят.

Сцена 2

Рим. Дом Лепида.

Входят Энобарб и Лепид.

Л е п и д

Премного нас обяжешь, Энобарб,
Когда упросишь своего патрона
Не горячиться!

Э н о б а р б

Я ему скажу,
Чтоб говорил, как хочет. Если Цезарь
Даст повод, пусть с приподнятой главой
Антоний отвечает громогласно,
Как Марс. Клянусь Юпитером самым,

Сегодня на Антониевом месте
Я даже не побрил бы бороды.

Л е п и д

Теперь не время для взаимных счетов.

Э н о б а р б

Любое время — время для всего.

Л е п и д

Но малое смолкает пред великим.

Э н о б а р б

Когда оно само не впереди.

Л е п и д

Ты раздражен. Не вороши былого.
Вот доблестный Антоний.

Входят Антоний и Вентидий.

Э н о б а р б

Вижу сам.

Вот Цезарь.

Входят Цезарь, Меценат и Агриппа.

А н т о н и й

А как в Риме все уладим,
Отправимся, Вентидий, на парфян.

Цезарь

Не знаю, Меценат, спроси Агриппу.

Лепид

Друзья мои, нас связывает цель
Первостепенной важности. Не надо,
Чтоб дразги разделяли нас. Добром
Уладим разногласья. Спорить с пеной
У рта о вздоре — значит совершать
Убийство для уврачеванья раны.
Поэтому, достойные друзья,
Воздержимся давайте от придирок!
Давайте будем наболевших мест
Касаться мягко.

Антоний

Совершенно верно.

Я в армии сторонник тех же мер.

Трубы.

Цезарь

Добро пожаловать к нам в Рим.

Антоний

Спасибо.

Цезарь

Садись.

А н т о н и й

Садись ты первый.

Ц е з а р ь

Хорошо.

А н т о н и й

**Ты ставишь мне на вид какой-то промах,
Который не касается тебя?**

Ц е з а р ь

**Хорош я был бы, если бы сердился
На мелочи, к тому же на тебя.
Еще смешнее, если б занимался
Тобой, когда причины для того
Не представлялось.**

А н т о н и й

**Как ты относился
К тому, что я в Египте?**

Ц е з а р ь

**Точно так,
Как ты к тому, что я был в Риме. Впрочем,
Когда ты начинал злоумышлять
Оттуда, то твои дела в Египте
Затрагивали нас.**

А н т о н и й

Злоумышлять?

Не понимаю.

Ц е з а р ь

А понять не трудно.

**Твоя покойная жена и брат
Вели со мной войну. Ее предложом
Был ты. Ты был их кличем боевым.**

А н т о н и й

**Ты в заблужденье. Брат в свои затеи
Меня не посвящал. Я узнавал
О них со слов твоих людей. Напротив,
Ты мой союзник. Братнина война
Вредила мне не меньше. Это в письмах
Я доказал подробно. Если ж нам
Перекоряться ради перекаров,
Давай, но изберем другой предмет,
А это на живую нитку шито.**

Ц е з а р ь

**В защиту сам не знает, что сказать,
А говорит — я придираюсь.**

А н т о н и й

Полно!

Не верю я, чтоб ты не понимал

Простых вещей. Как твой прямой товарищ,
Едва ли мог я одобрять раздор,
Грозивший мне и нашему порядку.
Что Фульвии касается, тебе
Желал бы я такой жены. Ты держишь
В узде треть мира. Попытался б ты
Смирить мою покойную супругу!

Э н о б а р б. Всем бы по такой! На войну можно было бы
ходить с бабами!

А н т о н и й

Воображаю. Цезарь, сколько бед
Наделала тебе ее сварливость
При неуживчивом ее уме
И страсти к козням! Я тебя жалею.
Но что же делать?

Ц е з а р ь

Я тебе писал
В разгар твоих пиров в Александрию.
Ты письма отложил, не прочитав,
А посланного вытолкал с насмешкой.

А н т о н и й

Он влез ко мне без спросу. Перед тем
Я трем царям давал обед и плохо
Соображал. На следующий день

Я объяснился с ним, что равносильно
Прямому извиненью. Рвать так рвать,
Но твой посыльный не предлог к разрыву.

Цезарь

Ты также обещанья не сдержал,
В чем обвинить меня не можешь.

Лепид

Цезарь!

Антоний

Оставь его, пусть говорит, Лепид.
Священны для меня уроки чести,
Которые он мне дает. Итак,
Что обещал я?

Цезарь

По ближайшей просьбе
Поддерживать оружием и людьми,
И не дал их.

Антоний

Неправда, дал, но поздно.
И то в те дни, когда я был в чадy
И сам не свой. Насколько это можно,
Я каюсь, но прошу не забывать,
Что я не уступаю принужденью,

А действую от широты души.
Возможно, я невольная причина
Войн Фульвии, которыми она
Меня хотела вызвать из Египта.
Ну что же, я прошу меня простить
В границах, допустимых самолюбьем.

Л е п и д

Вот это благородно.

М е ц е н а т

А теперь
Не усложняйте больше ваших счетов.
Как было б кстати именно сейчас
Предать их окончательно забвенью!

Л е п и д

Замечено прекрасно, Меценат.

Э н о б а р б. Или временно одолжите друг другу любовь с
возвратом, когда о Помпее не будет речи. Тогда сможете ссо-
риться, сколько душе угодно.

А н т о н и й

Ты мастер драться, а не говорить.

Э н о б а р б

Я позабыл, что правда молчалива.

А н т о н и й

Ты чересчур развязен. Замолчи.

Э н о б а р б

Да ладно уж. Я превратился в камень.

Ц е з а р ь

Хоть он невежлив, но не так не прав.
Конечно, при таких больших различьях
Нам трудно будет дружбу сохранить.
А между тем, когда б я знал на свете
Род обруча, чтоб нас сплотить тесней,
Я б землю исходил за ним до края!

А г р и п п а

Позволь сказать мне, Цезарь.

Ц е з а р ь

Говори,

Агриппа.

А г р и п п а

С материнской стороны
Октавия сестра тебе. Антоний
Теперь вдовец.

Ц е з а р ь

Агриппа, замолчи.

Когда б нас услышала Клеопатра,
Тебе б досталось за твои слова.

А н т о н и й

Я, Цезарь, не женат. Пускай Агриппа
Докончит мысль.

Скульптурное изображение римской девушки

А г р и п п а

Чтоб прочно привязать
Друг к другу вас нерасторжимым братством

И обоюдно накрепко сковать,
Пусть вступит в брак с Октавией Антоний.
Ей обеспечивает красота
Права на наилучшего супруга,
А нрав ее превыше похвалы.
Родство вам даст уверенность друг в друге.
Вас не встревожит никакая быль,
А до сих пор смущали небылицы.
В таком родстве вы будете втроем
Тогда любить друг друга втрое больше.
Пожалуйста, простите. Это все
Не болтовня, а зрелый плод раздумий.

А н т о н и й

Что скажет Цезарь?

Ц е з а р ь

Ровно ничего,
Пока не выскажется Марк Антоний.

А н т о н и й

Допустим, я сказал бы: по рукам.
Какой ответчик в этом мне Агриппа?

Ц е з а р ь

С Агриппой вместе Цезарь. Я берусь
Склонить сестру.

А н т о н и й

Тогда другое дело.

Я с этим предложеньем и во сне
Не стал бы долго мешкать. Руку, Цезарь!
Доставь мне эту радость, и пускай
Отныне между нами воцарятся
Любовь и братство.

Ц е з а р ь

Вот моя рука.

Я отдаю сестру, которой крепче
Никто из братьев в мире не любил.
Храни ее, живой залог согласия
Владений наших и сердец. Пускай
Любовь меж нами вновь не распадется.

Л е п и д

Да будет так! В час добрый!

А н т о н и й

Лично я

Не собирался воевать с Помпеем.
Недавно он мне службу сослужил,
И для того чтоб не прослыть невежей,
Я поблагодарю его сперва
И лишь потом порву с ним отношенья.

Л е п и д

Давно пора. Одно из двух: не мы,
Так сам он нападет на нас нежданно.

А н т о н и й

Где у него стоянка?

Ц е з а р ь

У Мизен.

А н т о н и й

На суше много войска?

Ц е з а р ь

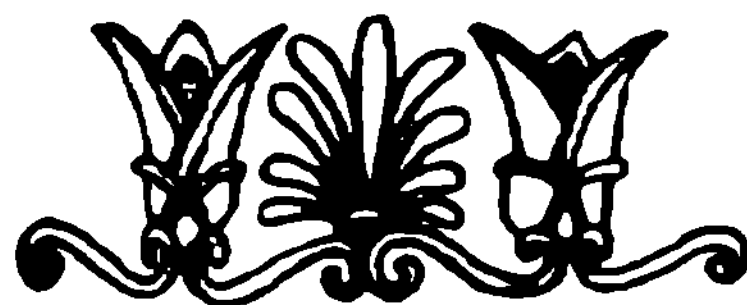
Очень много,
И прибывает. На море же он
Единственный хозяин.

А н т о н и й

Да, я слышал.
Скорей бы, не откладывая, в бой.
Но до открытия военных действий
Покончим с тем, о чем был разговор.

Ц е з а р ь

Охотно. Приглашаю для знакомства
Тебя к сестре. К ней прямо и пройдем.

А н т о н и й

Лепид, не покидай нас.

Л е п и д

Нет, Антоний.

Меня б не удержала и болезнь.

Трубы.

Цезарь, Антоний и Лепид уходят.

М е ц е н а т. С приездом из Египта, друг сердечный!

Э н о б а р б. Половина Цезарева сердца, милый Меценат!
Драгоценный друг Агриппа!

А г р и п п а. Добрейший Энобарб!

М е ц е н а т. Можно радоваться, что все так устроилось.
Хорошо вам было в Египте?

Э н о б а р б. И не говори. Дни мы губили беспросыпным сном, а ночи беспробудным пьянством.

М е ц е н а т. Говорят, по восьми жареных кабанов к завтраку на двенадцать персон? Это правда?

Э н о б а р б. Это капля в море. Перепадали познатнее кусочки.

М е ц е н а т. Говорят, это настоящая львица, не правда ли?

Э н о б а р б. Едва она увидала Марка Антония, как сразу же сгребла его сердце. Это было на реке Кидне.

А г р и п п а. Там действительно было что-то или мне только сочинили?

Э н о б а р б. Сейчас я расскажу.

Ее баркас горел в воде, как жар.
Корма была из золота, а парус
Из пурпура. Там ароматы жгли,
И ветер замирал от восхищенья.
Под звуки флейт приподнимались в лад
Серебряные весла, и течение
Вдогонку музыке шумело вслед.
Ее самой словами не опишешь.
Она лежала в золотом шатре
Стройней Венеры, а ведь и богиня
Не подлинность, а сказка и мечта.
По сторонам у ней, как купидоны,
Стояли, с ямочками на щеках,
Смеющиеся дети с всерами,
От веянья которых пламенел
Ее румянец.

А г р и п п а

Я воображаю

Антония!

Э н о б а р б

Как нимфы на реке,
Служанки не спускали глаз с царицы.
Одна вела баркас, в руках другой
Так и сновали шелковые снасти.
Как я сказал, с баркаса долетал
Пьянящий запах. Он привлек внимание

На набережных. В городе в тот миг
На главном рынке, пред толшой, на троне
Сидел Антоний. Город опустел.
Все высыпали на берег. Антоний,
Насвистывая, продолжал сидеть
Один на площади, но даже воздух
Сбежал, казалось, на реку глазеть
На Клеопатру, обокрав природу.

А г р и п п а

Ай да египтянка, могу сказать!

Э н о б а р б

Когда она причалила, Антоний
Позвал ее на ужин, но узнал,
Что сам к ней приглашен, и, не привыкши
Отказывать просительницам, сел,
Побрился десять раз, по крайней мере,
И сердцем поплатился на пиру
За все, что ел глазами.

А г р и п п а

Чародейка!

Великий Цезарь, даже он сменил
Меч на орало у ее постели.

Э н о б а р б

При мне ей как-то захватило дух
От сорока шагов. Она бежала,

Остановилась и с большим трудом
Заговорила. Надо было слышать,
Как хороша прерывистая речь!
Едва дыша, она дышала силой.

М е ц е н а т

Теперь ее он бросит навсегда.

Э н о б а р б

Антоний? Что ты! Ни за что на свете.
Ее разнообразью нет конца.
Пред ней бессильны возраст и привычка.
Другие пресыщают, а она
Все время будит новые желанья.
Она сумела возвести разгул
На высоту служенья и снискала
Хвалы жрецов.

М е ц е н а т

Но если красота,
Порядочность и ум имеют силу
В глазах Антония, то для него
Октавия — находка.

А г р и п п а

Ну пойдете.
Пока ты здесь, милейший Энобарб,
Располагайся у меня.

Э н о б а р б

Спасибо.

Уходят.

Сцена 3

Там же. Дом Цезаря.

Входят Цезарь, Октавия, Антоний и свита.

А н т о н и й

**По временам нас будут разлучать
Мои обязанности.**

О к т а в и я

**Это время
Я буду за тебя молить богов.**

А н т о н и й

**Спокойной ночи, Цезарь. Нареканий,
Октавия, не слушай на меня.
Я вольничал, конечно, но увидишь —
Я изменюсь. Спокойной ночи, друг.
Спокойной ночи, брат.**

Ц е з а р ь

Спокойной ночи.

**Все, кроме Антония, уходят.
Входит предсказатель.**

А н т о н и й

В Египет захотелось?

П р е д с к а з а т е л ь

**О, когда б
Не ездил ты туда, а я оттуда!**

А н т о н и й

Нельзя ль узнать причину?

П р е д с к а з а т е л ь

На словах

**Не объясню, но чувствую: нам надо
Назад в Египет.**

А н т о н и й

**Кто из нас, скажи,
Счастливей будет: я иль Цезарь?**

П р е д с к а з а т е л ь

Цезарь.

**Поэтому спешి отсюда прочь.
Приставленный к тебе хранитель-демон
Сам по себе удачлив и велик,
Но лишь вдали от Цезарева духа,
А перед ним теряется. Держись
На расстоянье.**

А н т о н и й

Никому ни звука.

П р е д с к а з а т е л ь

Ни полуслова. Одному тебе.
Во что с ним ни играй, ты проиграешь.
Все выгоды твои он осмеет.
Взойдет его звезда, твоя заходит.
Я говорю тебе, что рядом с ним
Твой дух теряет самообладанье
И окрыляется, когда один.

А н т о н и й

Ну ладно. Выйди. Пусть войдет Вентидий.

Предсказатель уходит.

Давно пора Вентидию в поход.
Искусство это или же случайность,—
Гадальщик прав. Число очков в костях —
И то ему послушно. В состязаньях
Сдает мой опыт, так ему везет.
Бросаем жребий — вновь ему удача.
Его петух всегда бьет моего.
В бою перепелином та же участь.
В Египет! Я женюсь для тишины,
Но счастье для меня лишь на Востоке.

Входит Вентидий.

Вентиций, отправляйся на парфян.
Приказ готов. Пойдем за назначеньем.

Уходят.

Сцена 4

Там же. Улица.

Входят Лепид, Меценат и Агриппа.

Лепид

Не думайте об этом. Торопитесь,
Чтоб от командующих не отстать.

Агриппа

Антонию осталось попрощаться
С Октавией, и трогаемся в путь.

Лепид

До скорого счастливого свиданья
В солдатских ваших латах и плащах,
Которые вам так идут обоим.

Меценат

Насколько понимаю я поход,
Мы будем до тебя, Лепид, у мыса.

Лепид

Ваш путь короче. Я иду в обход.
Вы на два дня меня опередите.

М е ц е н а т и А г р и п п а
Прощай, Лепид!

Л е п и д
Счастливого пути.
Уходят.

Сцена 5

Александрия. Дворец Клеопатры.
Входят Клеопатра, Хармиана, Ира и Алексас.

К л е о п а т р а
Я б музыку послушала. Она
Насущный хлеб влюбленных.

В с е

Музыканты!

Входит евнух М а р д и а н.

К л е о п а т р а
Нет, знаешь что, давай катать шары.

Х а р м и а н а
Я повредила кисть. Играй с Мардьяном.

К л е о п а т р а
По мне, что с женщиной играть, что с ним,
Один конец. Ну что ж, давай сыграем.

М а р д и а н

Уж как могу.

К л е о п а т р а

Нерадостный ответ,
Да хорошо и доброе желанье.
Но бросим это. Удочку мою!
Пойдемте лучше на реку дурачить
Игрой на воздухе резвущек-рыб.
Как подцеплю какую, да за жабры,
Да вытащу, взгляну, — ни дать ни взять
Антоний, и подумаю: “Попался?”

Х а р м и а н а

Вот было смеху, помнишь? Вышел спор,
Кто лучше удит. Водолаз навесил
Антонию селедку под водой,
А тот — тянуть, тянуть!

К л е о п а т р а

Да, было время!

Я хохотала так, что довела
Его до иступленья, помирилась,
Прохохотала ночь, а на заре
Пила с ним, напоила, нарядила
В свою рубашку, а сама взяла
Его филиппский меч.

Входит гонец.

Гонец из Рима!

Скорей вестями уши завали,
Так долго пустовавшие!

Г о н е ц

Царица!

К л е о п а т р а

Антоний умер? Если это так,
Ты будешь для меня цареубийцей,
А если он свободен и здоров,
Вот золото и голубые жилки
Моей руки, которую цари
Дрожа лобзали.

Г о н е ц

Он здоров, царица.

К л е о п а т р а

Вот золото еще, но берегись,
Мы пьем и за здоровье умерших,
И если в этом смысле он здоров,
Я это золото велю расплавить
И глотку подлую твою залью.

Г о н е ц

Царица, слушай.

Английская актриса XVIII века Попп в роли Клеопатры

К л е о п а т р а

Слушаю. Однако
Твой вид не предвещает мне добра.
Возможно ли трубить с таким уныньем,
Что он здоров? А если нездоров,
Ты должен был, как фурия, явиться
В венце из змей, а не как человек.

Г о н е ц

Угодно выслушать тебе?

К л е о п а т р а

Угодно

Прибить тебя, но если, говоришь,
Антоний жив, здоров, и не под стражей,
И Цезарь в дружбе с ним, то я велю
Тебя осыпать жемчугом.

Г о н е ц

Царица,

Он в добром здравье.

К л е о п а т р а

Очень хорошо.

Г о н е ц

С ним в дружбе Цезарь.

К л е о п а т р а

Ты прекрасный малый.

Г о н е ц

Он близок с Цезарем, как никогда.

К л е о п а т р а

Я дам тебе богатство.

Г о н е ц

Но, царица...

К л е о п а т р а

**Вот не люблю я этих “но”. Вся речь
Свелась на нет. Чтоб я их не слыхала!
“Но” — это что-то вроде палача
В предшествии злодея. Лучше разом
Вываливай хорошее с дурным.
Антоний в дружбе с Цезарем, свободен
И, говоришь, здоров?**

Г о н е ц

Свободен? Нет.

**Я этого не говорил. Он связан
С Октавией.**

К л е о п а т р а

С Октавиею? Чем?

Г о н е ц

Постелями.

К л е о п а т р а
Мне дурно, Хармиана.

Г о н е ц

Он с нею в браке.

К л е о п а т р а
Чтоб ты околел!
(Сбивает его с ног.)

Г о н е ц

Приди в себя, царица.

К л е о п а т р а
Вон, отсюда!

(Снова бьет его.)
Подлец! Я выколю тебе глаза
И вырву волосы.

(Таскает его взад и вперед.)
Тебя отхлещут.
Железной розгой. Я тебя сварю
В рассоле.

Г о н е ц
Милосердная царица,
Я весть принес, но я их не венчал.

К л е о п а т р а

Скажи, что это ложь, и ты получишь
Наместничество, славу, ты мне в счет
Поставишь нанесенные побои
И взыщешь все, что совесть разрешит.

Г о н е ц

Царица, он женился.

К л е о п а т р а

Нечестивец,

Твой час настал.

(Вытаскивает кинжал.)

Г о н е ц

Нет, лучше убежать.
Чем виноват я пред тобой?

(Уходит.)

Х а р м и а н а

Царица,

Приди в себя. Он, правда, ни при чем.

К л е о п а т р а

Гром может и невинного постигнуть.
Пусть на Египет хлынет Нил! Пускай
Голубки обратятся в злобных гадов!

Где этот раб? Вернуть его назад.
Хоть я бешусь, кусаться я не стану.

Хармиана

Он оробел.

Клеопатра

Я не коснусь его.

Хармиана уходит.

И так уж руки об него марала,
А виновата только я сама.

Хармиана и гонец возвращаются.

Поди сюда. Носить дурные вести
Хоть честный, но неблагодарный труд.
Пусть радости нам разглашают хором,
А горе настигает нас без слов.

Гонец

Я исполнял свой долг.

Клеопатра

Так он женился?

Ты ненавистней, если скажешь “да”,
Не станешь мне.

Гонец

Царица, он женился.

К л е о п а т р а

Чтоб ты пропал! Опять ты за свое?

Г о н е ц

Так что ж, мне лгать, царица?

К л е о п а т р а

Лги, несчастный,

Хоть пол-Египта провались и стань

Садком для крокодилов! Убирайся!

Будь ты Нарцисс лицом, ты б вызывал

Во мне гадливость. Он женат?

Г о н е ц

Царица,

Помилосердствуй!

К л е о п а т р а

Он женат?

Г о н е ц

Прости,

Что я тебя не унижаю ложью,

А только исполняю твой приказ:

Антоний на Октавии женился.

К л е о п а т р а

Пусть к половинной низости твоей

Прибавится Антониева низость!
Пошел отсюда! Римский твой товар
Мне не по средствам. Забирай поклажу
И пропади.

Гонец уходит.

Хармиана

Владычица, смиришь.

Клеопатра

Я Цезаря Антонию в угоду
Бесславила.

Хармиана

О да, и сколько раз!

Клеопатра

Вот и наука. Ира! Хармиана!
Идем отсюда. Я лишаяюсь чувств.
Не надо. Догони его, Алексас.
Узнай, какое у нее лицо,
Года какие, склонности, оттенок
Волос, и вмиг назад.

Алексас уходит.

А с ним навек
Покончено. Навек ли, Хармиана?

Он — чудовище одною стороною
И божество — другой.

(Мардиану.)

Пускай Алексас
Узнает рост Октавии. Ну вот.
Без слов мне посочувствуй, Хармиана.
Дай обопрись. Теперь пойдем ко мне.

Уходят.

Сцена 6

Близ Мизенского мыса.

Входят при звуках труб и барабанов, с войсками, с одной стороны
Помпей и Менас, а с другой — Цезарь, Антоний,
Лепид, Энобарб и Меценат.

Помпей

Заложники у вас и у меня.
Давайте побеседуем до битвы.

Цезарь

И я начать хотел бы с мирных слов.
Мы в письмах выставили предложенья.
Достаточно ли их, чтоб ты вложил
Свой меч в ножны и распустил обратно
В Сицилию всю эту молодежь?
В противном случае они погибнут.

П о м п е й

Я спрашиваю вас, оплот богов,
Единственные господа вселенной,
Должна ли память моего отца
Остаться без возмездья? Он оставил
Друзей и сына. Вам ли объяснять,
Что значит мститель? Вами Юлий Цезарь
В Филиппах отомщен, где тень его
Являлась Бруту. Что могло заставить
Быть в заговоре Кассия? Зачем
Честнейший Брут, живая совесть римлян,
С десятком прочих пламенных голов
Решились окровавить Капитолий?
Я думаю,— единственно затем,
Чтоб человек был равен человеку.
Для этого я оснастил свой флот,
Который пенит бешеное море
И с помощью которого воздам
Неблагодарным римлянам, забывшим
Покойного отца.

Ц е з а р ь

Не промахнись.

А н т о н и й

Помпей, ты нас не запугаешь флотом.

Поговорим и на море с тобой.
На суше сам ты знаешь нашу силу.

П о м п е й

Еще б не знать: на суше ты забрал
Дом моего отца. Но ведь кукушка
Не вьет гнезда. Поэтому живи,
Пока не гонят.

Л е п и д

Это все не к делу.
Не отвлекаясь в сторону, скажи,
Как смотришь ты на наши предложенья?

Ц е з а р ь

Вот именно.

А н т о н и й

Причем имей в виду
Не голос чувств, а чистые расчеты.

Ц е з а р ь

И вред иных, обманчивых путей.

П о м п е й

Вы уступаете в мое владенье
Сицилию с Сардинией, а я
Берусь очистить море от пиратов

И посылаю груз пшеницы в Рим?
Враждующие в случае согласия
Расходятся без боя по домам?

Цезарь, Антоний и Лепид
Да, таковы условия.

Помпей

Ну, так знайте:

Я шел сюда с решением их принять,
Но ты поколебал меня, Антоний.
Не стоит оглашать, но, так и быть,
Придется. В дни, когда твой брат и Цезарь
Врагами были, матушка твоя
Нашла в Сицилии гостеприимство.

Антоний

Я это знал, Помпей, и все мечтал,
Как отблагодарить тебя полнее.

Помпей

Тогда дай руку, все в порядке, брат,
Я тут тебя никак не думал встретить.

Антоний

Спать на Востоке хорошо. Я встал
Из-за тебя с египетской постели.
Ты прав, Помпей, что разбудил меня.

Цезарь

Ты очень изменился с нашей встречи.

Помпей

**Какие бы морщины на лице
Ни клало время, сердце неизменно.**

Лепид

Счастливое свиданье.

Помпей

Да, Лепид.

**Надеюсь. Примиренье состоялось.
Я только попрошу, чтоб договор
Был переписан и скреплен печатью.**

Цезарь

Да, это первым делом.

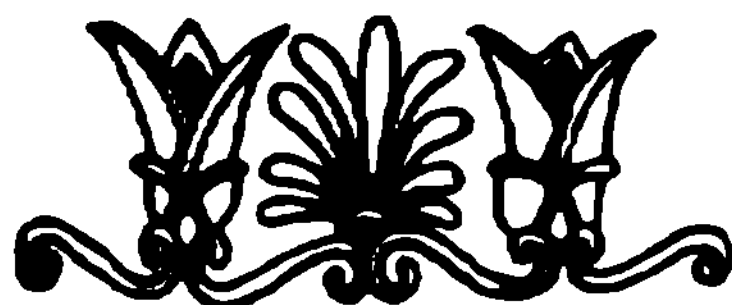
Помпей

Перед тем

**Как разойтись, почтим друг друга пиром.
Потянем жребии, кому начать.**

Антоний

Мне первому, Помпей.

Помпей

Нет, нет, Антоний,
По жребию. Ведь ты нас все равно
Забьешь своей египетскою кухней.
Я слышал, Юлий Цезарь от пиров
Там растолстел.

Антоний

Ты слишком много слышал.

Помпей

Я ничего дурного не сказал.

Антоний

И ничего хорошего.

Помпей

Я слышал,
Аполлодор носил...

Энобарб

Ну и носил.
Тебе-то что?

Помпей

Кого носил?

Э н о б а р б

Царицу

Носил в потемках Цезарю в мешке.

П о м п е й

**Я лишь теперь тебя узнал, приятель.
Ну, как живешь?**

Э н о б а р б

Отлично. А могу

И лучше: впереди четыре пира.

П о м п е й

**Ну, здравствуй. Никогда я не питал
К тебе вражды. Дерешься ты на славу.
Я это видел.**

Э н о б а р б

Здравствуй. Никогда

**Я не питал к тебе любви, однако
Хвалил во всех тех случаях, когда
Заслуживал ты вдесятеро больше.**

П о м п е й

**Мне нравится твой грубый разговор.
Ты искренен. Прошу вас на галеру.
Ну, господа?**

Цезарь, Антоний и Лепид

Дорогу покажи.

Помпей

Идемте.

Все, кроме Менаса и Энобарба, уходят.

Менас (в сторону). Твой отец, Помпей, никогда не заключил бы такого договора. (Громко.) Мы где-то виделись.

Энобарб. На море, кажется.

Менас. И точно: на море.

Энобарб. Ты хорошо держишься на воде.

Менас. А ты на суше.

Энобарб. Я хвалю каждого, кто хвалит меня. Хотя, конечно, нельзя отрицать подвигов, которые я совершил на суше.

Менас. А я на море.

Энобарб. Кое-что, конечно, было бы тебе лучше отрицать. Ты на море большой разбойник.

Менас. А ты на суше.

Энобарб. Эта сторона моей сухопутной службы несущественна. Однако руку, Менас. Если бы наши глаза были приставами, они бы сейчас накрыли двух целующихся преступников.

Менас. У всех людей честные лица, что бы ни делали их руки.

Энобарб. Кроме хорошеньких женщин.

М е н а с. Ничего удивительного. Лицами они воруют сердца.

Э н о б а р б. Мы пришли сюда драться с вами.

М е н а с. Я жалею, что это превратили в попойку. Сегодня Помпей просмеет свое счастье.

Э н о б а р б. А после не наплачется.

М е н а с. Совершенно верно. Мы не ждали с вами Марка Антония. Это правда, что он женат на Клеопатре?

Э н о б а р б. Сестру Цезаря зовут Октавией.

М е н а с. Как же. Она была женой Кая Марцелла.

Э н о б а р б. А теперь она жена Марка Антония.

М е н а с. Нет, что ты!

Э н о б а р б. Вот то самое.

М е н а с. Тогда он и Цезарь связаны навеки.

Э н о б а р б. Если хочешь знать мое мнение, эта связь недолговечна.

М е н а с. Я думаю, расчета в их браке больше, чем любви.

Э н о б а р б. Я тоже. Узы, которые должны скрепить их дружбу, затянут ее петлею. У Октавии — святой, тихий и спокойный характер.

М е н а с. Каждый был бы рад такой жене.

Э н о б а р б. Только не Марк Антоний. Он слишком не похож на нее. Ему снова захочется египетского блюда. Тогда вздохи Октавии зажгут гнев Цезаря. И та самая, которая их сближает, будет виновницей их ссоры. За нежностями Антоний будет ездить за море. Здесь его брак — случайность.

М е н а с. Вполне возможно. Пойдем на борт. Я выпью за тебя.

Энобарб. Ладно. На этот счет мы в Египте наострились.

Менас. Идем.

Уходят.

Сцена 7

На борту Помпеевой галеры близ Мизенского мыса.

Музыка. Входят два или три служителя с подносами.

Первый служитель. Они идут сюда. Половина подгнила на корню. Их свалит первый ветерок.

Второй служитель. Лепид уже готов.

Первый служитель. В него льют, что кому вздумается.

Второй служитель. Как только они повздорят, он кричит: “Мировую!” — и запивает размолвку.

Первый служитель. Зато руки и ноги не слушаются его.

Второй служитель. Вот что значит затесаться в компанию к великим людям. По мне, бесполезная тростинка лучше, чем копье, которого мне не поднять.

Первый служитель. Быть призванным в высокий круг и не сметь в немдохнуть, это все равно, что дырки заместо глаз, — одна порча лица.

Трубы. Входят Цезарь, Антоний, Лепид,
Помпей, Агриппа, Меценат, Энобарб, Менас
и другие военачальники.

А н т о н и й
(Цезарю)

Там ежегодно отмечают след
Разлива на ступенях пирамиды,
Чтобы судить по высоте черты,
Что предстоит им, голод или сытость.
Чем выше Нил, тем больше урожай.
Едва он схлынет, пахарь засекает
Осевший ил и тину, и, глядишь,
Пришла уборка.

Л е п и д. У вас в Египте прелюбопытные змеи.

А н т о н и й. Да, Лепид.

Л е п и д. У вас в Египте змеи, хочу я сказать, которые выводятся из грязи под действием местного солнца. Например, крокодил.

А н т о н и й. Так точно.

П о м п е й. Садись, и еще чарку. Здоровье Лепида!

Л е п и д. Я сейчас не так здоров, как хотелось бы, но поддержку любую здравицу.

Э н о б а р б. Кто-то тебя поддержит?

Л е п и д. Нет, честное слово, я слышал, пирамиды Птоломида поразительные сооружения. Честное слово.

М е н а с
(Помпею)

Помпей, два слова.

П о м п е й
(Менасу)

На ухо скажи.

М е н а с
(Помпею)

Оставь гостей и выйди на минуту.
Пожалуйста, начальник.

П о м п е й
(Менасу)

Погоди.

Еще вина. Лепид, твое здоровье!

Л е п и д

А это что за штука крокодил?

А н т о н и й. По форме он очень похож на себя. В толщину не толще, а в высоту не выше. Двигается с собственной помощью. Жизнь поддерживает питаньем. Когда околет, разлагается.

Л е п и д. Какого он цвета?

А н т о н и й. Своего собственного.

Л е п и д. Любопытная гадина.

А н т о н и й. Любопытнейшая. А крокодиловы слезы мокрые.

Ц е з а р ь. Что, это описание удовлетворит его?

А н т о н и й. После всех Помпеевых здравиц, разумеется. А то это было бы уже слишком.

П о м п е й
(Менасу)

Ступай к чертям и делай, что велят.
Нашел, когда шептаться. Где мой кубок?

М е н а с
(Помпею)

Встань хоть во имя верности моей.

П о м п е й
(Менасу)

Да ты, никак, рехнулся. Что такое?
(Встает и отходит в сторону.)

М е н а с

Я чтил тебя всегда.

П о м п е й

Да, ты служил
Мне верою и правдой. Что же дальше?
Бодрей, друзья!

А н т о н и й

Не сядь на мель, Лепид.
Не встанешь.

М е н а с

Хочешь быть владыкой мира?

Помпей

А? Что?

Менас

**Я спрашиваю, хочешь быть
Владыкой мира?**

Помпей

Как же это сделать?

Менас

**Лишь пожелай, и я, бедняк, тебе
Отдам вселенную.**

Помпей

Ты много выпил.

Менас

**Ни капельки. Лишь захоти, Помпей,
И будешь, как Юпитер. В окруженье
Небес и моря все тогда твоё.**

Помпей

Не вижу способа.

Менас

**Три миродержца
У нас на корабле. Я разрублю**

Канаты, и когда мы выйдем в море,
Три глотки полосну, и все — твое.

П о м п е й

Ты лучше б это сам без спросу сделал.
Я б этим шагом сподличал, а ты
Лишь выказал бы верность и усердье.
Мне выше пользы надо ставить честь.
Раскаивайся, что язык твой выдал
Твой замысел. Случись все без меня,
Я б, может быть, одобрил твой поступок,
Но мысль об этом должен осудить.
Оставь и пей.

М е н а с
(в сторону)

Я прекращаю службу
Твоим померкшим звездам. Кто из рук
Свалившееся счастье упускает,
Пусть с ним простится.

П о м п е й

Будь здоров, Лепид!

А н т о н и й

Я заменю его. Ему довольно.
Его бы надо на берег отнести.

Э н о б а р б

Черед за мной. Твое здоровье, Менас!

М е н а с

Твое здоровье, Энобарб!

П о м п е й

Полней,

До ободка.

Сфинкс. Древнеегипетская статуя. Рисунок неизвестного художника

Э н о б а р б

(показывая на служителя, который уносит Лепида,

Вот силища, а, Менас?

М е н а с

А почему?

Э н о б а р б

Третью мира уволок.

М е н а с

*Что ж, треть пьяна. Уж заодно б и целый.
Все б завертелось.*

Э н о б а р б

Выпей, и пойдет.

П о м п е й

А все ж пир наш не александрийский.

А н т о н и й

*Но очень близко. Чокнемся, друзья.
За Цезаря!*

Ц е з а р ь

*Я б лучше уклонился.
Ужасный труд: всю ночь полощешь мозг,
И все грязней он.*

А н т о н и й

Надо покориться.

Ц е з а р ь

**Приятней покорять. Ну ладно, пью.
Я б предпочел четыре дня поститься,
Чем столько разом выпить.**

Э н о б а р б
(Антонию)

Государь!

**Давай пирушку эту, как в Египте,
Закончим вакханалией.**

П о м п е й

Давай.

А н т о н и й

**Тогда все за руки, и вкруговую,
Пока победоносное вино
Не погрузит нас в сладостную лету.**

Э н о б а р б

**Все за руки, и музыка вовсю!
Я вас расставляю. Мальчик запекает.
Припев подхватывайте, как один.**

Музыка. Энобарб ставит их в круг, соединив им руки.

ПЕСНЯ

Весь опухший ото сна
Красноглазый бог вина!
Огюрченья отврати,
В кудри виноград вплети.
Ты в кругу, и дни бегом,
Ты в кругу, и свет кругом.

Цезарь

Достаточно. Помпей, спокойной ночи.
Антоний, нам пора, хороший мой.
Не полагается нам куролесить.
Смотри, как всех нас разрумянил хмель.
Сам Энобарб не устоял. Я тоже
Ни слова не вяжу. Нас не узнать.
Вино нас, как шутов, размалевало.
Да что уж там. Пора ведь знать и честь.
Пойдем, Антоний.

Помпей

Выпьем по последней
На берегу.

Антоний

Готов. Не откажусь.

П о м п е й

**Ты захватил отцовский дом, Антоний.
Но мы друзья. Иди за мной. Сюда.
Спускайся в лодку.**

Э н о б а р б

Не свалитесь в воду.

Все, кроме Энобарба и Менаса, уходят.

Мне на берег не хочется.

М е н а с

Пойдем

**В мою каюту. Трубы! Барабаны!
Никак, уснули? Надо показать
Богам, как мы начальство провожаем.
Зажаривайте! Жарьте, говорят!**

Трубный туш с литаврами.

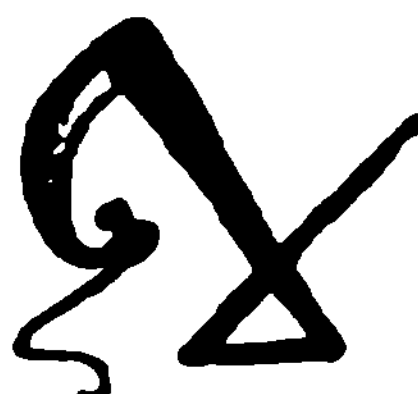
Э н о б а р б

Ура! Эй, шапки вверх!

М е н а с

Идем, товарищ!

Уходят.

АКТ III

Сцена I

Равнина в Сирии.

**Триумфальным маршем проходит Вентиций с Силием
и другими римскими военачальниками и легионерами.
Впереди несут тело убитого Пакора.**

Вентиций

**Стрелою в самое тебя попали,
О Парфия, метательница стрел!
Я избран мстить за гибель Марка Красса.
Убитого царевича нести
Перед войсками. Видишь, жизнью сына
Ты заплатил за Красса, царь парфян.**

Силий

**Пока твой меч дымится вражьей кровью,
Гони парфян. Преследуй беглецов,
Куда бы ни укрылись. Твой начальник,
Антоний, наградит тебя венком
И въездом на победной колеснице.**

В е н т и д и й

Я сделал много, Силий. Через край
Усердствовать не должен подчиненный.
Теряться перед старшими в тени
Умней, чем выделяться выше меры.
Антоний, как и Цезарь брали верх
Руками близких больше, чем своими.
Предшественник мой, Соссий, потерял
Его приязнь своей чрезмерной славой.
В войне затмить начальство — значит стать
Начальником начальника. Солдатом
Владеет честолюбье. Иногда
Урон милей невыгодной победы.
Я мог легко бы удесятерить
Завоеванья, но боюсь обидеть
Антония и этим погубить
Плоды стараний.

С и л и й

Умница, Вентидий.
Ты нечто больше, чем рука да меч,
Как большинство солдат. Ты не напишешь
Антонию?

В е н т и д и й

Смиренно донесу,
Как имени его волшебной силой

Мы в битве совершали чудеса.
Как от его знамен и легионов
Бежала в страхе конница парфян.

С и л и й

Где он сейчас?

В е н т и д и й

Он думал быть в Афинах,
И мы должны его опередить,
Когда позволит наш обоз с добычей.
Снимайтесь в путь, товарищи. Вперед!

Уходят.

Сцена 2

Рим. Передняя в доме Цезаря.

Входят навстречу друг другу Агриппа и Энобарб.

А г р и п п а

Ну что, расстались братья?

Э н о б а р б

Сбыли с рук

Помпея. Он уехал. Наши трое
Подписывают мирный договор.
Октавия расстроена отъездом,

И Цезарь опечален. А Лепид
Со времени попойки у Помпея
В расстройстве чувств.

А г р и п п а

Достойнейший Лепид!

Э н о б а р б

Великолепный! Как самозабвенно
Он любит Цезаря!

А г р и п п а

Как горячо
К Антонию привязан!

Э н о б а р б

“Цезарь? Цезарь —
Юпитер над людьми”.

А г р и п п а

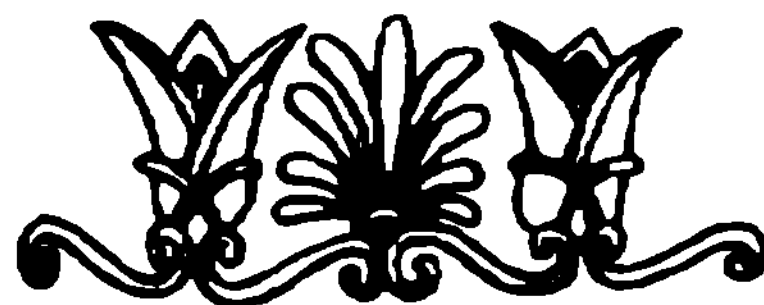
“Антоний? О!
Антоний над Юпитером Юпитер!”

Э н о б а р б

“Вы говорите, “Цезарь”?— Равных нет”.

А г р и п п а

“Антоний”, говорите? Это феникс”.

Э н о б а р б

“Скажите — “Цезарь”, вот и похвала”.

А г р и п п а

Он пылкий почитатель их обоих.

Э н о б а р б

В особенности Цезаря. Хоть он
Боготворит Антония, — и числа,
Слова, сердца, умы и языки
Бессильны дать об этом представление, —
Но если речь о Цезаре, тогда
Ни слова: на колени, на колени!

А г р и п п а

Он чтит обоих.

Э н о б а р б

Он навозный жук,
А оба прочие — его надкрылья.

Труба за сценой.

Играют сбор, Агриппа. Будь здоров.

А г р и п п а

Прощай, желаю счастья, храбрый воин.

Входят Цезарь, Антоний, Лепид и Октавия.

Антоний

Не провожай нас.

Цезарь

Ты увозишь часть
Моей души и, как зеницу ока,
Храни ее. Ты ж оправдай, сестра,
В супружестве мой наилучший отзыв.
Смотри, Антоний, и не преврати
Сокровище, которое нам служит
Звеном объединения, в таран
Для нашего разрыва! Будем оба
Заступниками ей, а то зачем
Нам было прибегать к такому средству?

Антоний

Твой страх обиден мне.

Цезарь

Я все сказал.

Антоний

Ты не отыщешь, как ни недоверчив,
Малейшего предлога, чтоб о ней
Тревожиться. Прощай. Да будут боги
Всегда с тобою и да привлекут

К твоим делам расположение римлян.
Мы трогаемся.

Цезарь

Добрый путь, сестра.
Пусть вам благоприятствуют стихии.
Прощай! Прощай!

Октавия

Мой благородный брат!

Антоний

У ней весна любви, и эти слезы,
Как дождь в апреле.

Октавия

Братец, присмотри
За домом мужа, и...

Цезарь

Что ж не кончаешь,
Октавия?

Октавия

Я на ухо скажу.

Антоний

Язык у ней не слушается сердца.

А сердце не владеет языком,
И вся она как белый лебедь в бурю.

Э н о б а р б
(Агриппе)

Что, Цезарь плачет?

А г р и п п а
(Энобарбу)

Нет, он хмурит лоб.

Э н о б а р б
(Агриппе)

Как хорошо, что он не конь. Такая
Отметина испортила бы масть.

А г р и п п а
(Энобарбу)

А как рыдал над Цезарем Антоний?
Как он о Бруте слезы проливал,
Когда он труп его нашел в Филиппах?

Э н о б а р б
(Агриппе)

В тот год он сильно насморком страдал
И слезы лил над всякою удачей.
Не верь ему, хотя б я сам ревел.

Цезарь

Нет, милая Октавия, не бойся.
Мы будем в переписке. Нас ничто
Не сможет разлучить.

Антоний

Пора прощаться.
Давай душить друг друга. Будь здоров.
Вот я сжимаю руки, разжимаю
И отдаю тебя богам.

Цезарь

Прощай.

Будь счастлив!

Лепид

Пусть несметным сонмом звезды
Вам озаряют путь.

Цезарь

Прощай!

(Целует Октавию.)

Антоний

Прощай!

Трубы. Все уходят.

Сцена 3

Александрия. Дворец Клеопатры.

Входят Клеопатра, Хармиана, Ира и Алексас.

Клеопатра

Где вестник?

Алексас

Не решается войти.

Клеопатра

Вот глупости!

Входит гонец.

Поди сюда.

Алексас

Царица,

**Когда ты в гневе, на тебя взглянуть
Боятся даже Ирод Иудейский.**

Клеопатра

**Да, попадись мне этот Ирод твой!
Но кто мне голову его достанет?
Антония-то нет. Поди сюда.**

Гонец

Владычица моя...

К л е о п а т р а

Ну что, ты видел
Октавию?

Г о н е ц

Владычица, видал.

К л е о п а т р а

Где?

Г о н е ц

В Риме. Я к ней близко присмотрелся.
Она прошла передо мной промеж
Антония и брата.

К л е о п а т р а

Ростом будет
С меня она?

Г о н е ц

Нет, ниже, госпожа.

К л е о п а т р а

А речь какая? Голоса не слышал?
Пронзительный?

Г о н е ц

Нет, госпожа, глухой.

К л е о п а т р а

Ну, долго он любить ее не сможет.

Х а р м и а н а

Любить ее? Любить ее нельзя.

К л е о п а т р а

И правда. Карлица. Косноязычна.
А шаг у ней какой? Он величав?
Имеешь ты понятие о величье?

Г о н е ц

Она едва плетется. Не поймешь,
Стоит она иль ходит. Это — тело
Без жизни, изваянье без души.

К л е о п а т р а

И ты не врешь?

Г о н е ц

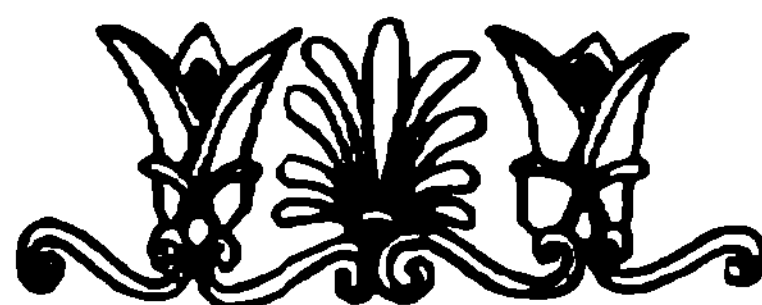
Мой острый глаз порукой.

Х а р м и а н а

Во всем Египте зорче нет людей.

К л е о п а т р а

Он человек бывалый. Это видно.

В ней ничего особенного нет.
Он здраво рассуждает.

Хармиана

Чрезвычайно.

Клеопатра

Скажи, а сколько может быть ей лет?

Гонец

Она была пред тем вдовой.

Клеопатра

Вдовою!

А, Хармиана!

Гонец

Думается, ей
Лет тридцать.

Клеопатра

Вспомни, кругло или длинно
У ней лицо?

Гонец

Октавия кругла
До безобразья.

К л е о п а т р а

Эти круглолички
Обыкновенно дуры. Цвет волос
Какой у ней, не помнишь?

Г о н е ц

Темно-русый.
И до уродливости низкий лоб.

К л е о п а т р а

Вот деньги для тебя. Не обижайся
На старое. Я вновь тебя пошлю.
Ты подошел для этих поручений.
Готовься в путь. Я письма дам тебе.

Гонец уходит.

Х а р м и а н а

Хороший малый.

К л е о п а т р а

Да. Я понапрасну
Так распекла беднягу в прошлый раз.
Что ж, по его словам, особа эта —
Ничтожество.

Х а р м и а н а

Полнейшее ничто.

К л е о п а т р а

Он, видно, смыслит кое-что в величье.

Х а р м и а н а

Еще бы! Он на службе у тебя.

К л е о п а т р а

Я вещь одну спросить его хотела.
Успеется. Ты с ним ко мне придешь
За письмами. Дела еще, быть может,
Поправятся.

Х а р м и а н а

Ручаюсь, госпожа.

Сцена 4

Афины. Комната в доме Антония.

Входят Антоний и Октавия.

А н т о н и й

Нет, нет, Октавия, не только это.
Такую бы оплошность я простил,
Такую, как и тысячи подобных.
Но он затеял новую войну
С Помпеем. Он составил завещанье,

Читал его народу и почти
Обходит, говорят, меня молчаньем.
Упоминает из моих заслуг
Лишь те, которые он скрыть не в силах
И вовсе не касается других
Или едва о них сквозь зубы цедит.

О к т а в и я

Не верь всему, мой друг, или хотя
Не принимай всего так близко к сердцу.
Ведь если вы уступите вражде,
Я попаду меж двух огней. Подумай,
Как буду я тогда молить богов?
Ведь небо насмеется надо мною,
Когда за ниспосланием побед
Для мужа, я их попрошу для брата,
А первое не вяжется с вторым,
И эти крайности непримиримы.

А н т о н и й

Октавия, держись той стороны,
Где больше дорожат твоей любовью.
Лишаясь чести, я теряю все,
И лучше б ты меня не знала вовсе,
Чем опозоренным. Однако будь
Посредницей, как предлагаешь. Съезди,
Попробуй помирить нас. Я начну

Готовиться к войне, позор которой
Падет лишь на него. Сбейся в путь.
Я уступаю твоему желанью.

О к т а в и я

Благодарю, супруг мой. Да придаст
Юпитер силы мне и да поможет

Богиня — покровительница Александрии. По материалам раскопок

Быть вашей примирительницей. Рознь
Меж вами расколола б мир на части
И трупами забила бы провал.

А н т о н и й

Расследуй беспристрастно, кто зачинщик,
И на того всецело и пеняй.
Едва ли так равны у нас ошибки,
Чтоб не было различий в правоте.
Готовься в путь. Займись подбором свиты
И денег на издержки не жалея.

Уходят.

Сцена 5

Там же. Другая комната.

Встречаются Э н о б а р б и Э р о с.

Э н о б а р б

Ну как, друг Эрос?

Э р о с

Странные новости.

Э н о б а р б

А именно?

Э р о с

Цезарь и Лепид вели опять войну с Помпеем.

Э н о б а р б

Старо. Что дальше?

Э р о с. Цезарь воспользовался Лепидом против Помпея, а теперь отрицает его помощь. Не допустил его к участию в триумфе. Мало того: объявил преступлением его старую переписку с Помпеем и на этом основании арестовал. Итак, бедная треть вселенной под замком, пока смерть не освободит ее.

Э н о б а р б

Теперь весь мир как две собачьих пасти.
Чем только ни корми их, все равно
Одна сожрет другую. Где Антоний?

Э р о с

В саду. Шагает, в бешенстве рыча:
“Дурак Лепид”, — ногой швыряет сучья
С дорожек и клянется умертвить
Начальника, убившего Помпея.

Э н о б а р б

Наш флот готов.

Э р о с

Итак, у нас война
С Италией и Цезарем. Однако
Я заболтался. Командир просил
Тебя к себе, а я за новостями
Чуть не забыл.

Э н о б а р б

Наверно, пустяки.
Но все равно. Идем.

Э р о с

Идем за мною.

Уходят.

Сцена 6

Рим. Дом Цезаря.

Входят Цезарь, Агриппа и Меценат.

Ц е з а р ь

Он откровенно презирает Рим
И вот что учинил в Александрии:
Соорудил серебряный помост
На площади. На золотых

престолах

Сел с Клеопатрой сам и рассадил
Кружком перед собой Цезариона,
Которого они там выдают
За сына моего отца, и рядом
Весь выводок своих преступных нег.
Ей передал правление Египтом
И дал неограниченную власть
Над Сириею, Лидией и Кипром.

М е ц е н а т

Во всеуслышанье?

Ц е з а р ь

Ну да, при всех,
На площади для конских состязаний.
Из сыновей он одного нарек
Царем царей армян и властелином
Мидийцев и парфян. Другому дал
Киликию и царство финикийцев.
Она была облачена в покров
Изиды, в каковом перед народом
Не в первый раз являлась, говорят.

М е ц е н а т

Пусть это знает население Рима.

А г р и п п а

Оно в обиде на него за спесь
И от него тем больше отвернется.

Ц е з а р ь

Народу огласили длинный иск
Антония.

А г р и п п а

Кому же он предъявлен?

Цезарь

Он обвиняет Цезаря. Зачем,
Сицилию отнявши у Помпея,
Не отдали часть острова ему.
Зачем ему галер не возвратили,
Одолженных на время. Почему
Лепида низложили и забрали
Его доходы.

Агриппа

Надо отвечать.

Цезарь

Уже отвечено. Гонец в дороге.
Я отвечаю, что Лепид ронял
Своей жестокостью значенье власти,
За что и был смещен. Я говорю,
Что я готов делить завоеванья,
Но пусть и он мне выделит куски
В Армении и остальных владеньях.

Меценат

Он не пойдет на это никогда.

Цезарь

Так и на нас тогда пусть не пеняет.

Входит О к т а в и я со свитой.

О к т а в и я

Хвала и слава, Цезарь! Здравствуй, брат!

Ц е з а р ь

Ты брошена! Вот до чего я дожил!

О к т а в и я

Так звать меня пока причины нет.

Ц е з а р ь

**Зачем же ты являешься украдкой?
Ты входишь не как Цезаря сестра.
Перед женой Антония должны бы
Шагать войска, и ржанье лошадей
Служить предвестием ее прибытья.
Деревья по дороге бы должны
Зеваками покрыться, нетерпенье
Достигнуть высшей степени, и пыль
От поезда ее подняться к небу.
Ты ж въехала как поселянка в Рим
И помешала внешним проявленьям
Любви к тебе, а загнанная внутрь,
Она без дела часто иссякает.
От встречи к встрече мы б тебя везли
Сквозь гул приветствий по морю и суше.**

О к т а в и я

Великодушный брат, такой приезд
Не вынужден никем, а доброволен.
Супруг мой Марк Антоний сообщил
Мне слухи о твоих вооруженьях.
Я стала у него проситься в Рим.

Ц е з а р ь

Куда тебя пустил он тем охотней,
Что без тебя распутничать ловчей?

О к т а в и я

Брат, ты не прав.

Ц е з а р ь

Мне все о нем известно.
Над ним есть глаз. Мне про его дела
Доносит ветер. Где теперь он, кстати?

О к т а в и я

В Афинах.

Ц е з а р ь

Нет, несчастная сестра,
Его к себе сманила Клеопатра.
Он отдал власть развратнице. Они
Царей вербуют на войну со мною.
Примкнул каппадокийский Архелай

И Бокх, ливийский царь. В союзе с ними
Царь пафлагонский Филадельф и царь
Фракийский Адаллас и Малх арабский.
За них царь Понта, Ирод, Митридат,
Аминта, Полемон, цари мидийский
И ликаонский, уж не говоря
О целом множестве второстепенных.

О к т а в и я

О, горе мне! Душа раздвоена
Меж двух враждующих друзей.

Ц е з а р ь

Однако

С приездом! Я откладывал разрыв,
Как ты просила в письмах, но увидел,
Как грубо ты обманута и как
Опасно промедленье. Успокойся,
Не предавайся горести о том,
Что жизнь тебе на плечи возложила
Такие неизбежности. Без слез
Всецело вверься предопределенью.
Добро пожаловать. Приезд сестры —
Для нас большая радость. Унижение
Твое безмерно. Сами небеса
Избрали нас твоим орудьем мщенья
И каждого, кому ты дорога.
Итак, добро пожаловать.

А г р и п п а

С приездом,

Октавия.

М е ц е н а т

С приездом, госпожа.

К тебе все римляне питают жалость.

Один Антоний оттолкнул тебя

И все свое могущество доверил

Наложнице, которая шумит

И вздорит с нами.

О к т а в и я

Значит, это правда?

Ц е з а р ь

Увы, вполне! Еще раз в добрый час.

Живи у нас и запасись терпением.

Уходят.

Сцена 7

Близ Акциума. Лагерь Антония.

Входят Клеопатра и Энобарб.

К л е о п а т р а

Я не спущу тебе, не сомневайся.

Э н о б а р б

Чего не спустишь? Ну? Чего, чего?

К л е о п а т р а

**Ты говоришь, что мне не место в войске,
И это стыд.**

Э н о б а р б

А что, не стыд, не стыд?

К л е о п а т р а

**Египет ваш союзник. Отчего же
Не быть и мне при армии?**

Э н о б а р б
(в сторону)

Я б мог

**Тебе ответить. Если б в конном войске
Смешали мы кобыл и жеребцов,
Прошла бы в жеребцах нужда. Кобылы
С людьми бы на себе их унесли.**

К л е о п а т р а

Что ты бормочешь?

Э н о б а р б

**При тебе Антоний
Становится рассеян. На тебя**

Уходят силы, время и вниманье,
В которых он нуждается. Его
Уже и так считают вертопрахом
И безрассудным. В Риме говорят,
Что евнух Фотин и твои служанки
Диктуют план кампании.

К л е о п а т р а

Пускай
Отсохнут языки зловердных римлян.
Раз мой народ участвует в войне,
Я выступаю на правах мужчины
Как государыня. Не возражай.
Не переубедишь.

Э н о б а р б

Не собираюсь.

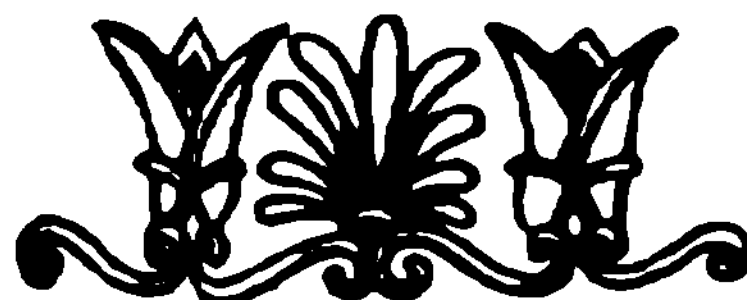
А вот и повелитель.

Входят Антоний и Канидий.

А н т о н и й

Чудеса!

Не странно ли, как он успел, Канидий,
Покинувши Брундизий и Тарент,
Пройти так быстро Ионийским
морем
И взять Торину? Слышала, мой друг?

К л е о п а т р а

Поспешности дивится лишь ленивый.

А н т о н и й

**Отбрито не по-женски, и упрек
Заслуженный. Канидий, мы сразимся
С ним на море.**

К л е о п а т р а

Конечно. Где ж еще?

К а н и д и й

Как, на море?

А н т о н и й

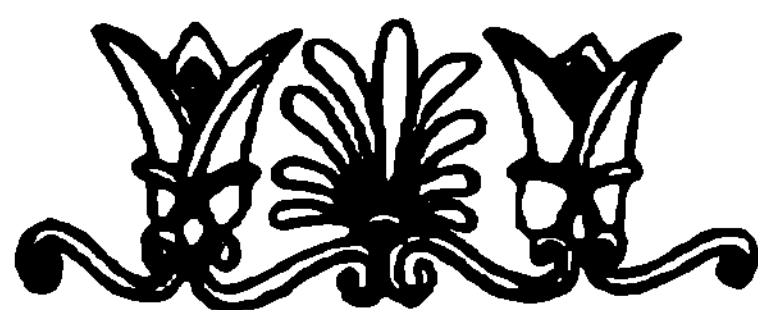
Он шлет нам вызов с моря.

Э н о б а р б

**Что ж из того? Ты разве никогда
Не вызывал его?**

К а н и д и й

**Ну да. В Фарсалах,
На поединок. В памятной войне
Помпея с Цезарем. Но он без выгод
Не бьется. Так же поступи и ты.**

Э н о б а р б

Твои суда с негодною командой:
Погонщики, жнецы и всякий сброд
Зачислены в матросы. А во флоте
У Цезаря испытанный народ,
Сражавшийся с Помпеем. Их галеры
Быстрее твоих. Позора в этом нет,
Что ты ему взамен морского боя
Дашь сухопутный.

А н т о н и й

Нет, морской, морской.

Э н о б а р б

На суше у тебя большая слава.
Цени ее. А посадив часть войск
На корабли, ты лишь разрознишь силы,
Уменья своего непустишь в ход
И с верного пути к успеху вступишь
На шаткую, превратную стезю.

А н т о н и й

Я на море сражусь.

К л е о п а т р а

Мои галеры,
Все шестьдесят, как на подбор, сильнее,
Чем Цезаревы.

А н т о н и й

**Мы сожжем излишек,
Остатком же, усилив экипаж,
Отбросим их от мыса. Если в море
Не будет счастья, суша про запас.**

Входит гонец.

Что ты принес?

Г о н е ц

**Слух подтвердился: Цезарь
Вошел в Торину.**

А н т о н и й

**Сам? Не может быть!
Вступленью войск и то дивлюсь.— Канидий,
Ты отвечаешь мне на берегу
За девятнадцать легионов пеших
И за двенадцать тысяч конных. Ну,
Пора нам на корабль, моя Фетида.**

Входит легионер.

Что, молодчага?

Л е г и о н е р

**Славный государь,
Не бейся на море. Не доверяйся
Подгнившим доскам. Разве ты забыл**

Мой меч и эти раны? Финикийцам
С египтянами лучше предоставь
Барахтаться в воде, а наше дело
Бить врукопашную, нога к ноге
На твердом месте.

А н т о н и й

Хорошо. Идемте.

Антоний, Клеопатра и Энобарб уходят.

Л е г и о н е р

Клянусь Гераклом, кажется, я прав.

К а н и д и й

Ты прав, солдат, да не своей охотой
Мудрит Антоний. Нашего вождя
На помочах чужие руки водят.
Мы все тут слуги женские.

Л е г и о н е р

Скажи,
Ты предводитель сухопутной силы?

К а н и д и й

Да. В море Марк Октавий, Марк Юстей,
Публикола и Целий, я ж на суше.

Но Цезаревых маршей быстрота
Непредставима!

Л е г и о н е р

Он до выступленья
Отрядами передвигал войска.
И обманул разведку.

К а н и д и й

Кто в их войске
Главногокомандующий?

Л е г и о н е р

Некто Тавр.

К а н и д и й

Ах, вот кто? Знаю, знаю.

Входит г о н е ц.

Г о н е ц

Повелитель

Зовет к себе Канидия.

К а н и д и й

Опять,

Наверно, что-то. Каждая минута
Чревата новостями.

Уходят.

Сцена 8

Равнина близ Акциума.

Входят Цезарь и Тавр во главе войска.

Цезарь

Тавр!

Тавр

Государь?

Цезарь

Спокойно стой на суше.

Сраженья не завязывай, пока
Мы на море не кончим. Повинуйся
Изложенному в свитке. Все, что ждет
Нас впереди, решится в этой битве.

Уходят.

Сцена 9

Другая часть равнины.

Входят Антоний и Энобарб.

Антоний

Ставь конных за холмом, лицом к лицу
С войсками Цезаря. Оттуда видно

Эскадру. По движенью кораблей
Сообразуй усилья.

Уходят.

Сцена 10

Другая часть равнины.

Проходят в одну сторону К а н и д и й во главе своей армии, в другую —
Т а в р во главе своей. По их уходе слышен шум морского сраженья.
Сигналы тревоги. Входит Э н о б а р б.

Э н о б а р б

Конец, конец, конец! Нельзя смотреть!
“Антониада”, флагманское судно
Египта — наутек, и вслед за ним
Все шестьдесят! Я со стыда ослепну.

Входит С к а р.

С к а р

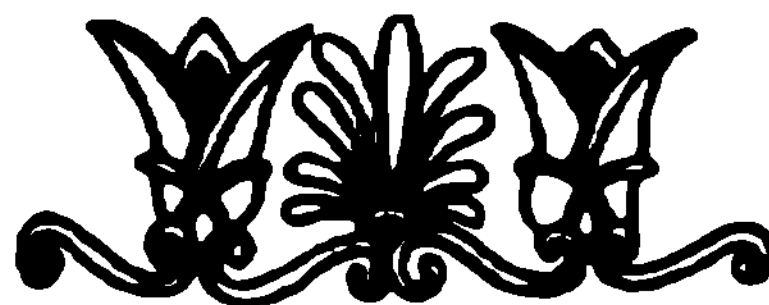
О боги и богини и весь сонм
Небесных сил!

Э н о б а р б. Чего ты рвешь и мечешь?

С к а р

Мы сдуру просадили полземли.
Мы царства и края процеловали.

Э н о б а р б. Как бой идет?

С к а р

Как сушная чума.
Для нас сражение — это просто бойня.
О чтоб тебя, египетская мразь,
Заводская кобыла! В гуще боя,
Когда возможности, как близнецы,
Сравнились с отклонением в нашу пользу,
Ее какой-то овод укусил!
Раздула парус и — во все лопатки,
Задравши хвост, кобыла!

Э н о б а р б

Я видал.
Сил не было смотреть, такая мука.

С к а р

А стоило поднять ей паруса,
Про все забывши, кроме Клеопатры,
Антоний бросил нерешенный бой
И кинулся, как селезень за уткой.
Я равного позора не видал.
Искусство, опыт, имя — всё на смарку.

Э н о б а р б

Беда, беда!

Входит К а н и д и й.

К а н и д и й

Надеждам нашим на море конец.
Когда б наш полководец был, как прежде,
Самим собой, все шло бы хорошо.
Но он своим предательским примером
Толкнул нас к бегству.

Э н о б а р б

Вот ты как запел?
Тогда шабаш. Счастливо оставаться.

К а н и д и й

Они спаслись в Пелопоннес.

С к а р

Туда
И я отправлюсь ждать конца событий.

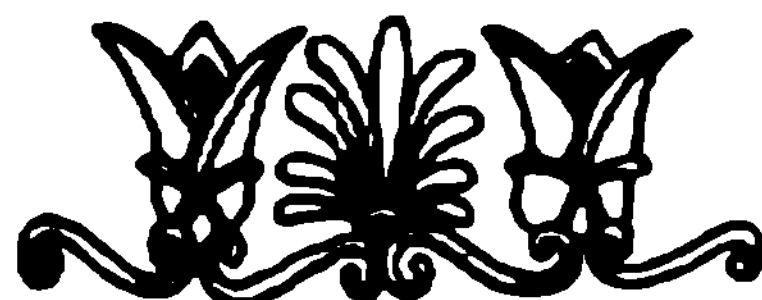
К а н и д и й

Я Цезарю отдам свои полки,
Как шесть царей уже мне показали.

Э н о б а р б

А я пойду за раненой судьбой
Антония, хотя житейский разум
Советует обратное.

Уходят.

Сцена 11

Александрия. Дворец Клеопатры.

Входят Антоний с приближенными.

Антоний

Вы слышите? Земля пристыжена
И более носить меня не хочет.
Я загостился тут и потерял
Дорогу в жизни. У меня есть судно,
Наполненное золотом. Друзья,
Примите в дар его и поделитесь.
Бегите к Цезарю.

Все

Бежать? О нет!

Антоний

Я сам бежал и научил трусливых
Давать стрелка. Расстанемся, друзья.
Я поприще наметил, на котором
В вас нет нужды. Вы можете идти.
Груз в гавани. Он ваш. Я предавался
Тому, на что стыжусь теперь взглянуть.
В раздоре волосы мои. Седые
Винят каштановые в слепоте,
А те их упрекают в сумасбродстве!

Расстанемся, друзья. Я вас снабжу
Записками к знакомым. Эти письма
Введут вас всюду. Нечего тужить.
Без возражений! Пользуйтесь советом,
Подсказанным отчаяньем. Пора
Забыть того, кто сам себя оставил.
Ступайте в гавань. Я сейчас приду
Для передачи корабля и груза.
Теперь же удалитесь. Я прошу.
Повелевать я более не вправе
И прибегаю к просьбам. Я прошу
Уйти. Я сам приду сию минуту.

(Садится.)

Входит К л е о п а т р а, поддерживаемая Х а р м и а н о й и И р о й,
и за ними Э р о с.

Э р о с

Нет, подойди к нему, утешь его.

И р а

Да, милая царица.

Х а р м и а н а

Да, конечно.

К л е о п а т р а

Я сяду. О Юнона!

А н т о н и й

Нет, нет, нет!

Э р о с

Взгляни-ка, государь.

А н т о н и й

Мне гадко, гадко.

Х а р м и а н а

Владычица!

И р а

Владычица моя!

Великая царица!

Э р о с

Повелитель!

А н т о н и й

**Да, повелитель, да! Он, как плясун,
Держал без пользы меч в ножнах в Филиппах,
А я худого Кассия разил
И расправлялся с сумасшедшим Брутом.
Он лишь любил приказывать, а сам
К войне не прикасался. Что же ныне?
Но все равно.**

К л е о п а т р а

На помощь! Кто-нибудь!

Э р о с

О государь, ты видишь, что с царицей?

И р а

**Царица, подойди к нему, утешь
Хоть словом. Он позором уничтожен.**

К л е о п а т р а

Я встану. Поддержите.

Э р о с

**Государь,
Приподнимись. К тебе ведут царицу.
У ней поникла голова. Верни
Ее хоть словом ободренья к жизни.**

А н т о н и й

**Себя я обесславил. Я бежал,
Как трус последний.**

Э р о с

Государь, — царица.

А н т о н и й

Владычица Египта, до чего

Ты довела меня! Я должен прятать
Лицо от глаз твоих, а что в былом,
Пошло все прахом.

К л е о п а т р а

О мой повелитель!
Прости моим пугливым парусам.
Я не предвидела, что это бегство
Смутит тебя.

А н т о н и й

Ты знала хорошо,
Что сердцем у тебя я на буксире
И тронусь вслед. Ты знала, что тебе
Достаточно кивнуть, и ты заставишь
Меня забыть веления богов.

К л е о п а т р а

Прости меня!

А н т о н и й

И вот теперь мальчишке
Я должен просьбы скромные писать
И жалко в них хитрить и унижаться,
Я, человек, который перед тем
Играл полмиром, создавая судьбы

И их губя. Ты знала, как сильна
Ты надо мной и что мое оружие,
Ослабленное страстью, все — твое.

Египтянин эпохи эллинизма. Помпеи, II—III вв. н.э.

К л е о п а т р а

Прости меня! Прости!

А н т о н и й

Не надо плакать.

При виде слез твоих перестает

Тревожить остальное. Поцелуя
Достаточно в награду. Я послал
К нему учителя. Он не вернулся?
Ах, милая, от этих всех тревог
Свинец какой-то в теле. Я б охотно
Поел и выпил. Чем трудней судьба,
Тем с ней ожесточеннее борьба.

Уходят.

Сцена 12

Египет. Лагерь Цезаря.

Входят Цезарь, Долабелла, Тирей и другие.

Цезарь

Пускай войдет Антониев гонец.
Кто он такой?

Долабелла

Домашний их учитель.
Смотри, как он общипан. У него
В крыле нет лучших перьев. А давно ли
Гонял он с порученьями царей?

Входит Евфроний.

Цезарь

Стань ближе.

Е в ф р о н и й

Невзирая на ничтожность,
Я послан от Антония к тебе.
Еще совсем недавно в примененье
К его потребностям я был так мал,
Как капелька росы в сравненье с морем.

Ц е з а р ь

Что он велел сказать?

Е в ф р о н и й

Он признает
Тебя царем своей судьбы и просит
Позволить жить в Египте. Если ж нет,
Он молит, уменьшая притязанья,
О дозволенье скоротать свой век
В Афинах незаметным человеком.
Теперь о Клеопатре. И она
Склоняется перед твоим величием
И просит из твоих державных рук
Короны Птолемея для потомства.

Ц е з а р ь

К ходатайству Антония я глух.
Царице ж обещаю я вниманье.
Пусть только из египетских границ
Изгонит опозоренного друга

Или казнит. Тогда я отнесусь
К ней с милостью. Вот мой ответ обоим.

Е в ф р о н и й

Во всем будь счастлив.

Ц е з а р ь

Проводить посла
Чрез караулы.

Евфроний уходит.

Редкая возможность
Для красноречья твоего, Тирей.
Ступай, перемани к нам Клеопатру.
Что хочешь, обещай ей от меня
И сам сули ей золотые горы.
Нет стойких женщин даже в дни удач,
А в горе и весталка ненадежна.
Употреби всю хитрость, и за труд
Всего, что хочешь, требуй, — все получишь.

Т и р е й

Согласен, Цезарь.

Ц е з а р ь

Выясни у них,
Как держится Антоний и какие

Намеренья, по-твоему, таят
Его движенья.

Т и р е й
Постараюсь, Цезарь.
Уходят.

Сцена 13

Александрия. Дворец Клеопатры.

Входят Клеопатра, Энобарб, Хармиана и Ира.

Клеопатра
Ну, что теперь нам делать, Энобарб?

Энобарб
Размыслив, умереть.

Клеопатра
В несчастьях наших
Кто виноват, Антоний или я?

Энобарб
Один Антоний. Прихоть он поставил
Над разумом. Простителен твой страх:
Ужасен бой, где все грозит друг другу,
Но он, как ты, не вправе был бежать.
Любовный зуд не должен был изгладить

В нем воинского долга в миг, когда
Часть мира ополчилась на другую
И яблоком раздора был он сам.
Ведь поражение было б меньшим срамом,
Чем это бегство на виду у всех
Судов эскадры.

К л е о п а т р а

Умоляю, тише.

Входит Антоний с Евфронием.

А н т о н и й

Он так ответил?

Е в ф р о н и й

Да, мой государь.

А н т о н и й

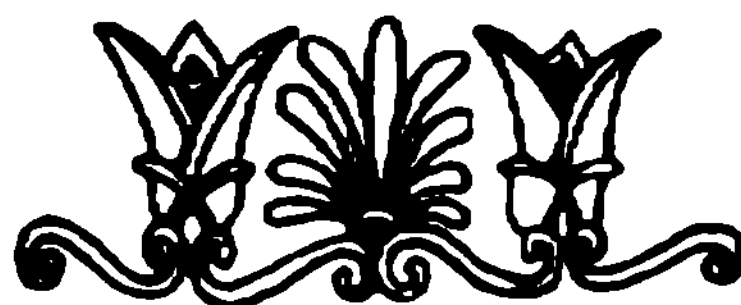
Царице обещаются уступки
С условием выдать нас?

Е в ф р о н и й

Так он сказал.

А н т о н и й

Ну что же, так и надо передать ей.
Седеющую голову мою

Пошли мальчишке Цезарю. В награду
Он царствами наполнит твой подол.

К л е о п а т р а

Вот эту голову твою, властитель?

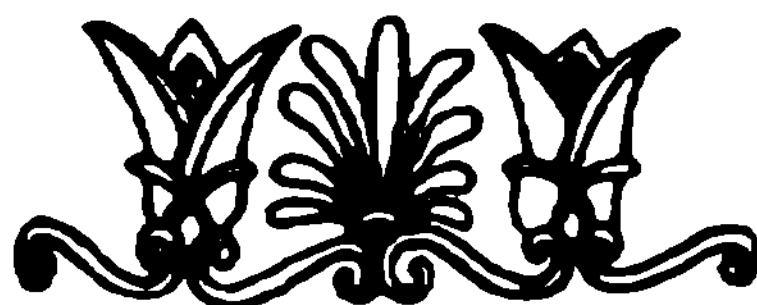
А н т о н и й
(*Евфронию*)

Вернись к нему. Скажи ему, что он
В расцвете сил, а мы от молодежи
Хотим незаурядного. Казна,
И флот его, и армии могли бы
Быть собственностью труса. Этим всем
Могли бы управлять его вельможи,
Служа ребенку так же, как ему.
Пусть отвлечется он от преимуществ
И, молодой, со мною, пожилым,
Сойдется на мечях в единоборстве.
Я это напишу ему. Пойдем.

Антоний и Евфроний уходят.

Э н о б а р б
(*в сторону*)

Да, так и станет победитель Цезарь
Удачу испытаньям подвергать
В борьбе на гладиаторской арене!
Увы, способность наша рассуждать

Подвержена ударам обстоятельств.
Чтоб Цезарь в полноте своих судеб
С противником разбитым стал считаться!
О Цезарь, ты не только разгромил
Войска Антония, но и рассудок.

Входит служитель.

С л у ж и т е л ь
От Цезаря гонец.

К л е о п а т р а
Без дальних слов?
Смотрите, девушки, как нос воротят
От розы распутившейся все те,
Кто нюхали бутон, став на колени.
Впусти гонца.

Служитель уходит.

Э н о б а р б
(в сторону)
Меж совестью и мной
Все хуже отношенья. Невозможно
Хранить безумцу верность и не стать
Безумцем самому. Но кто способен
Служить всем сердцем павшим господам,
Тот преданностью этой побеждает
Завоевателя своих господ
И переходит в летопись потомства.

Входит Тирей.

Клеопатра

Решенье Цезаря?

Тирей

О нем позволь

Наедине.

Клеопатра

Здесь все друзья. Смелее.

Тирей

Но это ведь Антония друзья?

Энобарб

Антоний в них нуждается не меньше,
Чем Цезарь. Ладить или враждовать —
Решают полководцы. Наше дело
Повиноваться старшим.

Тирей

Хорошо.

Прославленная, слушай. Цезарь просит,
Чтоб ты не забывала средь невзгод,
Что Цезарь он.

Клеопатра

Вполне по-царски. Дальше.

Т и р е й

Он убежден, что ты не из любви
С Антонием, а под давлением страха.

К л е о п а т р а

О!

Т и р е й

И потому жалеет о пятне
На имени твоём. Оно невольно
И не заслужено тобой.

К л е о п а т р а

Он бог.

Он знает: честь моя сопротивлялась
И сломлена.

Э н о б а р б
(в сторону)

Антония спрошу.

Какую течь ты дал, военачальник!
Пора спасаться нам с твоих бортов,
Когда столь близкие тебя бросают.

(Уходит.)

Т и р е й

Что мне прикажешь Цезарю сказать?
Он был бы просьбам рад, чтоб их исполнить.

Ему б хотелось, чтобы ты в нужде
На власть его оперлась, как на посох.
Однако главная его мечта
Услышать от меня, что ты рассталась
С Антонием, отдав себя под сень
Его, единого владыки мира.

К л е о п а т р а

Как звать тебя?

Т и р е й

Меня зовут Тирей.

К л е о п а т р а

Ну вот что, милый. Чрез твое посредство,
Скажи, прикладываюсь я к руке
Завоевателя и повергаю
Покорно свой венец к его стопам.
Я выслушаю приговор Египту
Из уст его.

Т и р е й

Вот наилучший путь.

Когда нас осаждают неудачи,
Воистину тот будет мудрецом,
Кто будет рад тому, что достижимо.
Его ничто не сломит. Разреши
Поцеловать тебе смиренно руку.

К л е о п а т р а

Теперешнего Цезаря отец,
Обдумывая новые походы,
Без счету прижимал ее к губам.

А н т о н и й и Э н о б а р б возвращаются.

А н т о н и й

Любезности? Юпитер-громовержец!
Откуда взялся ты?

Т и р е й

Я от того,
Кто больше всех достоин послушанья.

Э н о б а р б
(в сторону)

Ну, выпорют тебя.

А н т о н и й

Сюда! Ко мне!
Не слышат, черти! Что за негодяи?
Бывало, крикнешь, и кругом цари,
Как школьники, навстречу с угожденьем.
Лишь гул стоит. А ныне докричись!
Что вы, оглохли? Я еще Антоний.

Входит слуга.

Взять этого и высечь!

Э н о б а р б
(в сторону)

Задирать
Пред смертью льва опаснее, чем львенка.

А н т о н и й

Луна и звезды! Высечь, говорю.
Что смотрите? Будь это даже двадцать
Из Цезаревых данников, не сметь
Притрагиваться к ручке этой, этой...
Ну как ее теперь, когда она
Не Клеопатра?— Сечь без разговоров,
Пока он рта плаксиво не скривит
И вслух не повинится.

Т и р е й

Марк Антоний...

А н т о н и й

Ташите сечь. Сеченого назад.
Еще нам эта Цезарева кукла
Снесет ему посланье.

Служители с Тиреем уходят.

Ты была
Не первой свежести уже задолго
До нашего знакомства. Для того ль

Оставлено нетронутое ложе
Мной в Риме, для того ль я не завел
Детей от брака с лучшею из женщин,
Чтоб подлости безропотно сносить
Той, кто заигрывает с первым встречным?

К л е о п а т р а

Мой повелитель...

А н т о н и й

Ты была всегда
Бездельницей, когда же мы доходим
В пороках до предела, горе нам!
Нас боги ослепляют. Помрачают
Нам разум нашей мерзостью. Глядят,
Как мы обожествляем тупоумье
И превозносим нашу хромоту.

К л е о п а т р а

Я не могу.

А н т о н и й

Я взял тебя обедком
С тарелки Цезаря, и ты была
К тому еще надкушена Помпеем,
Не говоря о множестве часов,
Неведомых молве, когда ты вряд ли

Скучала. Я уверен, что на слух
Тебе знакомо слово воздержанье,
Но в жизни неизвестна эта вещь.

Египтянка эпохи эллинизма. Помпей, II—III вв. н.э

К л е о п а т р а

За что, за что?

А н т о н и й

Позволить проходимцу,
Привыкшему к подачкам, подходить
С развязностью к моей подруге в играх,

К твоей руке, священной, как печать
Монаршая и царская присяга!
Я б мог стада Басанского холма
Перереветь. Я, точно зверь, затравлен.
Об этом невозможно толковать,
Отвешивая вежливо поклоны,
Как палачу спасибо говорить
За ловкие движенья.

Возвращаются служители с Тиреем.

Отхлестали?

Первый служитель
Пребольно, повелитель.

А н т о н и й

Он кричал?

Просил прощенья?

Первый служитель

Он просил пощады.

А н т о н и й

Пусть сетует отец твой, если жив,
Что ты не дочь. Ты розгами наказан
За службу Цезарю. Жалей о том.
Пускай тебя на будущее время
Бросает в дрожь от вида женских рук.
Ступай назад к своим. Пусть Цезарь знает,

Как приняли тебя. Скажи, что я
Не выношу его високомерья.
Он только видит, кем я стал теперь,
А кем я был, нарочно забывает.
Он злит меня, а это легкий труд,
В особенности в данную минуту,
Когда мои созвездия зашли
И озаряют бездны преисподней.
А если он найдет мои слова
И то, как обошлись с тобой, обидным,
То мой вольноотпущенник Гиппарх
На службе у него, и ваша воля
Хлестать его, и вешать, и пытать,
Чтоб сосчитаться. Так ему и скажешь.
Теперь же марш отсюда.

Тирей уходит.

К л е о п а т р а

Кончил ты?

А н т о н и й

Моя луна земная закатилась.
Антонию конец.

К л е о п а т р а

Я подожду.

А н т о н и й

Чтоб Цезарю польстить, ты строишь глазки
Его рабу!

К л е о п а т р а

Так плохо знать меня!

А н т о н и й

Не сердце — камень!

К л е о п а т р а

Если это правда,

Пусть станет в наказание оно
Отравленною градовою тучей.
Пусть первой градинкой убьет меня,
Второй — Цезариона. Постепенно
Пусть буря смоем память обо мне,
Моем потомстве и моем Египте.
Пускай непогребенные тела
Лежат в отравленной воде и мухи
В себе их похоронят.

А н т о н и й

Не божись.

Я верю. Слушай. Цезарь осаждает
Александрию. Надо преградить
Ему пути. На суше мы держались
Все время крепко. Разобщенный флот

Сплочен и стал, как прежде, грозной силой.
Где ты скрывалось, мужество мое?
Я, может быть, вернусь еще, царица,
Обнять тебя и буду весь в крови.
Я и мой меч свое бессмертье купим
Живой ценой. Еще надежда есть.

К л е о п а т р а

Вновь узнаю я своего героя!

А н т о н и й

Теперь я буду драться за троих,
Кося без сожаленья. В дни удачи
Я пленников за шутку отпускал.
Теперь же всеми способами буду
Слать к праотцам. Но вот что. Проведем
Еще раз ночь в бывалом оживленье.
Военных приунывших соберем,
Наполним кубки вновь и дружным смехом
Звон полночи еще раз заглушим.

К л е о п а т р а

Мой день рожденья нынче. Я решила
Не праздновать его, но так как ты
Антоний вновь, я снова Клеопатра.

А н т о н и й

Мы победим, увидишь.

К л е о п а т р а

**Пригласить
Всех высших командиров к государю.**

А н т о н и й

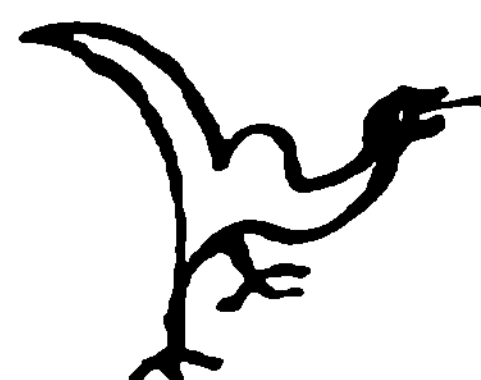
**Я вечером хочу держать им речь
И шрамы их вином играть заставлю.
Не унывай. Еще мы проживем.
В ближайшей схватке я своей работой
Влюблю в себя губительницу-смерть.**

Все, кроме Энобарба, уходят.

Э н о б а р б

**Он с молнией померяется взглядом,
Так он кипит. Когда нас раздражить,
Мы как бы страх теряем с перепугу.
Так голубь может заклевать орла.
Он поглупел, и это возвращает
Ему отвагу. Но беда уму
Стать жертвой и игрушкой безрассудства.
Тупая мысль, как притупленный меч.
Подумаю, как мне его оставить.**

(Уходит.)

АКТ IV

Сцена 1

Лагерь Цезаря под Александрией.

**Читая письмо, входит Цезарь, за ним Агриппа и Меценат.
В отдалении войско.**

Цезарь

**Зовет меня мальчишкой. Тон такой,
Как будто может выгнать из Египта.
Прибил гонца. Мне вызов шлет на бой.
Мне, Цезарю, вы слышите,— Антоний!
Пусть знает старый хлыщ, что я найду
Еще пути играть своею жизнью,
А глупый вызов мне его смешон.**

Меценат

**Когда такой опасный зверь бушует,
То, значит, ты загнал его вконец.
Воспользуйся скорей его смятеньем,**

Чтоб он не мог передохнуть. В сердцах
Слабеет чувство самосохраненья.

Цезарь

Оповести командный наш состав:
Последнее сражение наше — завтра.
В рядах у нас немало прежних слуг
Антония. С их помощью заманим
Его в засаду. Посмотри за всем
И угости солдат. Запасов хватит,
А войско заслужило. Жаль тебя,
Антоний бедный.

(Уходит.)

Сцена 2

Александрия. Дворец Клеопатры.

Входят Антоний, Клеопатра, Энобарб, Хармиана,
Ира, Алексас и другие.

Антоний

Со мной не бьется он?

Энобарб

Нет.

Антоний

Почему?

Э н о б а р б

Он в двадцать раз счастливей и считает,
Что в двадцать раз сильнее. Итак, ваш бой —
Неравный.

А н т о н и й

Завтра, братец, мы сразимся
На море и на суше. Либо я
Живым останусь, либо честь омою
В крови для вечной жизни. Ну, а ты?

Э н о б а р б

Я буду драться и орать: “Знай наших!”

А н т о н и й

Отлично. Позови домашних слуг.
Пускай ни в чем не будет недостатка
На пире ночью.

Входят три или четыре служителя.

Руку дай свою.

Ты прослужил мне верою и правдой.
И ты. И ты. Спасибо за труды.
Цари прислуживали рядом с вами.

К л е о п а т р а
(Энобарбу)

Что это означает все?

Э н о б а р б
(*Клеопатре*)

Одна
Из непонятных выходов печали.

А н т о н и й

И ты за мною преданно ходил.
О, если б поменяться нам местами,
И я бы вами стал, а вы бы мной,
Чтоб всем вам отплатить такой же службой!

С л у ж и т е л и

Да не попустят боги!

А н т о н и й

Ну так вот.

Еще мне послужите этот вечер.
Пусть не пустует кубок мой, как встарь,
Когда владыки покоренных княжеств
Толпой прислуживали мне, как вы.

К л е о п а т р а
(*Энобарбу*)

К чему он так?

Э н о б а р б
(*Клеопатре*)

Он хочет вызвать слезы
У приближенных.

А н т о н и й

Послужите мне.

Быть может, это ночь последней службы,
И больше вы не встретите меня
Или увидите кровавой тенью
И завтра будете служить другим.
Ах, я гляжу на вас, как бы прощаясь!
Друзья мои, ведь я вас не гоню, —
Напротив, как признательный хозяин,
Я верен вам до гробовой доски.
Но два часа еще мне подарите
Сегодня ночью, больше не прошу,
И да хранят вас боги.

Э н о б а р б

Что за польза
Расстраивать их? Видишь, все ревут,
И я, осел, не отстаю от прочих.
Зачем ты в женщин превращаешь нас?

А н т о н и й

Ну, не ворчи. Я вовсе так не думал.
Да вырастет добро из ваших слез.
Вы плохо поняли меня, родные.
Ведь я хотел вам бодрости придать.
Хотел уговорить вас без раздумья
Залить огнями пира эту ночь.

Я возлагаю лучшие надежды
На завтрашнее утро, и пойду
Не к смерти с вами, а к победной жизни.
Пойдемте ужин открывать, друзья,
И думы горькие в вине утопим.

Уходят.

Сцена 3

Там же. Перед дворцом.

Входят двое часовых.

Первый часовой
Счастливо, брат. Что утро принесет!

Второй часовой
Один бы уж конец. Минуя город,
Ты ничего не слышал?

Первый часовой
Нет, а что?

Второй часовой
Да мало ли что в городе болтают.
Прощай. Счастливо.

Первый часовой
Хорошо. Прощай.

Входят еще двое часовых.

Второй часовой

Смотрите в оба.

Третий часовой

Ладно. До свиданья.

Сам не плошай, брат.

Становятся на свои посты.

Четвертый часовой

Наше место здесь.

Что скажет завтра флот, а я в пехоте
Уверен.

Третий часовой

Как же. Боевой народ,
Как на подбор.

Звуки гобоев под сценой.

Четвертый часовой

Послушай. Что за звуки?

Первый часовой

Послушайте. Послушайте.

Второй часовой

Слышал?

Первый часовой

Да. Музыка вдали.

Третий часовой

Нет, под землею.

Четвертый часовой

Что это — добрый признак?

Третий часовой

Нет, дурной.

Первый часовой

Потише, говорю. Что это значит?

Второй часовой

Бог Геркулес, Антониев патрон,
Уходит от него.

Первый часовой

Пойдем узнаем,
Слыхали ли другие.

Второй часовой

Господа,
Что скажете?

Все вместе
Что скажете? Слыхали?
Первый часовой
Необъяснимо!
Третий часовой
Слышишь? Каково!
Первый часовой
Пойдем по звуку, сколько будет можно,
До лагерного вала.

Все
Чудеса!
Уходят.

Сцена 4

Там же. Комната во дворце.

Входят Антоний и Клеопатра, Хармиана и другие
приближенные.

Антоний
Мой панцирь, Эрос.

Клеопатра
Ляг, поспи немного.

А н т о н и й

Нет, дорогая, Эрос, панцирь мой!

Входит Э р о с с доспехами.

Одень меня в железо. Если счастье
Изменит нам, я рассердил его
Веселостью.

К л е о п а т р а

Где хлястик к этой пряжке?
Я помогу.

А н т о н и й

Брось, брось. Ты у меня
Оруженосец сердца. Брось, не путай.

К л е о п а т р а

Я помогу. Так правильно?

А н т о н и й

Да, да.

Смотри, дела идут на лад, приятель.
Иди и сам вооружись.

Э н о б а р б

Сейчас.

К л е о п а т р а

Что, разве плохо застегнула?

АНТОНИЙ

Чудно.

Божественно. Посмей кто расстегнуть,
Ему не поздоровится. Проворней.
Ты мямля, Эрос. Можешь взять пример

Английская актриса Гартли в роли Клеопатры

С царицы нашей. Вот оруженосец!
Ах, если бы могла ты посмотреть,
Как я дерусь, и смыслила бы в этом!
Вот царское, сказало б, ремесло!

Входит вооруженный легионер.

А, здравствуй, брат. Ты на военной службе
Давно, как видно. Для любимых дел
Встаем мы рано и за них беремся
С восторгом.

Л е г и о н е р

Тысячи уж, государь,
Стоят и ждут тебя в железных латах
На взморье, несмотря на ранний час.

Крики и трубные звуки.
Входят военачальники и легионеры.

В о е н а ч а л ь н и к

Прекрасный день. Да здравствует начальник!

В с е

Да здравствует начальник!

А н т о н и й

Молодцы!

Сегодня утро ярко спозаранку,
Как детство тех, кто в жизни прогремит.
Так, так. Давай. Теперь сюда. Спасибо.
Отлично. А теперь, мой друг, прощай.
Что ни случись со мной, живи, царица.
Вот поцелуй солдата. Нежных слов,
Как мирный житель, я не вправе тратить.

На этот раз прощаюсь второпях
Как человек из стали. Все, кто должен
Участвовать в сраженьи, все за мной.
За мною все! Счастливо оставаться.

Антоний, Эрос, военачальники и легионеры уходят.

Х а р м и а н а

Не перейти ль нам в комнату твою?

К л е о п а т р а

Да, перейдем. Он в воодушевленье.
Ах, если б этот спор он мог решить
Единоборством с Цезарем. Тогда бы
Другое дело. А теперь... Идем.

Уходят.

Сцена 5

Александрия. Лагерь Антония. Трубы.

Входят Антоний и Эрос и встречаются с легионером.

Л е г и о н е р

Во всем сегодня счастлив будь, Антоний.

А н т о н и й

Ах, если б вид твоих рубцов в тот раз
Меня заставил выступить на суше!

Л е г и о н е р

Тогда поныне были бы с тобой
Отпавшие цари и тот воитель,
Который нам сегодня изменил.

А н т о н и й

Кто изменил сегодня?

Л е г и о н е р

Самый близкий.

Пошли за Энобарбом,— не придет,
Или из Цезарева стана скажет:
“Не твой я больше”.

А н т о н и й

Что ты говоришь?

Л е г и о н е р

Он с Цезарем.

Э р о с

Тюки с его вещами
Остались здесь.

А н т о н и й

Так он нас бросил?

Л е г и о н е р

Да.

А н т о н и й

Пошли ему его поклажу, Эрос.
Все без изъятья. Кладь сопроводи
Запискою, что я ему желаю
Причины в жизни больше не иметь
Менять господ. Я подпишу записку.
Увы, превратности моей судьбы
Испортили такого человека!
Распорядись. Подумай, — Энобарб!

Уходят.

Сцена 6

Александрия. Лагерь Цезаря. Трубы.

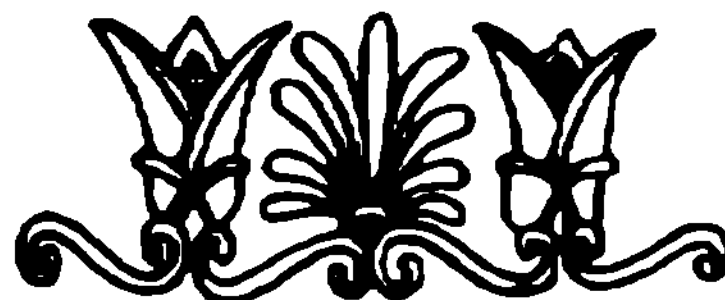
Входят Цезарь, Агриппа, Энобарб и другие.

Ц е з а р ь

Вперед, Агриппа. Начинай сражение.
Приказ мой — взять Антония живым.
Оповести войска.

А г р и п п а

Немедля, Цезарь.

Цезарь

Всеобщий мир недалеко. Когда
Нам нынче повезет, три части света
Покроет тень оливковых ветвей.

Входит гонец.

Гонец

Антоний в поле.

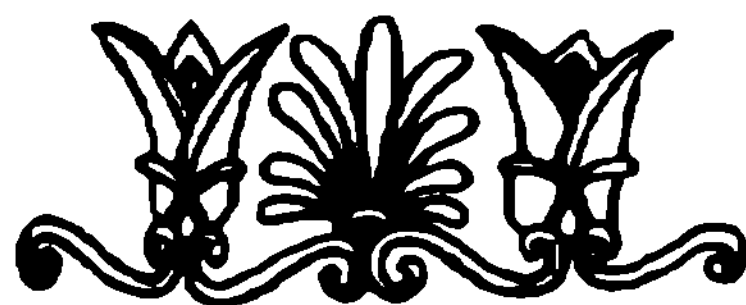
Цезарь

Надо, чтоб Агриппа
Поставил перебежчиков вперед.
Антоний первый свой удар обрушит
Сам на себя.

Все, кроме Энобарба, уходят.

Энобарб

Алексас изменил.
Его послал Антоний в Иудею.
Он Ирода подговорил отпасть.
В награду за его услуги Цезарь
Алексаса повесил. Нет числа
Изменникам. Среди других — Канидий,
Но им и тут не будут доверять.
Какую подлость сделал я! Как стыдно!
Мне счастья в жизни больше не видать,
Как тяжело мне!

Входит Цезарев легионер.

Легионер

Энобарб, Антоний

Прислал твои пожитки и письмо.
Посыльный с ящиками натолкнулся
На мой дозор. У твоего шатра
Он разгружает мулов.

Энобарб

Эти вещи

Дарю тебе.

Легионер

Не смейся, Энобарб.

Я не шучу. Ты лучше позаботься
Пройти с гонцом за вал. Я на часах,
А то бы сам отвел. Ваш повелитель
Бог щедрости, как прежде.

Энобарб

Я подлею

Всех подлецов на свете. О Антоний,
Родник великодушья, сколько б дал
Ты мне за верность долгу, если низость
Ты золотом осыпал. Это нож
Мне в сердце. Я умру от этой боли
Иль от чего-нибудь еще скорей.

И мне еще участвовать в сраженье
Против тебя, Антоний? Нет, пойду
Сыщу себе канаву погрознее
И лягу издыхать. Одна лишь грязь
Под стать моим последним дням позорным.

(Уходит.)

Сцена 7

Поле битвы между обоими станами. Крики атакующих.

Барабаны и трубы. Входит Агриппа и другие.

Агриппа

Назад. Мы слишком выдались вперед.
Пришлось налечь и Цезарю. Нам хуже,
Чем думали.

Уходят.

Крики атакующих. Входят Антоний и раненый Скар.

Скар

Мой храбрый государь!
Вот это значит биться! Если б сразу
Мы так взялись, то разогнали б их
С замотанными в тряпки головами.

Антоний

Ты весь в крови.

С к а р

Тут был двойной рубец.
Как буква “те”, а стало три пореза,
Как буква “эн”.

Вдали сигнал к отступлению.

А н т о н и й

Они трубят отбой.

С к а р

Мы их загоним под столы и лавки.
На мне еще есть место для рубцов.

Входит Э р о с.

Э р о с

Они разбиты. Наше положенье
Равно победе.

С к а р

Гнать их по пятам
И бить как зайцев. Это род охоты
На трусов.

А н т о н и й

Я вознагражу тебя
За бодрость однократно, а за храбрость
В десятерном размере. Ну, пойдем.

С к а р

Иду, хотя я ранен и хромаю.

Уходят.

Сцена 8

Под стенами Александрии. Шум сраженья.

Входят военным шагом Антоний и Скар с войсками.

А н т о н и й

**Мы их прогнали в лагерь. Кто-нибудь
Пусть сбегает с известием к царице.
А завтра пустим кровь до одного
Всем уцелевшим из врагов сегодня.
Благодарю вас. Каждый бился так,
Как будто дело шло о нем отдельно
И в каждом Гектор истинный сидел.
Войдите в город к женам и домашним:
Скажите им, что каждый совершил.
Вам будут кровь смывать слезами счастья
И раны поцелуями лечить.**

(Скару.)

Дай руку мне.

Входит Клеопатра со свитой.

**Позволь, твой деянья
Волшебнице я этой поручу.
Пусть наградит тебя ее спасибо.**

Свет глаз моих, руками обними
Мою железом сдавленную шею.
Сквозь толщу лат пробейся к сердцу вся.
Ворвись и оседлай его биенья.

К л е о п а т р а

О царь царей, о доблесть без границ!
Ты вырвался из вражеской ловушки!
Ты улыбаешься!

А н т о н и й

Мой соловей!

Их уложили спать. Ты видишь, прелесть,
Хоть меж моих каштановых волос
Седые есть, смекалка есть под ними.
А силой молодых мы посрашим.
Позволь тебе богатыря представить.
Пусть подойдет к руке. Он дрался так,
Как будто некий бог в него вселился,
Который в озлобленье на людей
Их предавал слепому истребленью.

К л е о п а т р а

Я золотые латы дам тебе
Из царского запаса.

А н т о н и й

Если б даже

Они в рубинах были, как узор
На колеснице Феба, дар заслужен.
Дай руку мне. Торжественно войдем
В Александрию, и щиты поднимем,
Изрубленные, как тела у нас.
Когда б дворцовый зал вмещал все войско,
Мы сели бы за ужин всей семьей
И выпили за завтрашнюю битву
С ее опасностями. Трубачи,
Раскатом трубным оглушите город!
Бей в барабаны! Пусть земля и твердь
Сольют свой гул и громко рукоплещут
Вступленью войск.

Уходят.

Сцена 9

Лагерь Цезаря.

Ч а с о в ы е на посту.

П е р в ы й ч а с о в о й

В течение часа, если нас не сменят,
Вернемся в караульную. Ночь светла,
А в два часа утра мы выступаем.

В т о р о й ч а с о в о й

Вчера нам не везло.

Входит Энобарб.

Э н о б а р б

О ночь, будь мне
Свидетельницей!

Т р е т и й ч а с о в о й

Это что за малый?

В т о р о й ч а с о в о й

Послушаем.

Э н о б а р б

Свидетельницей будь,
Священная луна, когда потомство
Позор измены лихом помянет,
Как бедный Энобарб перед тобою
Раскаивался.

П е р в ы й ч а с о в о й

Энобарб!

Т р е т и й ч а с о в о й

Молчи.

Послушаем.

Э н о б а р б

Владычица печали!
Дыханьем ночи отрави меня,
Избавь от бремени постылой жизни.

Кинь сердце на гранит моей вины.
Оно и так иссушено кручиной
И разлетится в прах. Антоний, ты,
Который в высоте своей безмерней
Паденья моего, прости меня!
А там пусть свет меня заносит в списки
Клятвопреступников и беглецов.
Антоний! О Антоний!

(Умирает.)

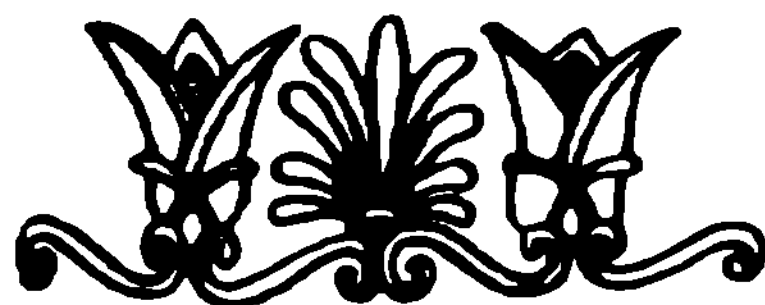
Второй часовой
Потолкуем
С ним малость.

Первый часовой
Нет. Пусть сам он говорит.
Послушаем, не извлечем ли пользы
Для Цезаря.

Третий часовой
Пускай. Но он уснул.

Первый часовой
Нет, это обморок. Спать не ложатся
С такой молитвой.

Второй часовой
Подойдем к нему.

Т р е т и й ч а с о в о й

Проснись! Проснись! Откликнись!

В т о р о й ч а с о в о й

Ты нас слышишь?

П е р в ы й ч а с о в о й

Смерть тронула его своей рукой.

Барабаны вдали.

Ты слышишь, спящих будят барабаном.

На караульную отнесем его.

Он знатный человек. Пора сменяться.

Т р е т и й ч а с о в о й

Пойдемте. Он, быть может, отойдет.

Уносят тело.

Сцена 10

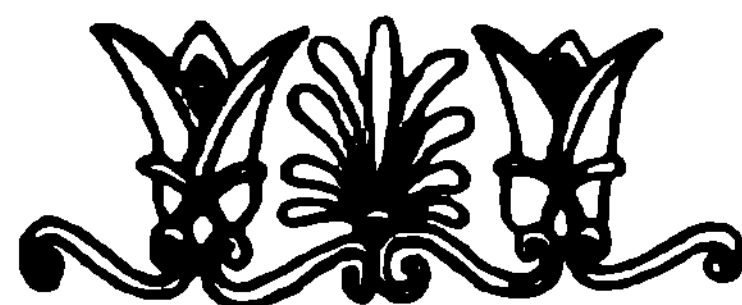
Между обоими станами.

Входят Антоний и Скарво главе войска.

А н т о н и й

Их главная забота нынче — флот.

Мы, видно, им не нравимся на суше.

С к а р

И на море.

А н т о н и й

На воздухе, в огне.
Где б ни было, нигде не дам им спуску.
Но к делу. Ставь пехоту на холмах
Вкруг города. Приказ по флоту
отдан.

Он поднял якорь. Станем на горе,
Откуда видно море с кораблями
И их движенье.

Уходят.

Сцена 11

Другое место на равнине.

Входит Цезарь с войском.

Ц е з а р ь

Без вызова с их стороны стоять
Не шевелясь. Он нас не атакует.
Цвет войска он послал на корабли.
Поищем на поле получше места.

Уходят.

Сцена 12

Холмы под Александрией.

Входят Антоний и Скар.

Антоний

Еще нет боя. Из-за той сосны
Я посмотрю, в чем дело, и немедля
Приду с ответом.

(Уходит.)

Скар

Ласточки в снастях
На яхте Клеопатры свили гнезда.
Гадальщики не знают, что сказать,
Глядят угрюмо и скрывают правду.
Антоний то храбрится, то хандрит,
Исполненный то страха, то надежды
При мысли об исчезнувшем былом.

Вдали шум как бы морского сражения.

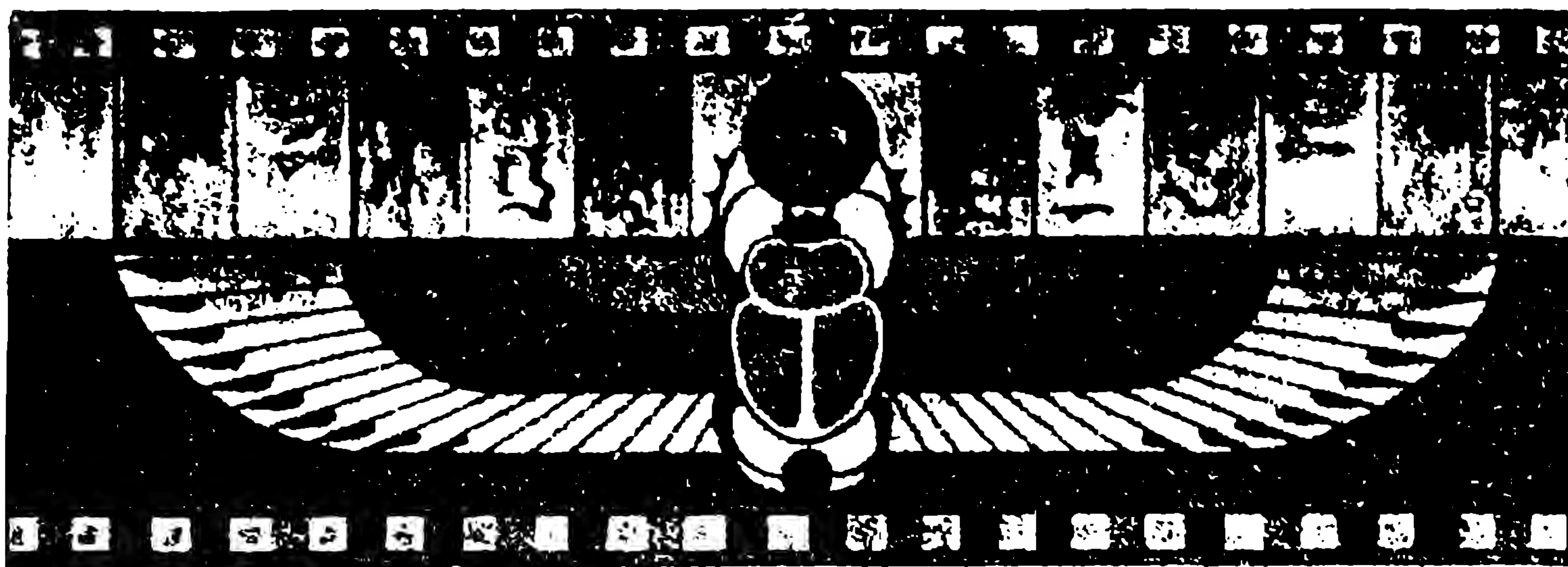
Входит Антоний.

Антоний

Пропало все. Египтянка-злодейка
Сгубила нас. Мой флот сдался врагу.
На кораблях бросают кверху шапки,
Братаясь, как старинные друзья.

Блудница с трижды лживою изнанкой!
Так вот кто — это ты нас продала
Счастливицу-новичку? Отныне сердце
В войне с одной тобой. Распорядись,
Чтоб войско распустили. Мне осталось

Древнеегипетский орнамент

Разделаться с колдуньей — вот и все.
Распорядись, чтоб войско распустили.

Скар уходит.

О солнце, твоего восхода мне
Уж больше не видать. На этом месте
Расстанутся Антоний и судьба,
Тут и пожмут навек друг другу руки.
Вот он, итог. Все прихвостни мои,
Лизавшие мне пятки по-собачьи,
Пред Цезарем виляют. Он в цвету,

Сосна ж, которая была всех выше,
Без веток и гола. Какой обман!
Колдунья, взглядом ты передвигала
Мои войска на битву и домой.
Мне грудь твоя была венцом и целью,
А ты своей цыганскою игрой
Меня с сумой пустила. Эрос! Эрос!

Входит К л е о п а т р а.

Прочь, наважденье! Сгинь!

К л е о п а т р а

За что сердит
Мой повелитель на свою подругу?

А н т о н и й

Исчезни, или я тебе воздам
За все сполна и Цезарю испорчу
Его победный въезд с тобою в Рим.
А я хочу, чтоб ты покрасовалась
Пред шумной чернью, чтобы как пятно
На всем отродье женщин ты тащилась
Пешком за колесницей, чтоб тебя
Показывали публике за деньги
На выставке диковин и чтоб там
Октавия впилась в тебя ногтями.

Клеопатра уходит.

Отлично поступила, что ушла.
Я за себя не отвечаю. Впрочем,
Смерть от моей разгневанной руки
Спасла б тебя от множества страшнейших.
Эй, Эрос! Что со мной? Я весь в огне.
На мне рубашка Несса. О мой предок
Алкид, дай силу гневу моему,
Чтоб я, как ты, забросил человека
На лунный серп и палицей своей
Расправился с собою. Смерть колдунье!
Она меня мальчишке продала.
Я — жертва заговорщиков. За это
Она умрет. Эй, Эрос!

Уходит.

Сцена 13

Александрия. Дворец Клеопатры.

Входят Клеопатра, Хармиана, Ира и Мардиан.

К л е о п а т р а

Девицы, помогите. Он безумней,
Чем Теламон, и более взбешен,
Чем Фессалийский вепрь.

Х а р м и а н а

Запрись в гробнице.
Вели дать знать ему, что умерла.

Прощанье с жизнью легче расставанья
Со славою.

К л е о п а т р а

В гробницу! Мардиан,
Поди скажи ему, что я с собою
Поковчила и мой последний звук
“Антоний” был. Разжалобь, как сумеешь.
Запомни, как он примет эту смерть,
И мне расскажешь. А теперь в гробницу.

Уходят.

Сцена 14

Там же. Другая комната.

Входят Антоний и Эрос.

А н т о н и й

По-прежнему ль я, Эрос, пред тобой?

Э р о с

Да, государь.

А н т о н и й

Бывают испаренья
С фигурою дракона, или льва,
Или медведя, или замка с башней,

Или обрыва, или ледника
С зубцами, или голубого мыса
С деревьями, дрожащими вдали.
Они — цветы вечерней мглы. Их формы
Обманывают глаз. Ты их видал?

Э р о с

Да, государь.

А н т о н и й

То, что конем казалось,
Внезапно растворяется во мгле,
Сливаясь с нею, как вода с водою.

Э р о с

Да, государь.

А н т о н и й

Твой командир теперь
Такой же самый призрак, милый Эрос.
Я все еще Антоний, но с трудом
Удерживаю эту оболочку.
Я воевал ведь только для нее
И думал, что она, по крайней мере,
Хоть тут со мной, как я всегда был с ней
И шедшие за мною миллионы,
Которые утрачены сейчас.

Так думал я. Она же, милый Эрос,
Держала руку Цезаря. Она
Сбыла к его триумфу за бесценок
Меня с моею славой. Но не плачь.
Мы сами устраним себя из жизни.

Входит М а р д и а н.

Назад к своей проклятой госпоже!
По милости ее я без оружия.

М а р д и а н

Антоний, нет, владычица тебя
Любила и судьбу соединила
С тобой.

А н т о н и й

Вон, евнух-негодяй! Она —
Предательница и умрет за это.

М а р д и а н

Долг смерти платят только раз, и он
Уже уплачен ей. Твое желанье
Исполнено. Последние слова
Царицы были: “Доблестный Антоний!
Антоний!” Восклицанье прервалось
На полпути меж сердцем и губами,
И с ним в груди царица умерла.

А н т о н и й

Как, Клеопатра умерла?

М а р д и а н

Скончалась.

А н т о н и й
(Эросу)

**Сними с меня доспехи. Кончен труд
Большого дня. Пора на отдых, Эрос.**

(Мардиану.)

**Благодари, что ты уходишь цел.
Тебе и это — щедрая награда.**

Мардиан уходит.

**Долой все это. Семеричный щит
Аякса — не защита от крушенья.
Раздвиньтесь, ребра! Сердце, изнутри
Разрушь свой плен и вырвись из темницы!
Проворней, Эрос. Я отвоевал
И больше не солдат. Прощайте, латы!
Вы погнуты. Я с честью вас носил.
На время выйди, Эрос.**

Эрос уходит.

Клеопатра!

**Я догоню тебя и попрошу
В слезах прощенья. Так мне будет легче.**

Отсрочка — пытка. Факел догорел.
Я лягу. Полно по углам шататься.
Отныне все усилия — лишний труд
И всякий шаг — топтание на месте.
Ну что ж, осталось приложить печать,
А то — конец, все ясно. Эрос! Эрос!
Иду, царица! — Эрос! — Там, в садах,
В толпе теней мы будем выделяться
Из всех других и отобьем друзей
У бедного Энея и Дидоны.
Эй, Эрос, Эрос! Воротись назад.

Э р о с возвращается.

Э р о с

Что, государь, прикажешь мне?

А н т о н и й

С тех пор,

Как Клеопатры нет, я прозябаю
Так недостойно, что стыжу богов.
Я мир кроил мечом и на зеленых
Плечах Нептуна строил города
Из кораблей, и вот мне не хватает
Отваги женщины. Я хуже той,
Которая своею смертью скажет:
“Я, Цезарь, справилась сама с собой”.
Ты обещал мне, Эрос, если в жизни

Меня настигнет ужас или стыд,
Убить меня по первому желанью.
Ну вот, такая надобность пришла.
Пойми одно: ты не меня уложишь,
А Цезаря расстроишь торжество.
Ты побледнел? Бодрей, дружок.

Э р о с

О боги!

Мне сделать то, что тучи вражьих стрел
Парфянских не могли?

А н т о н и й

Ты б господина

Хотел увидеть в Риме из окна
С закрученными за спину руками,
С ярмом на шее, с краской на лице,
Средь пленников, в обозе, за квадригой
Смеющегося Цезаря?

Э р о с

О нет!

А н т о н и й

Вот видишь. Уберечься можно только
Смертельной раной. Размахнись мечом,
Которым ты принес так много пользы.

Э р о с

Прости меня.

А н т о н и й

Я волю дал тебе.

Ты клялся сослужить мне эту службу
По первой просьбе. Действуй же. А то
Все предыдущие твои услуги
Одна случайность. К делу. Где твой меч?

Э р о с

Так отверни лицо свое в сиянье
Непреходящей славы.

А н т о н и й

(отворачиваясь от него)

Хорошо.

Э р о с

Меч вынут.

А н т о н и й

Вынуть мало. Бей наотмашь.
Ну что ж ты?

Э р о с

Мой любимый государь,
Военачальник мой и император,

Пред тем как нанести удар, позволь
Сказать тебе прости.

А н т о н и й

Я позволяю.

Уж ты сказал.

Э р о с

**Прощай, великий вождь.
Размахиваться?**

А н т о н и й

Да.

Э р о с

**Мне не придется
Оплакивать Антониеву смерть.**

(Убивает себя.)

А н т о н и й

**Недосягаемое благородство!
Вот как мне надо было самому,
Не трогая тебя, распорядиться.
Ты и царица, Эрос, далеко
Меня опередили чувством долга.
Но я просватан смерти и спешу
К ней вслед за вами. Твой начальник, Эрос,**

Кончает жизнь твоим учеником.
В приеме этом я твой подражатель.

(Падает на свой меч.)

Что это? Я еще живу? Живу?
Эй, стража! Приколите!

Входит Дерцет со стражею.

Первый часовой

Что за крики?

Антоний

Я оплошал. Пожалуйста, друзья,
Прикончите меня.

Второй часовой

Звезда скатилась.

Первый часовой

Великая пора пришла к концу.

Все

О, горе, горе нам!

Антоний

Добейте насмерть
Хоть из любви ко мне.

Первый часовой

Я не могу.

Второй часовой

Я тоже не могу.

Третий часовой

Никто не может.

Стража уходит.

Дерцет

**Ты умер, и приверженцы твои
Должны бежать. Чтоб к Цезарю проникнуть,
Я меч Антония ему снесу.**

(Завладевает мечом Антония.)

Входит Диомед.

Диомед

Где Марк Антоний?

Дерцет

Вот он.

Диомед

Он отходит?

Что ж ты не отвечаешь?

Дерцет уходит.

А н т о н и й

Диомед,
Вынь меч и прекрати мои мученья.

Д и о м е д

Я послан Клеопатрой, государь.

А н т о н и й

Когда она тебя послала?

Д и о м е д

Только

Сейчас.

А н т о н и й

А где она?

Д и о м е д

Укрылась в склеп.

Ей чужалось, что здесь случилось что-то.
Когда она узнала, что ее
Без доказательства подозревают
В сношениях с Цезарем и что тебя
Не вразумить, она сказать велела,
Что умерла, но чтобы избежать

Дурных последствий, вскорости послала
Открыть тебе всю правду. Но, боюсь,
Я опоздал.

А н т о н и й

Да, милый. Слишком поздно.
Мою охрану кликни, Диомед.

Д и о м е д

Особая охрана государя!
Охрана, говорю я! Эй сюда!

Входят четыре или пять телохранителей Антония.

А н т о н и й

Снесите, милые, меня к царице
И тем отдайте мне последний долг.

П е р в ы й т е л о х р а н и т е л ь

О горе! Почему, военачальник,
Мы пережить тебя осуждены!

В с е

Несчастный день!

А н т о н и й

Друзья, судьба злорадна.
Не радуйте ее своей тоской,

А лучше накажите равнодушьем.
Приподнимите на руки меня.
Я вами предводил. Настало время
Теперь вам на себе меня таскать.
Спасибо, дорогие.

Антония уносят.

Сцена 15

Там же. Гробница.

Наверху появляются Клеопатра, Хармиана и Ира.

Клеопатра

Я никуда отсюда. Хармиана,
Не выйду.

Хармиана
Успокойся.

Клеопатра

Никуда.

Теперь мне только ужасы желанны,
А не успокоенья. Я хочу
Нагореваться вволю, соразмерно
Огромности удара.

Внизу появляется Диомед.

Ты узнал?

Он умер?

Диомед

Он на волоске от смерти,
Но дышит. Стань у крайнего окна.
Его несут с той стороны к гробнице.

Внизу стража вносит Антония.

Клеопатра

Обугли, солнце, все, что под тобой!
Пусть станет мир неразличимо черен!
О мой Антоний! О Антоний мой!
Антоний мой! На помощь, Хармиана!
Друзья, на помощь! Ира, помоги!
Мы втащим вверх его.

Антоний

Не убивайся!
Не Цезарем Антоний побежден,
Но сам он над собою торжествует.

Клеопатра

Быть не могло иначе. Одному
Антонию Антоний был по силам.
Но боль моя не легче оттого.

Антоний

Моя египтянка, я умираю.
Я умираю, но еще пока

Я заговариваю смерти зубы,
Чтобы успеть тебе напечатлеть
Последний из несчетных поцелуев.

К л е о п а т р а

К тебе сойти не смею, дорогой,
Прости, мой друг, спуститься не решаюсь.
Я в руки Цезаря боюсь попасть.
Пока на свете есть кинжалы, яды
И змеи, я собой не довершу
Великолепья Цезарева въезда.
Стыдливая Октавия глаза
Не будет мне колоть своим примером.
Я не спущусь, но сам ты будешь здесь.
Ташите, девушки. Беритесь снизу.
Теперь ташите.

А н т о н и й

Только поскорей.

Я отхожу.

К л е о п а т р а

Поднять тебя не шутка.
Какой ты грузный! Вероятно, скорбь
Былую силу превратила в тяжесть.
О, если б власть Юноны, я б тебя
Перенесла с Меркурием на крыльях
К столу Юпитера. А ну еще.

А ну еще. Всегда безумьем было
Желать недостижимого. А ну,
Еще чуть-чуть. Ну здравствуй, здравствуй,
здравствуй!

Антония втаскивают наверх к Клеопатре.

Умри, где жил. Прижмись ко мне. Очнись.
О, если б целованье воскрешало,
Я б губы извела.

В с е

Ужасный вид!

А н т о н и й

Моя египтянка, я умираю.
Я умираю. Дай глоток вина.
Мне надобно сказать тебе два слова.

К л е о п а т р а

Нет, говорить дай мне, и я судьбу
Сведу с ума беспечностью беседы.

А н т о н и й

Защиты в будущем себе ищи
У Цезаря, царица.

К л е о п а т р а

Это вряд ли
Соединимо.

А н т о н и й

**Клеопатра, верь
Из Цезаревых только Прокулею.**

К л е о п а т р а

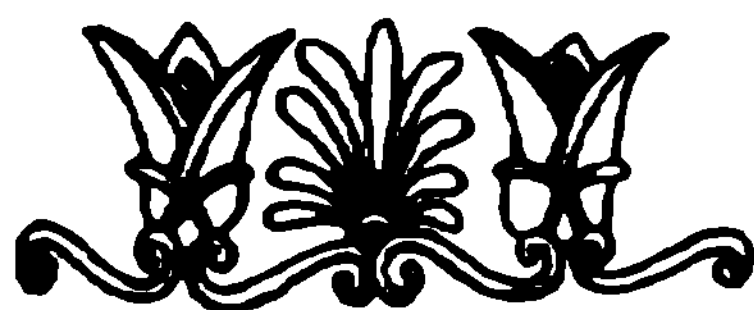
**Не Цезаревым слугам, а одним
Рукам своим и смелости доверюсь.**

А н т о н и й

**Не думай про печальный оборот
И смерть мою, но возвращайся мыслью
К минувшим, более счастливым дням,
Когда, владея величайшей властью,
Я благородно пользовался ей,
Да и теперь кончаюсь не бесславно
И не прошу пощады, снявши шлем
Пред земляком, но римлянином гибну
От римских рук. Захватывает дух.
Я больше не могу.**

К л е о п а т р а

**Мой драгоценный,
Как, ты умрешь? Тебе не жаль меня?
А мне остаться в этом скучном мире,
Который без тебя, как хлев свиной?
Смотрите, девушки, венец вселенной
Растаял и течет.**

Антоний умирает.

Мой государь!

Увял военный лавр. Копье солдата
Сломалось. Недоросли и щенки
В годах догнали старших. Исключение
Ушло от нас, и больше под луной
Нет ничего достойного вниманья.

(Падает в обморок.)

Х а р м и а н а

Очнись, очнись, венчанная!

И р а

Ну вот.

Скончалась благодетельница наша.

Х а р м и а н а

Державная владычица!

И р а

Очнись!

Х а р м и а н а

Очнись! Очнись!

И р а

Державная царица

Египта!

Хармиана

Тише, Ира, не шуми.

Клеопатра

Простое горе, как у тысяч женщин,
Как слезы скотницы какой-нибудь.
Швырнуть богам бы скипетр со словами:

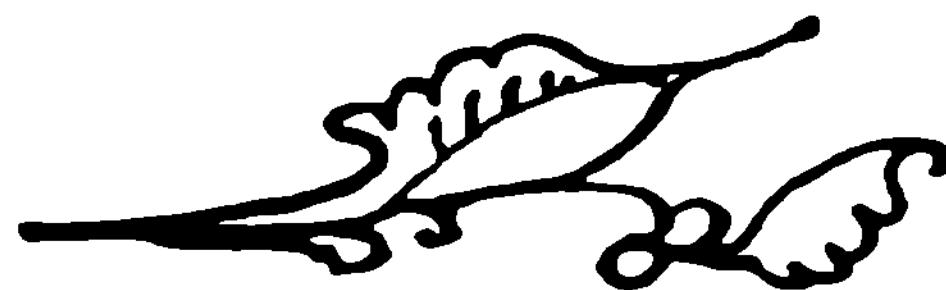
Изображение древнеегипетской женщины

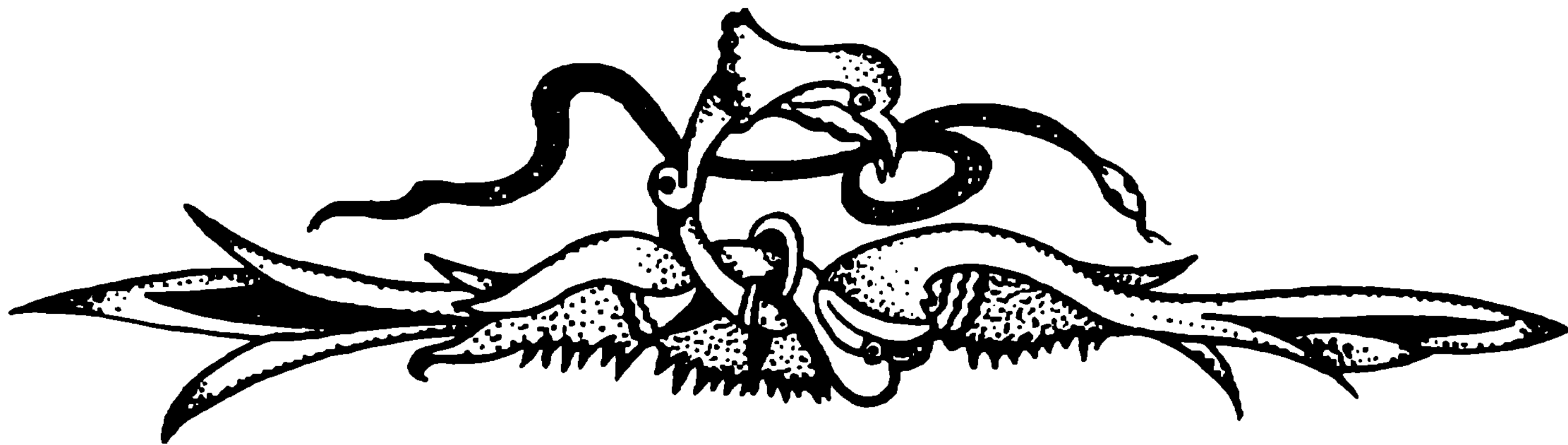
Завистники, покамест вы у нас
Не выкрали алмаза, нам на свете
Жилось не хуже вас. Всё ни к чему.
Терпенье — глупость, нетерпенье — мука.

Собакой взвоешь. Так велик ли грех,
Ворвавшись в тайное жилище смерти,
Самой предупредить ее приход?
Ах, девушки! Ну полно, полно, бросьте!
Ах, девушки, ах, девушки мои!
Угас наш свет, лампада догорела.
Солдаты, не годится унывать!
Сначала погребем его, а после,
Как должно, со свободною душой,
Без трепета, по-римски, горделиво
На зависть всем сумеем умереть.
Застыл покров огромнейшего духа.
Ах, девушки, вот мы и без друзей!
Спасенье наше, девушки, отныне
В готовности к немедленной кончине.

Уходят. Сверху уносят тело Антония.

АКТ V

Сцена 1

Александрия. Лагерь Цезаря.

Входит Цезарь и его военный совет: Агриппа, Долабелла, Меценат, Галл, Прокулей и другие.

Цезарь

**Пусть сдастся, Долабелла. Он в мешке.
Тянуть ему смешно и бесполезно.**

Долабелла

Пойду скажу.

(Уходит.)

Входит Дерцет с мечом Антония.

Цезарь

**Что у тебя в руках?
Кто ты, чтоходишь так бесцеремонно?**

Дерцет

Меня зовут Дерцетом. Я из войск

Антония. Он больше всех достоин
Был лучшей службы и, пока был жив,
Был господином мне. С его врагами
Я дрался, жизни не щадя. Возьми
Меня на службу, если можно. Буду
Тебе слугой таким же. Если ж нет,
Вот жизнь моя.

Цезарь
Что значат эти речи?

Дерцет
Антоний умер, Цезарь, вот их смысл.

Цезарь
Обвал такого тела был бы громче.
Землетрясенье зашвырнуло б львов
На улицы, а горожан в пустыни.
Антониева смерть не что-нибудь, —
Полмира заключало это имя.

Дерцет
И все ж он умер, Цезарь, но конец
Нашел не от секиры правосудья,
Не нож наемного убийцы, нет, —
Рука, мечом вписавшая в скрижали
Деянья славы, в сердце обрела
Решимость уничтожить это сердце.

Вот меч его, торчавший в ране. Он
Весь обогрен его бесценной кровью.

Цезарь

Вы опечалены, мои друзья?
Клянусь, здесь есть над чем царям поплакать.

Агриппа

Как часто нам приходится жалеть
О том, чего мы сами добивались.

Меценат

Он уравнил хорошее с дурным.

Агриппа

Едва ль бывало ярче дарованье.
Но боги, чтобы сделать нас людьми,
Пороками нас наделяют. Цезарь
Волнуется.

Меценат

Я думаю! Пред ним
Вместительное зеркало, и в раме
Вся жизнь его.

Цезарь

Антоний, я довел
Тебя до этого? Но мы ведь режем

Болячки на себе. Один из нас
Был должен рухнуть на глазах другого.
Вдвоем на свете мы б не ужились.
И все ж кровавыми слезами сердца
Теперь я плачу, брат, советник, друг,
Помощник мой в великих начинаньях,
Товарищ в битвах, правая рука
И сердце, чьим огнем мое горело, —
О том, что наши судьбы разделил
Неумолимый рок. Я покажу вам, —

Входит египтянин.

А впрочем, после. Расспрошу сперва
Гонца, хотя с каким он порученьем,
Сейчас же видно по его лицу.
Откуда будешь ты?

Е г и п т я н и н

Я родом бедный
Египтянин. Владычица моя,
Укрывшись в склепе (все, что ей осталось),
Заблаговременно желает знать,
Что ты назначил ей, чтоб быть готовой.

Ц е з а р ь

Пусть успокоится. Ей сообщат
На днях, каким почетом и довольством

Хотим обставить мы ее. Нельзя
Быть Цезарем и совершать жестокость.

Е г и п т я н и н

Спасибо, Цезарь.

(Уходит.)

Октавий Цезарь. Античная статуя

Ц е з а р ь

Слушай, Прокулей.
Скажи, что унижать ее не будут.

Добейся, чтоб она любой ценой
Пришла в себя, привыкла к положенью
И на себя не наложила рук.
Ведь пребыванье Клеопатры в Риме
Увековечит наше торжество.
Немедленно ступай и возвращайся.
Я знать хочу, что говорит она
И думает.

Проклей

Я все исполню, Цезарь.

(Уходит.)

Цезарь

Иди с ним, Галл.

Галл уходит.

А Долабелла где?

Пусть тоже им поможет.

Все

Долабелла!

Цезарь

Оставьте. Вспомнил. Я его услал.
Он занят делом и сейчас вернется.
Пойдем ко мне в палатку. Я хочу
Вам показать, как, вопреки желанью,
Войну мне навязали и с каким

Терпением уступал я в переписке.
Пойдем. Взгляните.

Уходят.

Сцена 2

Александрия. Гробница.

Входят Клеопатра, Хармиана и Ира.

Клеопатра

Моя тоска немного улеглась.
Быть Цезарем не столь большая важность.
Ведь он не бог судьбы, а раб судьбы,
Ее слуга. Величье только в шаге,
Которым прекращают все дела,
Приостанавливают перемены
И после спят и спят, забыв навек
Вкус соски, одинаково вскормившей
Царей и нищих.

К дверям гробницы подходят Прокулей и Галл со стражею.

Прокулей

Цезарь шлет привет
Египетской владычице и просит
Узнать, чего ты хочешь от него.

Клеопатра

Как ты зовешься?

Прокулей

Прокулей.

Клеопатра

Антоний

Мне называл тебя и говорил,
Чтоб я тебе доверилась. Однако,
С тех пор как безразличен мне обман,
Я не нуждаюсь в правде. Если ж Цезарь
Просительницей хочет увидеть
Перед собой царицу, то напомню,
Что венценосцам совестно просить
Чего-нибудь, что было б меньше царства.
Пусть Цезарь сыну моему вернет
Египет. За возврат моих имуществ
Я перед ним колени преклоню.

Прокулей

Твой жребий отдан в царственные руки.
Без страха им доверься. Господин
Так полон милости, что изливает
Ее на всех, кому нужда. Позволь
Изобразить ему твою покорность,
И ты в нем победителя найдешь,
Который будет сам просить о праве
Служить тебе, не дожидаясь просьб.

К л е о п а т р а

Скажи ему, что я беспрекословно
Передаю ему свои права.
Я каждый час учусь повиновенью
И жажду увидеть его в лицо.

П р о к у л е й

Я это передам, не беспокойся.
Я знаю, как несносно для него
Быть поводом для стольких огорчений.

Г а л л

Ты видишь, как легко ее схватить.

Прокулей с двумя legionерами
влезает в окно гробницы по прислоненной лестнице
и становится позади Клеопатры. Остальные legionеры
отодвигают засовы и отворяют двери.

Стеречь, покамест не прибудет Цезарь.

(Уходит.)

И р а

Венчанная царица!

Х а р м и а н а

Ты в плену,
О Клеопатра!

К л е о п а т р а

Ну проворней, руки!

(Вынимает кинжал.)

П р о к у л е й

(хватает и обезоруживает ее)

Стой, стой, царица, не увечь себя!

Тебя не предают, а выручают.

К л е о п а т р а

Ты в смерти мне отказываешь, в том,

Чем мы собак спасаем от мучений?

П р о к у л е й

Не убивай себя. Не клеветщи

На Цезарево обращение. Люди

Должны увидеть блеск его души,

А твой конец посеет кривотолки.

К л е о п а т р а

О, где ты, смерть? Сюда, скорей сюда!

Ты губишь бедняков и малолетних,

А вот тебе царица!

П р о к у л е й

Перестань.

К л е о п а т р а

Я перестану есть и пить, и если
Нужда в словах, я перестану спать.
Но я разрушу этот бранный остов,
Что б Цезарь ни предпринимал.

Рабой

Я при его дворе не буду. Глупой
Октавии учить себя не дам
Немым укором глаз. А вы решили,
Что я покорно стану у столба
На поруганье грубой римской черни?
Нет, лучше дома пруд какой-нибудь,
Иль голый в тину, мухам на съеденье.
Нет, лучше на одну из пирамид
Родной земли быть вздернутой в оковах.

П р о к у л е й

Тебе причины Цезарь не давал
В грядущем рисовать такие страхи.

Входит Д о л а б е л л а.

Д о л а б е л л а

Как вы тут действовали, Прокулей,
Известно Цезарю. Он вызывает
Тебя к себе, а мне велел стеречь
Царицу.

Прокулей

Превосходно, Долабелла.
Будь с нею добр.

(Клеопатре.)

Я Цезарю скажу
Охотно все, что ты ни пожелаешь.

Клеопатра

Скажи, что я желаю умереть.

Прокулей с легионерами уходят.

Долабелла

Ты не слыхала обо мне, царица?

Клеопатра

Не помню.

Долабелла

А должна была б слыхать.

Клеопатра

Что я слыхала или нет, неважно.
Ты сновидений женщин и детей
Не станешь слушать.

Долабелла

Я не понимаю.

К л е о п а т р а

Мне снилось, был Антоний государь.
Еще один бы сон такой, чтоб снова
Такого человека увидеть!

Д о л а б е л л а

Позволь сказать...

К л е о п а т р а

Его лицо сияло,
Как лик небес, и солнце и луна
Свершали оборот и освещали
Кружок земли, как маленькое "о".

Д о л а б е л л а

Венчанная красавица...

К л е о п а т р а

Ногами

Переступал он океан. Рукой
Он накрывал вселенную, как шлемом.
Казался голос музыкаю сфер,
Когда он разговаривал с друзьями,
Когда ж земной окружности грозил,
Гремел, как гром. Он скупости не ведал,
Но, словно осень, рассыпал дары
И никогда не превращался в зиму.
Забавы не влекли его на дно,

Но выносили наверх, как дельфина.
Двором ему служил почти весь свет.
Как мелочью, сорил он островами
И царствами.

Д о л а б е л л а
Владычица...

К л е о п а т р а
Скажи,
Был или мыслим кто-нибудь на свете,
Как человек, который снился мне?

Д о л а б е л л а
Нет, Клеопатра.

К л е о п а т р а
Лжешь, и лжешь безбожно:
Он жил, он жил! Но жизнь его средь нас
Мелькнула без следа, как сновиденье.
Природе не хватает вещества,
Чтобы с мечтой соперничать. Однако,
Придумавши Антония, она
Воображенье перещеголяла.

Д о л а б е л л а
Как весь твой путь, царица, велика
Твоя утрата. Сообразно горю

И держишь ты себя. Я не хочу
Преуспевать, так больно отдается
Печаль твоей души в моей душе.

К л е о п а т р а

Благодарю. Как Цезарь полагает
Распорядиться мной?

Д о л а б е л л а

Стыжусь сказать,
Но я б хотел, чтоб ты узнала это.

К л е о п а т р а

Нет, все-таки.

Д о л а б е л л а

Как он ни милосерд...

К л е о п а т р а

Он хочет показать меня при въезде?

Д о л а б е л л а

Да, государыня. Так решено.

Трубы в отдаленье.

Г о л о с а з а с ц е н о й

Дорогу Цезарю!

Входят Цезарь, Галл, Прокулей, Меценат,
Селевк и свита.

Цезарь

Кто здесь царица?

Долabella
(Клеопатре)

Вот император.

Клеопатра становится на колени.

Цезарь

Встань, не падай ниц.

Встань, я прошу, владычица Египта.

Клеопатра

Так боги рассудили, государь,
Мой долг склониться пред тобой, властитель.

Цезарь

Отбрось предубежденья. Я готов
Случайностью считать твои поступки,
Хоть мысль о них обидна и сейчас.

Клеопатра

Единственный властитель мира, поздно
Оправдываться. Каюсь, я всегда
Страдала всеми слабостями пола.

Цезарь

Мы будем закрывать на них глаза,
А не копаться в прошлом, Клеопатра.
И если ты не будешь восставать,
Сама благословишь ты дружелюбие
Решений наших и свою судьбу.
Когда ж пойдешь на крайность, как Антоний,
И бросишь тень злодейства на меня,
То ты лишишь себя благодеяний
И на детей накличешь ту беду,
Которую бы я отвел. На этом
Позволь расстаться нам. Я удалюсь.

Клеопатра

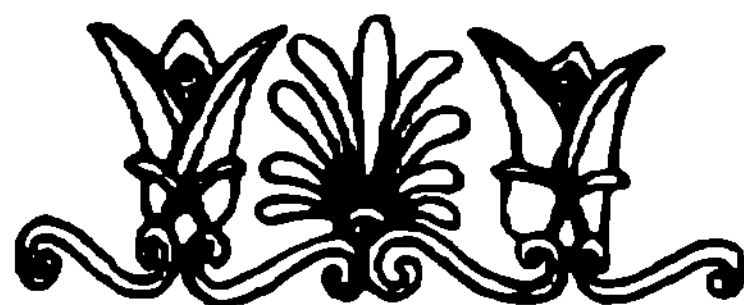
Хотя на край земли. Твои владенья
Теперь — весь мир. Другое дело мы.
Нас, доказательства своей победы,
Расставь, где хочешь, как щиты вдоль стен.
Вот, Цезарь, здесь...

Цезарь

О нуждах Клеопатры
Сама сносись со мной.

Клеопатра

Вот, Цезарь, здесь
Обзор сокровищ, денег и посуды

В моем владенье. В опись внесено
Все до иголки. Где Селевк?

С е л е в к

Царица?

К л е о п а т р а

Вот мой казнохранитель, государь.
Он подтвердит тебе под страхом смерти,
Что я не утаила ничего.
Не правда ли, Селевк?

С е л е в к

Под страхом смерти
Я лучше бы лишился языка,
Чем говорить неправду.

К л е о п а т р а

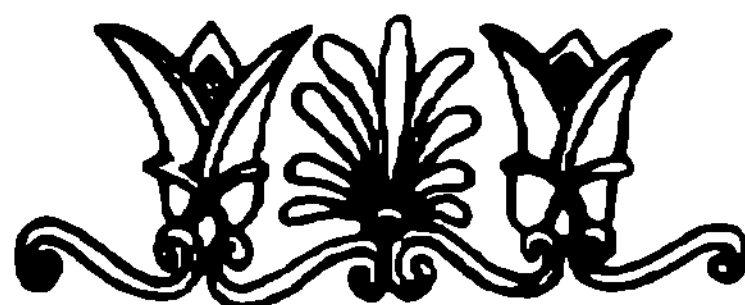
Что ж я скрыла?

С е л е в к

Достаточно, чтоб список откупить.

Ц е з а р ь

Не приходи в смущенье, Клеопатра,
Твое благоразумье я хвалю.

К л е о п а т р а

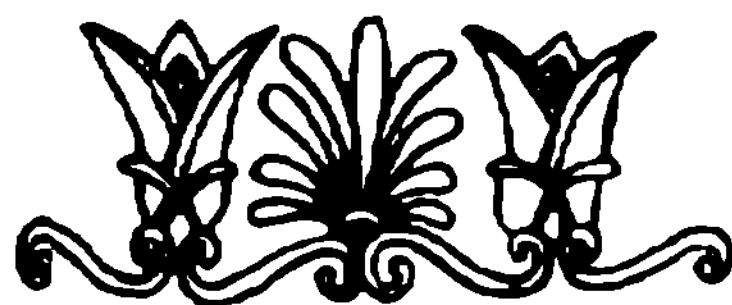
Как притягательно величье, Цезарь!
Мои теперь твои, а изменись
Судьба опять, твои моими б стали.
О, как меня выводит из себя
Неблагодарность этого Селевка!
Отродье рабье, верности в тебе,
Как в покупной любви! Ты на попятный?
Что ж, паться, паться. Я твои глаза,
Подлец, настигну, будь у них хоть крылья.
Собака, раб, бездушный негодяй!
Какая низость!

Ц е з а р ь

Погоди, царица.

К л е о п а т р а

Нет, Цезарь, стыд какой! В тот миг, когда
Ты делаешь мне честь своим приходом,
Слуга мой множит горести мои
В твоем присутствии таким позором.
Пускай я скрyla несколько вещей
На память людям. Пусть из безделушек,
Что поценнее, отложила в дар
Октавии за будущую помощь.
Меня ль, однако, обличать змее,
Которую сама я отогрела?

Все ниже, ниже, боги, я качусь,
И нет конца паденью.

(Селевку.)

Убирайся.

Еще есть искры в пепле мук моих.
Когда б ты был мужчина, а не евнух,
Ты б пожалел меня.

Цезарь

Ступай, Селевк.

Селевк уходит.

Клеопатра

Мы, венценосцы, терпим нареканья
За промахи других. Вот почему
Нас предают при нашем отреченье
Так безнаказанно.

Цезарь

Ни тех вещей,
Которые ты скрыла, Клеопатра,
Ни тех, что в списке, мы не поместим
В число добычи. Пользуйся, как знаешь,
Своим богатством. Цезарь, согласись,
Ведь не разносчик, чтобы торговаться
О купленном и проданном. Взгляни
На все светлей. Освободись от власти

Угрюмых мыслей. Помни, что с тобой
Поступят так, как ты сама укажешь.
Спокойно ешь и спи. Ты у друзей
И предоставь себя их попеченью.
Теперь прощай.

К л е о п а т р а

Мой господин! Мой царь!

Ц е з а р ь

Не надо. Встань. Прощай.

Трубы. Цезарь со свитой уходит.

К л е о п а т р а

Как он виляет,
Как он юлит, чтоб оплести меня!
Не тут-то было. Слушай, Хармиана.

(Шепчется с Хармианой.)

И р а

Кончай, царица. День наш миновал.
Смеркается.

К л е о п а т р а

Скорее возвращайся.
Все сделано уже. Он подряжен.
Поторопи его.

Х а р м и а н а

Сейчас, царица.

Возвращается Д о л а б е л л а.

Д о л а б е л л а

Где Клеопатра?

Х а р м и а н а

Видишь, вот она.

К л е о п а т р а

Что, Долабелла?

Д о л а б е л л а

Для меня святыня

Твои веленья. Я пришел сказать:

День выезда назначен. Цезарь едет

Через Сирию. Тебя пошлют с детьми

Через три дня вперед. Построй

на этом

Свои расчеты. Я исполнил все,

Что обещал тебе и ты просила.

К л е о п а т р а

Я буду, Долабелла, пред тобой

Навек в долгу.

Д о л а б е л л а

А я твоим слугою.
Прощай, моя царица. Мне в конвой
При Цезаре.

К л е о п а т р а

Прощай и ты. Спасибо.

Долабелла уходит.

Как это, Ира, нравится тебе?
Теперь ты что! Игрушка из Египта,
Чтоб тешить Рим. Ремесленники, сброд
В засаленных передниках, с линейкой
И молотком, соорудят помост,
Чтоб нас виднее было. Нам придется
Дышать отрыжкой дурных харчей
И грязным потом.

И р а

Да избавят боги!

К л е о п а т р а

Нет, это будет так наверняка.
Нас будут лапать, как публичных женщин,
Невежи-ликторы и бичевать
Паршивцы-рифмоплеты, а актеры
Изобразят александрийский пир.

Антоний будет выведен под мухой,
А желторотый рядовой пискун
Представит жизнь царицы Клеопатры
В игривых сценах.

И р а

Да предохранят
Нас всеблагие!

К л е о п а т р а

Можешь мне поверить.

И р а

Я не увижу этого. На то
Глаза мои ногтям уступят в силе.

К л е о п а т р а

Вот именно. Вот средство без труда
Расстроить их дурацкие расчеты.

Возвращается Х а р м и а н а.

Ну, Хармиана? Милые мои,
Теперь меня по-царски уберите.
Все лучшее наденьте. Это Кидн,
Я вновь плыву Антонию навстречу.
Вот, Ира, значит как. Мы не шутя
Кончаем счета с жизнью, Хармиана.

Последний раз еще похлопочи,
А там гуляй хоть до скончанья века.
Пожалуйста, корону мне и жезл.

Ира уходит. Шум за сценой.

Что там за шум?

Входит часовой.

Ч а с о в о й

Какой-то поселянин
С корзиной винных ягод. Пристает, —
Впусти его во что бы то ни стало.

К л е о п а т р а

Впусти его.

Часовой уходит.

Как незатейлив вид
У помощи. Он мне принес свободу.
Все выяснено. Женского во мне
Нет больше ничего. Я вся как мрамор.
Теперь непостоянная луна
Не из моих планет.

Входят часовой и поселянин с корзиной.

Ч а с о в о й

Вот поселянин.

К л е о п а т р а

Ступай, оставь нас.

Часовой уходит.

Хорошенькая змейка при тебе,
Которая без боли убивает?

П о с е л я н и н. При мне, при мне. Только, мой совет, лучше ее не трогать. Кусается она, — не шутит. Которые умирали, редко или никогда не поправлялись.

К л е о п а т р а. Помнишь ли ты кого-нибудь, кто умер бы от нее?

П о с е л я н и н. А как же, и мужчин и женщин. Да вот не дальше как вчера. Безусловно честная, завирающая женщина и тоже укушенная, рассказывает без утайки, как она померла и что чувствовала. Одним словом, полная и добросовестная точка зрения о змее. А там кто ее знает. Всему верить, — вполовину всегда будешь в дураках. Одно, можно сказать, не подлежит сомнению: змея она называется, змея и есть.

К л е о п а т р а. Можешь идти. Прощай.

П о с е л я н и н. Пожелаю тебе от змеи всякой радости.
(Ставит корзину на пол.)

К л е о п а т р а. Прощай.

П о с е л я н и н. Берегись смотри. Змея тиха до поры, а нет-нет да и покажет себя.

К л е о п а т р а. Да, да. Прощай.

П о с е л я н и н. Одно дело, понимаешь ты, змея в толковых руках, а то что хорошего в ней, в змее?

К л е о п а т р а. Не беспокойся. Мы присмотрим.

П о с е л я н и н. Ничего ей не давай. Не стоит она корма.

К л е о п а т р а. А меня она не съест?

П о с е л я н и н. Что ж ты думаешь, я такой дурак? Небось бабой сам черт подавился, а ты говоришь, она тебя съест. По-настоящему женщина есть пища богов, если только не подгадит дьявол. Наказанье богам с этими сукиными детьми, с чертями. Обязательно из каждого женского десятка пять перепортят.

К л е о п а т р а. Хорошо. Теперь ступай. Прощай.

П о с е л я н и н. И правда, пора. Пожелаю тебе от змеи всякой радости. (Уходит.)

Возвращается И р а с мантией, короной и прочим.

К л е о п а т р а

Подай мне мантию, надень венец.

Я вся объята жаждою бессмертья.

Ах, больше этих губ не освежит

Букет египетского винограда.

Скорей, скорее, Ира! Мне пора.

Я чувствую, меня зовет Антоний.

Он просыпается, чтоб похвалить

Меня за доблесть. Он смеется. Боги, —

Он говорит, — шлют Цезарю успех,

Чтобы отнять его потом в возмездье.

Иду к тебе, супруг мой. Зваться так

Дает мне право беззаветность шага.

Я воздух и огонь. Другое все

Я оставляю праху. Вы готовы?
Вот губ моих последнее тепло.
Пора прощаться. Ира, Хармиана.

(Целует их. Ира падает и умирает.)
Тебя свалил мой поцелуй? Ужель
В нем яд змеи? Твое прощанье с жизнью,
Как страстное свидание с концом,
Где мука перемешана с блаженством.
Но ты молчишь. Не стоит этот свет
Прощальных слез и проводов.

Х а р м и а н а

Излейся,
Седая туча, проливным дождем,
Чтоб можно было думать, — боги плачут.

К л е о п а т р а

Я оказалась во втором ряду.
Ее увидит первою Антоний,
Успеет расспросить про все и даст
Тот поцелуй, которого я жажду,
Как неба.

(Обращаясь к змее, которую она прикладывает к груди.)

Ну, разбойница моя,
Разрежь своими острыми зубами
Тугой житейский узел. Разозлись
И действуй. Что же ты не свирепеешь?

Ах, дурочка, будь речь тебе дана,
Ты Цезаря ослом бы обозвала.

Х а р м и а н а

Звезда Востока!

К л е о п а т р а

Тише. Не буди
Младенца на моей груди, который
Сосаньем мамку насмерть усыпит.

Х а р м и а н а

Разбейся, сердце, о, разбейся, сердце!

К л е о п а т р а

Бальзам! Блаженство! Совершенный воздух!
Антоний!.. Я другую приложу.

(Прикладывает к руке другую змею.)
Что медлить мне...

(Умирает.)

Х а р м и а н а

...В постылом этом мире?
Да, да, прощай. Гордиться можешь, смерть,
Ты овладела лучшею из женщин.
Спуститесь, веки, занавески глаз,
В наш сумрак солнце больше не заглянет.

Корона сбилась набок. Укреплю
И соберусь в дорогу.

Вламывается охрана.

Первый часовой
Где царица?

Хармиана
Молчи,— разбудишь.

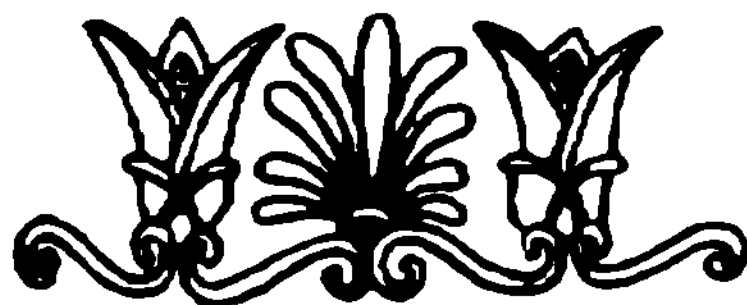
Первый часовой
Цезарь приказал...

Хармиана
Но опоздал приказом.
(Прикладывает к себе змею.)
Ну, проворней.
Я, змейка, еле чувствую тебя.

Первый часовой
Сюда! Измена! Здесь нечисто что-то.

Второй часовой
Пошли за Долабеллой. Он внизу.

Первый часовой
Скажи чистосердечно, Хармиана,
Годится ли с людьми так поступать?

Хармиана

Годится. И особенно царице
С такими венценосцами в роду.
Ах, ах, солдат!

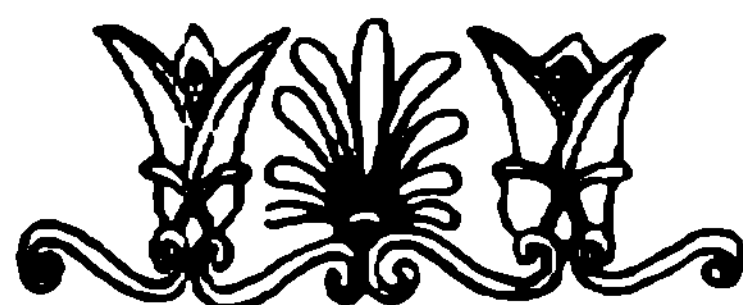
(Умирает.)

**Смерть Антония и Клеопатры.
Посмертный неоконченный эскиз В.Каульбаха
Возвращается Д о л а б е л л а.**

Д о л а б е л л а

Что здесь у вас?

Второй часовой**Три смерти.****Долабелла**

Как в опасеньях, Цезарь, ты был прав!
Сейчас, войдя, ты встретишься с тем самым,
Что всею силой думал отвратить.

Голоса за сценой**С дороги! Цезарь! Цезарю дорогу!****Возвращается Цезарь со свитой.****Долабелла**

Какой ты предсказатель, государь!
Чего ты опасался, совершилось.

Цезарь

Порыв решимости. Она прочла
Все наши мысли и пошла по-царски
Своим путем. Как умерли они?
На них нет крови.

Долабелла**Кто входил последний?****Первый часовой**

К ним приходил крестьянин. Он принес
Им винных ягод. Вот его корзина.

Цезарь

А, значит, отравились.

Первый часовой

Только что

Была живою эта Хармиана.

Стояла, говорила. Я вошел, —

Она венец на мертвой поправляла.

Как вдруг упала.

Цезарь

Так могуча скорбь.

Когда бы яд был ими внутрь проглочен,

У них тела бы вспухли, а у ней

Вид безмятежно спящей, — искушенье

Для нового Антония, с такой

Небрежной красотой она забылась.

Долабелла

Вот на груди у ней кровоподтек

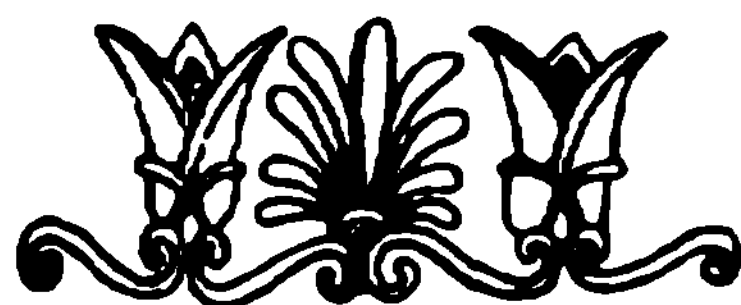
И опухоль. И на руке вторая.

Первый часовой

Следы змеи. А вот на листьях слизь,

Какую оставляют эти змеи

В пещерах Нила.

Цезарь

От змеи она
И умерла. Мне врач ее придворный
Рассказывал. Царица без конца
Справлялась о легчайшем роде смерти.
Поставьте на виду ее постель
И вынесите девушек из склепа.
Мы похороним рядом их, ее
С Антонием, и на земле не будет
Могины со славнейшею четой.
События вроде этих поражают
И тех, кто в них виновен. Судьбы жертв
В потомстве будят то же уважение,
Как победители. Войскам моим
Идти за гробом и отсюда — в Рим.
Надзор за скорбным шествием к могиле
Мы Долабелле поручить решили.

Уходят.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

“Король Лир”

Сказание о короле Лире и его дочерях принадлежит к числу древнейших легендарных преданий Британии. Ее первая литературная обработка была сделана английским летописцем Джефффри Монмутским, изложившим ее в своей латинской “Истории Британии” (1135). У него заимствовал ее Лайамон и пересказал на английском языке в поэме “Брут” (ок. 1200). Дальнейшие пересказы предания о Лире встречаются в стихотворных хрониках Роберта Глостерского (ок. 1300), Роберта Маннинга (1338), Джона Хардинга (1450) и в прозаических хрониках Роберта Фабиана (1516), Джона Растела (1530), Ричарда Графтона (1568) и, наконец, в знаменитых “Хрониках” Р.Холиншеда (1577). Этим, однако, литературная история сюжета не ограничивается. Аналогичный рассказ содержится в средневековом сборнике “Римские деяния”. К этому сюжету неоднократно обращались английские поэты эпохи Возрождения. Вариант истории Лира мы находим в одной из частей коллективной поэмы “Зерцало правителей” (1574), где рассказ дан в поэтической обработке Джона Хиггинса. О Лире повествует и Уорнер в поэме “Англия Альбиона” (1586), а также величайший из поэтов английского Возрождения Эдмунд Спенсер в своей “Королеве Фей” (1590, книга II, песнь 10). Прозаический пересказ легенды был сделан также в эпоху Шекспира историком Уильямом Кемденом (1605).

Один из предшественников Шекспира написал пьесу, которая в мае 1594 года была зарегистрирована в Палате книготорговцев под названием “Прославленная история Лира, короля Англии, и его трех дочерей”. Вышла ли книга, неизве-

стно, ни один экземпляр этого предполагавшегося издания не сохранился. В мае 1605 года в Палате книготорговцев была сделана новая запись о готовившейся публикации пьесы под названием “Трагическая история короля Лира и его трех дочерей”. В конце года книга вышла в свет со следующим обозначением на титульном листе: “Подлинная хроника об истории короля Лира и его трех дочерей, Гонориллы, Реганы и Корделлы, как она многократно исполнялась в недавнее время”. Полагают, что в обоих случаях регистрации имелась в виду одна и та же пьеса. Она шла в театре Роза впервые в апреле 1594 года. Автор дошекспировской пьесы о Лире остался неизвестен. Текст этой пьесы сохранился, и это дает возможность сравнить ее с трагедией Шекспира.

Текст шекспировского “Короля Лира” дошел в двух вариантах. Первое издание появилось при жизни драматурга, в 1608 году, с пространным заглавием: “Г-н Уильям Шекспир: его правдивая хроника об истории жизни и смерти короля Лира и его трех дочерей, с несчастной жизнью Эдгара, сына и последнего наследника графа Глостера, принявшего мрачный облик Тома из Бедлама, как это игралось перед его королевским величеством в ночь на св. Стефана во время рождественских праздников слугами его величества, обычно выступающими в “Глобусе” на Бенксайде в Лондоне”.

Сохранилось второе издание пьесы, также датированное 1608 годом. Однако исследователи установили, что это было более позднее издание, относившееся к 1619 году, которое типографщик датировал 1608 годом, так как напечатал его незаконно, в обход прав издателя первого кварто. Данный текст повторяет текст кварто 1608 г., добавляя к опечаткам первого издания большое количество новых ошибок. Тексто-логического значения второе кварто не имеет.

Наконец, трагедия была напечатана в фолио 1623 г. Сравнение текстов показывает, что quarto содержит около 300 строк, отсутствующих в фолио, тогда как около 100 строк, имеющих в фолио, отсутствуют в quarto. Существуют многочисленные гипотезы, предложенные шекспироведами для объяснения различий между текстами quarto и фолио. Сокращения в тексте фолио, по мнению большинства исследователей, свидетельствуют о том, что это сценический вариант трагедии. Но и quarto 1608 г. носит явные следы того, что перед нами текст, игравшийся на сцене. Качество текста 1608 г., однако, таково, что его едва ли можно считать подлинным и точным. Уже давно возникло предположение, что quarto представляет собой стенографическую запись спектакля. В недавнее время была выдвинута гипотеза о том, что текст quarto восстановлен был по памяти актерами, которые, находясь в гастрольной поездке, решили поставить пьесу, рукопись которой они не захватили с собой. Не входя в обсуждение вопроса о природе первого quarto, укажем, что как раньше, так и теперь основой текста принято считать вариант фолио, дополняемый отдельными местами по quarto 1608 г.

Для датировки трагедии Шекспира приходится опираться лишь на внутренние показания самого текста. В нескольких местах Шекспир воспользовался книгой Харснета “Разоблачение отъявленных папистских обманов”, опубликованной в 1603 году. Из нее заимствованы имена дьяволов, называемые Эдгаром, когда он представляется безумным. Отсюда возникает вывод, что пьеса написана после 1603 года. С другой стороны, на титуле quarto 1608 г. сказано, что пьеса исполнялась при дворе в ночь на св. Стефана. В каком же году это было? Во всяком случае, не в самом 1608 году. И не в 1607, ибо издание было зарегистрировано в Палате книготорговцев

в ноябре 1607 года, то есть до рождественских праздников, когда состоялся придворный спектакль. Период возникновения пьесы сужается; она была создана между 1603—1606 годами. Дальнейшее уточнение даты делается на основании того места трагедии, где Глостер говорит о “недавних затмениях солнца и луны” (I, 2). В сентябре 1605 года произошло затмение луны, а в октябре 1605 — затмение солнца. В результате получается возможность довольно точной датировки трагедии 1605—1606 годами.

Обратимся теперь к вопросу об источниках трагедии. Какими из многочисленных произведений, названных выше, воспользовался Шекспир при создании “Короля Лира”? Сравнительный анализ, произведенный исследователями, убеждает в том, что Шекспир воспользовался для основной линии сюжета, во-первых, пьесой своего предшественника, но он также использовал кое-что из рассказа о Лире в “Хрониках” Холиншеда, а отдельные детали взял из поэмы Спенсера “Королева Фей”. Вторая сюжетная линия — история Глостера и его сыновей — заимствована Шекспиром из романа Сиднея “Аркадия” (напечатанного в 1590 г.)

Известно, что Л. Толстой в своей статье “О Шекспире и о драме”, “ниспровергая” Шекспира, утверждал, будто ранняя пьеса о Лире превосходит трагедию великого драматурга как по своим художественным достоинствам, так и по нравственному значению. Для полемики с этим мнением здесь нет места, да и нет необходимости, но вопрос о соотношении между двумя пьесами представляет несомненный интерес.

Прежде всего бросается в глаза различие между финалами двух пьес. У предшественника Шекспира он благополучный: Лир снова становится королем, и Корделла остается в живых. Шекспир завершает трагедию гибелью Лира и Кор-

делии. Но гибель Корделии не была придумана Шекспиром. В поэме Спенсера “Королева Фей” Корделия, заключенная вместе с Лиром в тюрьму, кончает самоубийством. Оставляя в стороне второстепенные различия, укажем лишь на следующие: 1) ни в пьесе предшественника, ни в одном из стихотворных и прозаических рассказов нет второй линии действия, введенной Шекспиром (Глостер и его сыновья); 2) Шекспиром снят эпизод, в котором изображается намерение Реганы убить отца; 3) в старой пьесе Кент (Перилл) не изгоняется королем, он сопровождает его, не прибегая к переодеванию, как у Шекспира; 4) король французский не появляется в конце пьесы у Шекспира; 5) в пьесе предшественника Шекспира нет образа шута; 6) мотив безумия Лира введен Шекспиром.

Как мелкие, так и крупные перемены в фабуле уже придавали иной характер пьесе Шекспира по сравнению с произведением его предшественника. Но дело было не только в сюжетных мотивах. Иначе предстают у Шекспира характеры персонажей и, в первую очередь, самого Лира. Более глубокая психологическая мотивировка сочетается у Шекспира со значительными социально-философскими идеями, на которые нет и намека в ранней пьесе. Она представляет собой довольно откровенную дидактическую драму на тему об обязанностях детей по отношению к родителям. Содержание трагедии Шекспира значительно шире этой темы.

“Король Лир” признан наряду с “Гамлетом” вершиной трагического у Шекспира. Мера страданий героя превосходит здесь все, что выпадало на долю тех, чьи трагедии были изображены Шекспиром как до, так и после этого произведения. Но не только сила трагического напряжения отличает эту драму. Она превосходит другие творения Шекспира своей широтой и подлинно космической масштабностью.

Пожалуй, нигде творческая смелость Шекспира не проявилась с такой мощью, как в этом творении его гения. Мы ощущаем это в языке трагедии, в речах Лира, в поэтических образах, превосходящих смелостью все, что мы до сих пор встречали у Шекспира. Но смелость и оригинальность языка — лишь одно из проявлений гения художника. “Есть высшая смелость, — писал Пушкин, — смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческой мыслию, — такова смелость Шекспира, Dante, Milton’a, Гете в Фаусте, Мольера в Тартюфе”. Композиция “Короля Лира” отличается именно такой смелостью. Различные линии многопланового сюжета трагедии охвачены единой творческой мыслью.

Как и в “Отелло”, в “Короле Лире” нет никаких сверхъестественных элементов. Действие происходит в реальном мире, и в него не вторгаются пришельцы из мира потустороннего. Но по сравнению с “Отелло” масштаб действия здесь шире. В венецианской трагедии в центре действия — личная драма и, хотя она имеет глубокие социальные корни, эти последние несколько скрыты от взора. Причины трагедии отведены на задний план действия, они таятся в Венеции, составляющей фон для основного действия, замкнутого в кругу взаимоотношений двух-трех лиц. В “Короле Лире” личные, семейные отношения и есть одновременно отношения общественные. Общество здесь не фон, а поле действия, а фоном для человеческих драм, происходящих в нем, является обширное царство природы. Именно это и придает большую масштабность трагедии. В то время как люди переживают душевные бури, страшные грозы происходят и в природе. Вся жизнь вздыблена, весь мир сотрясается, все потеряло устойчивость, нет ничего прочного, незыблемого. По этой земле, сотрясаемой страшными толчками, под небом, обрушиваю-

щим потоки из своих хлябей, живут и действуют персонажи трагедии. Они подхвачены вихрем стихий, бушующих в них самих и вовне.

Образ бури, грозы является доминирующим в трагедии. Ее действие — это череда потрясений, сила и размах которых возрастают с каждым разом. Сначала мы видим семейную дворцовую драму, затем драму, охватившую все государство, наконец, конфликт перехлестывает за рубежи страны и судьбы героев решаются в войне двух могучих королевств.

Такие потрясения должны были долго назревать. Но мы не видим, как собирались тучи. Гроза возникает сразу, с первой же сцены трагедии, когда Лир проклинает младшую дочь и изгоняет ее, а затем порывы вихря — вихря человеческих страстей — охватывают всех действующих лиц и перед нами возникает страшная картина мира, в котором идет война не на жизнь, а на смерть, и в ней не щадят ни отца, ни брата, ни сестры, ни мужа, ни старческих седи, ни цветущей молодости.

Участники трагедии занимают высокое положение в государственной иерархии. Борьба между ними могла ограничиться конфликтами морально-политического характера, как в хрониках Шекспира. И это тем более могло быть так, ибо сюжет о Лире включен Холиншедом в его летописи исторических судеб Англии. В критике были попытки толковать трагедию с точки зрения политической морали. Причину несчастий Лира объясняли тем, что он хотел повернуть колесо истории вспять, разделив единое централизованное государство между двумя властителями. В доказательство проводили параллель между “Королем Лиром” и первой английской ренессансной трагедией “Горбодук”, политическая мораль которой действительно состояла в утверждении идеи государственного единства.

В трагедии Шекспира этот мотив есть, но он отодвинут в сторону. Не о разделе страны написал Шекспир, а о разделении общества. Государственно-политическая тема подчинена более обширному замыслу.

Это и не семейная драма, какой была анонимная дошекспировская драма о короле Лире и его дочерях. Тема неблагодарности детей играет большую роль и у Шекспира. Но она служит лишь толчком в развитии сюжета.

“Король Лир” — трагедия социально-философская. Ее тема не только семейные отношения, не только государственные порядки, но природа общественных отношений в целом. Сущность человека, его место в жизни и цена в обществе — вот о чем эта трагедия.

Нужно сразу сказать, что социальные отношения, для обозначения которых у нас выработались широко распространенные теперь понятия, на языке эпохи Шекспира выражались иначе, хотя бы уже потому, что общество его времени было сословным. Но общественные теории средних веков и эпохи Возрождения в чуждых нам терминах говорили о вещах, которые без труда переводятся на наш язык.

Одним из таких понятий тех времен была “природа”. В “Короле Лире” слово “природа” и производные от него встречаются свыше сорока раз.

С самого начала трагедии мы видим, что законы природы нарушены. Ключ к тому, что происходит в трагедии, дан в следующих словах Глостера: “Эти недавние затмения, солнечное и лунное! Они не предвещают ничего хорошего. Что бы ни говорили об этом ученые, природа чувствует на себе их последствия. Любовь остывает, слабеет дружба, везде братоубийственная рознь. В городах мятежи, в деревнях раздоры, во дворцах измены, и рушится семейная связь между родителя-

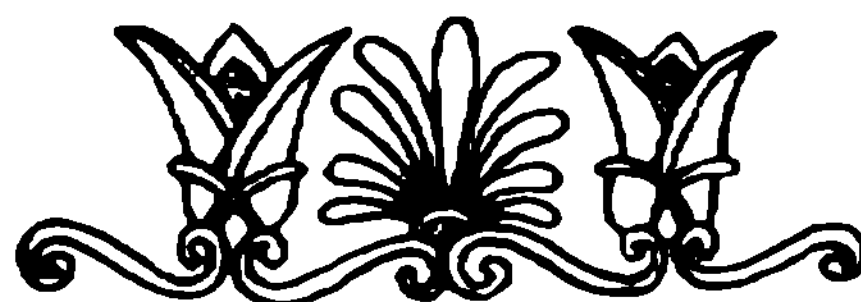

ми и детьми. Либо это случай, как со мною, когда сын восстает на отца. Либо как с королем. Это другой пример. Тут отец идет против родного детища. Наше лучшее время миновало. Ожесточение, предательство, гибельные порядки будут сопровождать нас до могилы” (I, 2).

“Природа” тяжело страдает, и мы видим подтверждение этого в картине полного распада всех естественных и общественных связей между людьми. Король Лир изгоняет дочь, Глостер — сына; Гонерилья и Регана восстают против отца, Эдгар обрекает своего отца на страшную казнь; сестры Гонерилья и Регана готовы каждая изменить своему мужу, и в порыве ревностного соперничества в борьбе за любовь Эдмунда Гонерилья отравляет Регану; подданные воюют против короля, Корделия идет войной против своей родины.

В “Отелло” мы видели трагедию хаоса в душе одного человека, в “Короле Лире” — трагедия хаоса, охватившего целое общество. Человеческая природа взбунтовалась против самой себя, и мудрено ли, что взбунтовалась природа, окружающая человека? Трагедия поэтому не может быть сведена к теме неблагодарности детей, хотя это и занимает значительное место в сюжете. Речь идет о большем — о том, что распались все устои, делавшие жизнь упорядоченной. В “Короле Лире” с самого начала можно видеть, как рушится всякий порядок. Может показаться, что виной этому безумное своеволие Лира. Но это не совсем так. Своеволье, которое мы наблюдаем в поведении Лира, свойственно всем действующим лицам трагедии.

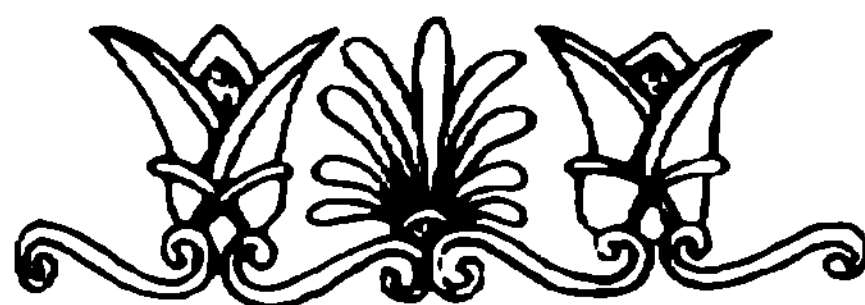
Существует мнение, будто в “Короле Лире” представлено общество, живущее по патриархальным законам, которые только начинают рушиться. На самом деле уже в начале перед нами мир, в котором сохранились только внешние при-

знаки патриархальности. Никто из действующих лиц уже не живет по законам патриархального строя. Никого из них не интересует общее, ни у кого нет заботы о государстве, каждый думает только о себе. Это ясно видно на примере старших дочерей Лира, Гонерильи и Реганы, готовых на любой обман, лишь бы получить свою долю королевских земель и власти. Эгоизм, сочетающийся с жестоким коварством, сразу же обнаруживает и незаконный сын Глостера — Эдмунд. Но не только эти люди, одержимые хищническими стремлениями, лишены патриархальных добродетелей покорности и повиновения. Благородный граф Кент обнаруживает неменьшую независимость, когда смело упрекает короля за неразумный гнев против Корделии. И сама Корделия своенравна и упряма, что проявляется в ее нежелании унижить свое личное достоинство не только лестью, но и вообще публичным признанием в чувствах, которые она считает глубоко интимными. Она не хочет участвовать в ритуале лести, затеянном королем Лиром, даже если ей это будет стоить не только наследства, но и любви Лира.

Коротко говоря, все действующие лица трагедии — индивиды с ясным сознанием личных интересов и целей. Это относится не только к главным персонажам, но и к таким третьестепенным фигурам, как, например, дворецкий Гонерильи Освальд и слуги Корнуола и Реганы. Освальд, наблюдая царивший вокруг хаос, рассчитывает, что и сам он сможет возвыситься. Что же касается слуг Корнуола и Реганы, то их независимость от господ проявляется в том, что, возмущенные их жестокостью по отношению к Глостеру, они открыто заявляют об этом, а один из слуг даже вступает в борьбу с Корнуолом и наносит ему смертельную рану.

Хотя все персонажи “Короля Лира” обладают феодаль-

ными титулами и званиями, тем не менее общество, изображаемое в трагедии, не является средневековым. За феодальным обликом скрывается индивидуалистическое нутро. При этом, как и в других произведениях Шекспира, новое самосознание личности имеет у действующих лиц трагедии два ясно выраженных направления. Одну группу персонажей составляют те, в ком индивидуализм сочетается с хищническим эгоизмом. В первую очередь это Гонерилья, Регана, Корнуол и Эдмунд. Из них Эдмунд выступает как выразитель жизненной философии, которой руководствуются все люди такого склада.

Эдмунд сродни всем другим представителям хищнического индивидуализма, изображенным Шекспиром. Он человек такого же характера, как Ричард III и Яго. Все они явные злодеи. Роднит их то, что каждый обделен природой или обществом. Эдмунд — незаконный сын, и, следовательно, ему не приходится рассчитывать на то, что жизненные блага и почетное положение в обществе достанутся ему по наследству, как его брату Эдгару, законному сыну Глостера. Его возмущает эта несправедливость. Он восстает против обычаев потому, что они не обеспечивают ему того места в жизни, какого он хотел бы достигнуть.

Выше было сказано, что понятие природы для Шекспира и многих его современников было связано с представлением об устойчивом миропорядке, и природа считалась воплощением естественных законов, объединяющих людей. Наряду с этим у Шекспира встречается и другое понимание природы, означающее нечто противоположное. Такой взгляд на природу, например, у Яго, который понимал под этим словом желания и аппетиты человека. Эдмунд всецело единомышленник Яго.

Упорядоченная природа, стройный миропорядок, покоящийся на естественных связях, то есть все то, что так дорого Глостеру, отвергается Эдмундом. Для него это (перевожу дословно) “чума обычая”. Для Эдмунда в этой системе природы не приготовлено места, он в ней пасынок, а не сын, в полном смысле слова “незаконнорожденный”.

Природа, которой он поклоняется, другая, она — источник силы, энергии, страстей, не поддающихся повиновению той, иной “природе”. Он не намерен отказываться от жизненных благ во имя подчинения существующим в обществе законам. Обычай лишает его, как незаконнорожденного, многих прав, но это несправедливо, ибо природа дала ему не меньше, а даже больше желаний — и энергии, чтобы удовлетворить их, — чем тем, кто от рождения имеет права на все (I, 2).

Яго считал человека “садом”, в котором каждый сам выращивает свой характер и делает соответственно выбор жизненного пути. Точно так же думает и Эдмунд. Он смеется над теми, кто, подобно его отцу, верит в средневековое учение о влиянии небесных светил на характер и судьбы людей. “Когда мы сами портим и коверкаем себе жизнь, обожравшись благополучием, — говорит Эдмунд, — мы приписываем наши несчастья солнцу, луне и звездам. Можно, правда, подумать, будто мы дураки по произволению небес, мошенники, воры и предатели — вследствие атмосферического воздействия, пьяницы, лгуны и развратники — под непреодолимым давлением планет. В оправдание всего плохого у нас имеются сверхъестественные объяснения. Великолепная увертка человеческой распущенности — всякую вину свою сваливать на звезды... Какой вздор! Я то, что я есть, и был бы тем же самым, если бы самая целомудренная звезда мерцала над моей колыбелью” (I, 2).

Не звезды предначертали Эдмунду быть злодеем. Он родился в мире, где для него не было уготовано места, и намерен сам завоевать его для себя любыми средствами, не считаясь с принятыми в обществе законами. Психология Эдмунда и его философия жизни — порождение новых общественных условий, развившихся в результате буржуазного прогресса. Это уже становится нормой жизненного поведения. Но над умами людей тяготеют старые понятия. Поставленные рядом, речи Глостера и Эдмунда (их противопоставил так сам Шекспир, см. 1, 2) выражают мировоззрение двух разных социальных укладов, двух разных эпох. Для Глостера природа — это, как мы знаем, извечный мировой порядок, где каждому определено свое место. Слова о нарушении законов природы, приведенные выше, характеризуют Глостера как выразителя традиционного мировоззрения. В противоположность ему в понимании Эдмунда природа означает право человека на восстание против существующего порядка вещей. Глостеру кажется, что на его стороне вечный закон и что всякие нарушения его есть следствия индивидуального произвола, но он заблуждается. Глостер воплощает этот старый порядок, верящий в свою правомерность, тогда как Эдмунд — человек, которого уже осенила идея свободы от старых патриархальных связей. Он настолько далеко заходит в своем отрицании их, что не только становится врагом короля и нарушает долг подданного, но борется против брата и предает отца, разрывая таким образом самую священную кровную связь родства.

То, что происходит в семье Глостера, повторяется и в семье Лира. Правда, ни Лир, ни его дочери Гонерилья и Регана не выражают столь непосредственно тех жизненных понятий, которые мы слышим из уст Глостера и Эдмунда. Глостер и Эдмунд выражают и практику и теорию двух противопо-

ложных укладов, Лир и его дочери — только практику, но и отношения между Лиром и его дочерьми имеют в своей основе тот же конфликт двух жизненных укладов, как он отражается в психологии и повседневном поведении людей. Впрочем, и Лир появится потом перед нами в роли философа, но об этом речь будет дальше. Новый миропорядок, — а мы знаем, что это был в конечном счете миропорядок буржуазный, — разрушал даже самую прочную из всех человеческих связей — кровную, родственную, семейную связь. И мы видим это на семьях Лира и Глостера. Главной разрушительной силой является стремление к обладанию теми имущественными правами, которые дают человеку независимость, а в иных случаях и власть над другими.

Гонерилья, Регана и Эдмунд были лишены возможности обрести самостоятельность до тех пор, пока они зависели от Лира и Глостера. Для них важно было любой ценой получить в руки то, на чем зиждилась королевская и отцовская власть их родителей. Все трое прибегают для этого к обману. Интересно то, что все они играют на самом дорогом для Лира и Глостера — на преданности и чувстве долга, хотя сами не ставят их ни в грош. Когда же они получают в свои руки земли, титулы и даже короны, они стряхивают долг повиновения родителям как обветшавшее платье. Трагедия Глостера состоит в том, что он становится жертвой бездушного индивидуализма, разрушающего его семью. Трагедия Лира состоит в этом лишь отчасти. Но прежде чем мы перейдем к главному герою трагедии, нам нужно сказать о второй группе персонажей.

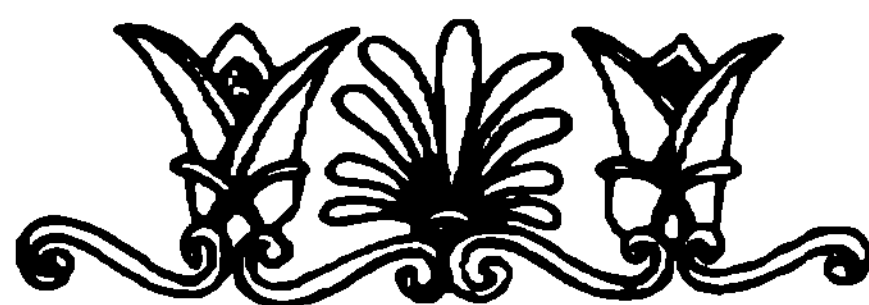
Все действующие лица трагедии — люди с ясным сознанием своей личности. Но не все они себялюбцы. Корделия, Эдгар, Кент, шут короля Лира составляют лагерь тех, кто

обладает не неизменно эгоистическим, а благородным пониманием прав человека. Для них существуют понятия верности, преданности, и в своем поведении они самоотвержены. Они тоже следуют “природе”, но у них благородные понятия о природе и достоинстве человека. Показательно, что все они становятся в этом обществе отверженными. Корделию Лир проклял, Кента он изгнал; Эдгара предал проклятию Глостер, введенный в заблуждение Эдмундом. Что касается шута, то он в этом обществе отверженный и несправедливый уже по самому своему положению. Но именно эти люди, изгнанные и презираемые, как мы убеждаемся, оказываются единственными, кто сохранил естественные чувства привязанности, любви и долга. Кент, переодевшись и изменив внешность, сопровождает Лира в его изгнании, как и шут, который не покидает своего господина в крайней беде. Корделия, узнав о несчастье Лира, забывает нанесенную ей обиду и возвращается, чтобы восстановить отца в его королевских правах. Эдгар, встретив своего ослепшего отца, думает только о том, чтобы облегчить его судьбу. При всем том, хотя каждый из них проявляет самоотверженность, все они лишены духа патриархального повиновения и рабской покорности. Не инстинкт подчинения, а свободный выбор объекта служения определяет их поведение. Они служат Лиру не как подданные, а как друзья, сохраняя духовную независимость, включая шута, наиболее резкого из них и до беспощадности прямого в выражении своих мнений.

Если Эдмунд наиболее полно воплощает в себе духовный мир и нравственные принципы лагеря хищников-индивидуалистов, то его брат Эдгар оказывается в положении наиболее отверженного.

В нашем восприятии Эдгар, преобразившийся в Тома из Бедлама, — странная и непонятная фигура. В эпоху Шек-

спира так называли самых несчастных и обездоленных людей, лишенных даже первейшего признака человечности — рассудка. Таких умалишенных помещали в Бедлам. Но этот дом призрения не обеспечивал их. Голодные и в рубищах, бродили они по дорогам, прося подаяния. То была самая низшая степень падения, ибо эти несчастные ничем не могли помочь себе и даже не признавали своего ужасного положения. Образ Тома из Бедлама имеет поэтому в трагедии одновременно конкретное и символическое значение.

В ходе действия трагедии обнаруживаются не только различия в нравственных стремлениях ее участников, разделяющих их на два лагеря. Мы видим также, как образуются два полярных мира. На одной стороне мир богатства и власти. Здесь идет вечная грызня, и каждый в этом мире готов перегрызть глотку другому. Таков мир, который построили для себя Гонерилья, Регана, Корнуол, Эдмунд. Мы уже не раз встречали у Шекспира картину этого мира в его драмах.

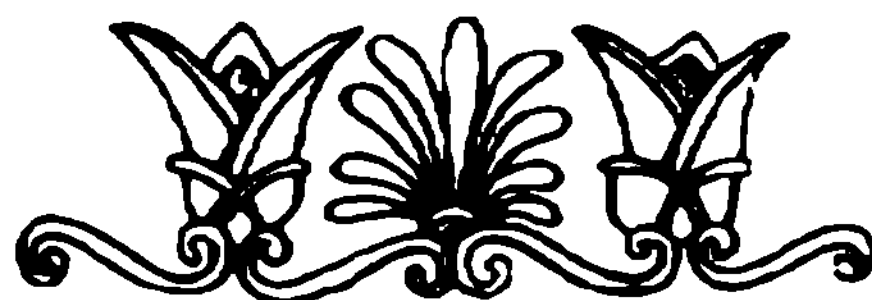
Другой мир — это мир всех отверженных. В нем оказываются сначала Кент и Корделия, затем Эдгар, король Лир, шут и, наконец, Глостер. Из них Корделия, ставшая супругой французского короля, является изгнанницей только по названию и несет бремя одних лишь моральных страданий. Остальные же брошены на дно жизни в самом буквальном смысле слова. Они обездолены, выброшены из прежнего, привычного для них образа жизни, лишены крова, источников средств существования и оставлены на произвол судьбы. Но личные бедствия не ожесточают их сердца, а, наоборот, обостряют сочувствие к страданиям других у тех, кому доброта и раньше была свойственна, а у тех, кто прежде был равнодушен к судьбам остальных, рождают чувство братства со всеми обездоленными.

Картина этих двух миров отражает состояние общества времен Шекспира. На одном полюсе те, кто выиграл в бессонной погоне за богатством и властью, на другом те, кто проиграл в этой игре, потому что был честен и эта честность делала его беззащитным против коварства хищных стяжателей. Но честные люди не остались покорными своей злосчастной судьбе. Прежде всего никто из них не признал превосходства мира баловней фортуны. Они полны ненависти и презрения к тем, кто так скуп в своем богатстве и так жесток в своем властном всеисилии. Мы ощущаем это презрение в гордом поведении Кента и в язвительном сарказме шута. Кент даже пускает в ход силу, но что может поделать он один со своим честным негодованием в этом мире бесчестия и несправедливости? Единственное, чего он добивается, — это то, что его сажают в колодки. Глостеру достается больше: за сочувствие Лиру его подвергают страшной пытке и вырывают у него глаза. Корделия, заступившаяся за отца, теряет жизнь.

Мир сильных и богатых мстит тем, кто восстает против него, но поборников справедливости это не останавливает. Пусть зло сильнее их, они все равно будут бороться против него, и даже не потому, что заранее рассчитывают на победу, а просто потому, что жить, покоряясь злу, они не могут. Если в конце трагедии злодеи получают воздаяние, то не столько потому, что их одолевают честные люди, сколько потому, что их губит внутренняя вражда. Так же как они беспощадны по отношению к другим, беспощадны они и в соперничестве друг с другом.

Два персонажа в трагедии, из которых один принадлежит к миру власти, а другой к миру отверженных, сначала стоят несколько в стороне от борьбы, а затем под конец становятся самыми активными, и на их долю выпадает честь восстановления порядка и справедливости.

Один из них — Олбени. Обстоятельства складываются так, что он не сразу определяет свое место в борьбе двух лагерей. Он не знает всех гнусных планов и проделок своей жены Гонерильи, и лишь в конце перед ним раскрывается, что он был оружием в ее руках. Когда он узнает подлинный характер своей жены и всю массу злодейств, невольным пособником которых он был, Олбени решительно порывает с этим миром и становится тем человеком, который восстанавливает порядок в государстве.

Второй — Эдгар. Оклеветанный братом, он скрывался и бездействовал, пока несправедливость касалась лишь его, но когда он увидел, как поступили с Лиром и его отцом, Эдгар проникся решимостью бороться. Случай сталкивает его с Освальдом, и он убивает надменного придворного. Письмо, найденное им на теле убитого, раскрывает сговор Гонерильи и Эдмунда против Олбени. Этот документ открывает глаза Олбени, и он узнает, что чуть не стал жертвой коварства своей изменницы-жены. Но главная цель Эдгара — отомстить брату, который погубил отца и хотел погубить его. Он вызывает Эдмунда на поединок и сражается против него с опущенным забралом. В этом есть нечто символическое, как и в том, что Гамлет уничтожает своих противников их же собственным оружием. Ведь Эдмунд тоже боролся против Эдгара маскируясь, но то была бесчестная маскировка, ибо, строя козни против брата, Эдмунд выдавал себя за его друга и защитника. Хотя Эдгар и сражается с закрытым лицом, но он борется с братом в честном поединке и побеждает его.

Итак, в трагедии противопоставлены друг другу два мира. Они ведут борьбу между собой. Какое же место занимает в этой борьбе Лир, тот, кто положил начало ей и вокруг которого она все время ведется?

Уже было сказано, что в какой-то мере судьба Лира предопределяется борьбой двух миров — старого патриархального уклада, к которому он отчасти принадлежит, и того нового строя жизни, который породил индивидуализм всего молодого поколения. Однако необходимо со всей решительностью подчеркнуть, что связь Лира с патриархальным укладом еще отнюдь не определяет ни его духовного облика, ни сущности переживаемой им трагедии. В нем, как и в некоторых других трагических героях Шекспира, черты старого переплетаются с психологией, рожденной новым временем. При этом как в том, что Лир унаследовал от традиционного жизненного уклада, так и в новообретенном отношении к людям и вещам есть и хорошие и дурные черты.

Вначале преобладает дурное. Мы видим перед собой Лира-деспота. С одной стороны, его деспотизм имеет своим источником феодальную прерогативу монарха. Но в своем самодержавии, доходящем до самодурства, Лир опирается не только на безличную силу своей королевской прерогативы, дающей ему право вершить судьбы всех подданных. Человек незаурядный, окруженный всеобщим поклонением, он возомнил, что его королевское достоинство покоится на личном превосходстве над другими. Как и все окружающие его, Лир обладает высокоразвитым сознанием своей личности, и это является в нем чертой новой психологии. Однако сознание личного достоинства приобретает у Лира односторонний, эгоистический характер. Оно заключается в непомерно высокой оценке своей личности, доходящей до крайней степени самообожания. Все восхваляют его величие, и он проникается убеждением, что велик он не только как король, но и как человек. Это отлично определил Н.А.Добролюбов, который писал, что Лир является “жертвой уродливого развития” об-

щества, основанного на неравенстве и привилегиях. Роковая ошибка Лира, проявившаяся в отказе от власти и в разделе королевства, — отнюдь не каприз феодала, и Добролюбов выразил самое существо дела, объяснив завязку трагедии следующим образом: Лир отказывается от власти, “полный гордого сознания, что он сам, сам по себе велик, а не по власти, которую держит в своих руках”.

Лир возомнил, что его человеческое величие превосходит его королевское величие. “В Лире действительно сильная натура, — писал Добролюбов, — и общее раболепство пред ним только развивает ее односторонним образом — не на великие дела любви и общей пользы, а единственно на удовлетворение собственных, личных прихотей. Это совершенно понятно в человеке, который привык считать себя источником всякой радости и горя, началом и концом всякой жизни в его царстве. Тут, при внешнем просторе действий, при легкости исполнения всех желаний, не в чем высказываться его душевной силе. Но вот его самообожание выходит из всяких пределов здравого смысла: он переносит прямо на свою личность весь тот блеск, все то уважение, которым пользовался за свой сан, он решается сбросить с себя власть, уверенный, что и после того люди не перестанут трепетать перед ним. Это безумное убеждение заставляет его отдать свое царство дочерям и чрез то, из своего варварски-бессмысленного положения, перейти в простое звание обыкновенного человека и испытать все горести, соединенные с человеческою жизнью”.

Во всей мировой критике мы не найдем более верного определения исходного момента трагедии короля Лира. То, что другим критикам казалось нелепостью, прихотью, глупым капризом, Добролюбов объяснил с изумительной психо-

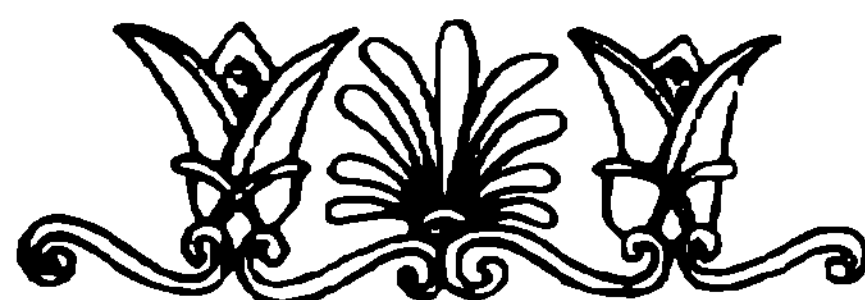

логической точностью и подлинной глубиной проникновения в социальную сущность трагедии Лира.

На протяжении всех последующих событий Лир продолжает цепляться за свой феодальный сан. В нем крепко укоренилось сознание того, что он король. Привычка повелевать другими не оставляет его даже тогда, когда он отвергнут всеми и, бездомный, бродит по степи. Мы видим, как он появляется, причудливо убранный полевыми цветами, и в бреду кричит: “Нет, они не могут запретить мне чеканить деньги. Это мое право. Я ведь король”.

Его безумие именно в том, что он продолжает считать себя королем, человеком, стоящим выше всех остальных, а просветление проявится в том, что он поймет безумие этого и почувствует себя просто человеком, которому не нужны ни власть, ни почет, ни всеобщее преклонение.

Путь к этому просветлению ума сопряжен для Лира с глубочайшими страданиями. Сначала мы видим его гордое самомнение. Он требует от своих дочерей, чтобы они состязались в выражении льстивого обожания его. Тщетно упрекают Лира в том, что он глуп и верит речам старших дочерей. Тщетно думают, будто он слеп, не понимая того, что они лгут. Он действительно убежден в том, что достоин той крайней степени обожания, которую выражают Гонерилья и Регана. То, что говорят они, соответствует его самооценке. Молчание Корделии и ее нежелание присоединиться к этому хору похвал потому так раздражает Лира, что он убежден в своем царственно-человеческом величии. При этом он мерит своих дочерей не столько их отношением к нему, сколько своим отношением к ним. Любя Корделию больше других, он считает, что, даря ей свои чувства, тем самым обязывает ее к самому высокому восхвалению его персоны. Во всех других людях

Лир ценит не их подлинные чувства, а отражение в их чувствах самого себя и своего отношения к ним. Такова та крайняя степень эгоцентризма и себялюбия, до которой он дошел. В этом обнаруживается уродливое развитие индивидуальности в мире, основанном на социальном неравенстве. Парадоксальность, противоестественный характер такого развития личности проявляется в том, что человек, действительно обладающий достоинствами, принижает их и становится мельче, как мелок здесь Лир потому, что, поставив свою личность в центр мира, он самого себя сделал единственным мерилom всех человеческих ценностей. Даже наказание, которому он подвергает строптивого Кента и непокорную Корделию, по-своему отражает самообожание Лира. Изгоняя их, он с истинной царственной наивностью думает, будто самой большой карой является отлучение от его персоны, как если бы он один только и давал свет и теплоту в жизни.

Лир убежден, что власть будет принадлежать ему и тогда, когда он откажется от ее внешних признаков. Он даже думает, что царственность его личности предстанет еще яснее и нагляднее тогда, когда он откажется от материальной основы своей власти, от владения землями. В этом обнаруживаются одновременно и наивная переоценка своего значения и благородный идеализм Лира. На эту вторую сторону его заблуждения необходимо обратить особое внимание, ибо в ней раскрываются лучшие черты Лира, а это и подведет нас к тому, что составляет центральную социально-философскую тему трагедии — к вопросу о ценности человека.

Из всеобщего поклонения, каким его окружили, Лир сделал вывод, что значение индивида определяется не его общественным положением, а личными достоинствами. Это он и хочет доказать, отдавая реальные основы своей власти, ибо

убежден, что даже и без всех ее атрибутов сохранит любовь и уважение окружающих. Это уже не самодурство феодала, а наивный, но благородный в своей основе идеализм, приписывающий личным достоинствам человека значение, какого они реально в классовом обществе иметь не могут. Мы можем назвать это гордостью в самом ее чистом виде, ибо Лир гордится не своим королевским званием, а человеческим величием, которое он, впрочем, переоценивает непомерно.

Реальность пробивает постепенно броню гордыни Лира. При этом прежде всего обнаруживается, что его гордость сочетается с мелким тщеславием. Свою значимость Лир измеряет количеством людей, прислуживающих ему. Отказавшись от власти, он оставляет себе многочисленную свиту. Сто человек должны прислуживать ему одному, ловить каждое его слово, исполнять любую прихоть, развлекать, своим шумом возвещать о его прибытии. Он отказался от власти, но по-прежнему хочет, чтобы все повиновались ему и чтобы внешние признаки величия — придворная пышность сопровождала каждый его шаг.

Поэтому он так болезненно реагирует на то, что дочери требуют сокращения его свиты. Ему она нужна для парада как обрамление его величия, а они видят в его свите феодальную дружину, достаточно мощную, чтобы заставить выполнить любую волю Лира. Гонерилья и Регана желают лишить Лира той последней реальной силы, которую он еще себе оставил в виде этого небольшого войска.

Лир отчаянно цепляется за последний остаток власти. Он уязвлен вдвойне: он страдает от ущемления своего тщеславия, но в еще большей степени его потрясла неблагодарность дочерей; он отдал им все, а они теперь хотят лишить его единственного, что он себе оставил. В отчаянии он мечется от

одной дочери к другой. Хотя их неблагодарность глубоко потрясает его, главное, что мучит его, это не столько то, каковы оказались они, сколько собственное бессилие. Впервые в жизни Лир почувствовал, что его воля натолкнулась на сопротивление, которого он не только не может сломить (сломить он не мог уже сопротивления Кента и Корделии), но и не в состоянии покарать. Первое ощущение падения возникает у Лира именно как сознание своего бессилия.

Но мы были бы несправедливы к Лиру, если бы видели в нем только его уязвленное самолюбие и тщеславие. Раздав королевство дочерям, отрекшись от власти, Лир, как мы знаем, хотел доказать себе и другим, что он “сам по себе велик”. При этом он не считал, что отказ от власти означает отречение от всех благ. Наоборот, он считал, что его человеческое величие требует не меньше жизненных благ, чем те, которые полагаются для полноты королевского величия.

Лир горячо отстаивает право иметь свиту, ибо ему для ощущения своего величия необходимо иметь около себя людей, вся жизнь которых состоит в том, чтобы служить ему. Спор об этом постепенно перерастает для Лира в проблему философского значения: что нужно человеку, чтобы чувствовать себя человеком?

Самого Лира до сих пор пышность согревала. Человечность он мерил именно избытком над тем, “что нужно”. И чем выше человек, тем больше у него всего того, что не является необходимым. В борьбе с дочерьми Лир отстаивает свое право на это не необходимое, потому что ему все еще кажется, что оно первейший признак человеческой значимости и величия. Иначе говоря, Лир все еще находится во власти убеждения, что мера достоинства человека определяется обладанием материальными благами. Впервые он сознает пере-

мену в своем положении, когда воочию видит, что, раздав свои владения, он потерял реальную власть и все, связанное с ней. Так начинают рушиться все основы, на которых была построена его предшествующая жизнь.

Всю жизнь Лир созидал свое всемогущество. Ему казалось, что он достиг его вершины. На самом же деле он ринулся в пропасть. Сам того не предполагая, он одним жестом разрушил все, что строил. Он хотел быть тем человеком, который обладает самой большой властью — властью жалкого превосходства, а оказалось, что это самое дорогое для него — жалкая иллюзия. Дочери заставили его понять это. Из уст Лира вырываются страшные проклятия, и нет такого несчастья, которого он не призывал бы на головы предавших его детей. Он грозит им страшной местью, но его гнев бессилен. Мир больше не повинуется ему. Ему отказали в повиновении те, кто по всем законам жизни — по закону природы, семьи, общества, государства — более всего обязаны подчиняться, собственные дети, его плоть и кровь, его подданные, вассалы, те, кого он сам наделил властью. Все устои, на которых держалась жизнь Лира, рухнули, и рассудок старого короля не выдержал этого. Когда Лир увидел, каков мир на самом деле, он сошел с ума.

Обезумевший Лир уходит ночью в степь. Он уходит не только от дочерей. Он покидает мир, в котором хотел господствовать и быть выше всех. Он уходит от людей, от общества и идет в мир природы, как уходили туда герои комедий Шекспира, когда человеческая злоба и жестокость лишали их принадлежащего им по праву места в жизни. Но героев комедий природа встречала ласковой тенью лесов, нежным журчанием чистых потоков, давала покой и утешение.

Лир уходит в голую степь. Ему негде здесь укрыться. Над его сединами нет крова. Природа встречает его не ласко-

вой тишью, а грохотом стихий, небеса разверзлись, грохочет гром, сверкают молнии, но, как ни страшна эта буря в природе, она не столь ужасна, как буря, происходящая в душе Лира. Он не боится бури, в природе она не может причинить ему зла большего, чем то, которое причинили ему собственные дочери.

Бесчеловечная сущность эгоизма раскрывается Лиру сначала в неблагодарности дочерей, которые обязаны ему всем и тем не менее отвергли его. Против них обращен его гнев, и безумный Лир судит своих дочерей. Ему недостаточно осудить их. Он хочет знать причину человеческой жестокости: “Исследуйте, что у нее в области сердца, почему оно каменное” (III, 6).

Есть глубокий символический смысл в том, что этих жестокосердных людей, господствующих в мире власти и богатства, Лир предаст суду отверженных — изгнанника Кента, Тома из Бедлама и шута. Он сам теперь из мира всемогущества перешел в мир бессильных и неправых.

Безумие Лира является подлинным, а не мнимым, как у Гамлета. Но все, что он говорит и делает в состоянии умопомрачения, отнюдь не бессмысленно. О нем с полным правом можно сказать то, что Полоний говорит о Гамлете: “Хоть это и безумие, но в нем есть последовательность” (“Гамлет”, II, 2). То же самое Эдгар говорит о безумном бреде Лира: “Какая смесь! Бессмыслица и смысл — все вместе” (IV, 6). Мысль Лира все время вращается в кругу вопросов, связанных с его прежним положением и нынешним. В своем безумии он переосмысливает весь предшествующий жизненный опыт. Правильней было бы назвать его безумие бурным и мучительным душевным потрясением, вследствие которого Лир одновременно по-новому оценивает жизнь.

Первая примета происшедшего в нем душевного переворота заключается в том, что он начинает думать о других. Буря нещадно хлещет его, но Лир — впервые в жизни! — думает не о тех страданиях, которые она причиняет ему, а о других отверженных.

“Как я мало думал об этом прежде!” Прежний Лир никогда бы так не сказал, ибо он думал только о себе. Преображенный Лир, которого мы видим теперь, начинает сознавать, что кроме человеческого величия существует человеческие невзгоды и нищета. Никакое подлинное величие не имеет права не считаться со страданиями тех, кто не устроен и не обеспечен.

Таков урок, который Лир преподает не кому-нибудь другому, а самому себе. Теперь, когда он познал несчастье и страдание, в нем родилось чувство, которого не было раньше. Он чувствует чужое страдание.

В степи во время бури Лир встречает Эдгара, скрывающегося под видом Тома из Бедлама. В этом несчастном, обездоленном существе он видит человека. Раньше, как мы знаем, мсру человеческого величия он определял “избытком” и думал, что если ограничить человека лишь тем, что нужно, то он сравняется с животным. Но вот перед ним Том из Бедлама, у которого нет даже самого необходимого. Показывая на него, он восклицает: “Неужели вот это, собственно, и есть человек? Присмотритесь к нему. На нем все свое, ничего чужого. Ни шелка от шелковичного червя, ни воловьей кожи, ни овечьей шерсти, ни душистой струи от мускусной кошки! Все мы с вами поддельные, а он — настоящий. Неприкрашенный человек — и есть именно это бедное, голое двуногое животное, и больше ничего. Долой, долой с себя все лишнее! Ну-ка, отстегни мне вот тут” (III, 4). Лир срывает с себя одежду. Он,

который раньше думал, что невозможно жить без свиты в сто человек, теперь понял, что является всего лишь бедным, голым двуногим животным.

Это сбрасывание одежды имеет глубокий смысл. Лир срывает с себя все то чуждое и наносное, внешнее и излишнее, что мешало ему быть тем, что он есть на самом деле. Он не хочет оставаться “поддельным”, каким был раньше.

Безумный Лир понимает жизнь лучше, чем тот Лир, который мнил себя великим мудрецом. Он сознает, что жил, опутанный ложью, которой охотно верил, ибо она была ему приятна: “Они ласкали меня, как собачку, и ввали, что я умен не по годам. Они на все мне отвечали “да” и “нет”. Все время “да” и “нет” — это тоже мало радости. А вот когда меня промочило до костей, когда у меня от холода не попадал зуб на зуб, когда гром не смолкал, сколько я его не упрашивал, тогда я увидел их истинную сущность, тогда я их раскусил. Это отъявленные обманщицы. Послушать их, так я — все что угодно. Но это ложь. Я не заговорен от лихорадки” (IV, 6).

Лир переживает второе рождение.

Второе рождение Лири происходит в страшных муках. Он страдает и оттого, что рухнули все ложные представления, которыми он прежде жил, но еще больше оттого, что жизнь, которую он видит вокруг, бессмысленна и жестока.

Этот обновленный душой Лир не мирится с несправедливостью, царящей в мире. Он, который раньше сам был главным столпом несправедливости, теперь осуждает ее. Он одержим манией судить — и не только своих дочерей, но всех, кто жесток по отношению к другим.

Одно из самых проникновенных мест трагедии — эпизод встречи безумного Лири и ослепленного Глостера. Лир теперь видит, что повсюду царит несправедливость, корень

которой — в неравенстве. Власть, которой он раньше так кичился, была подкреплением несправедливости. “Видел ты, — спрашивает Лир Глостера, — как цепной пес лает на нищего?.. А бродяга от него удирает. Заметь, это символ власти. Она требует повиновения. Пес этот изображает должностное лицо на служебном посту” (IV, 6).

Власть, право распоряжаться жизнью людей всегда казались Лиру высшим благом. Ничто не давало ему такого ощущения собственного величия, как то, что он мог людей миловать и карать. Теперь он видит власть в ином свете. Она — зло, калечащее души тех, кто ею обладает, и источник бедствий для тех, кто от нее зависит. Еще одна иллюзия, крах которой переживает Лир, заключается в том, будто носители власти справедливы уже по одному тому, что обладают ею. Теперь он понимает, что обладающие властью сами преступны и в помыслах и в делах. Те, кто держит в руках жизнь и смерть других людей, ничуть не лучше тех, кого они карают как преступников, у них нет морального права судить других. “Видишь, — говорит Лир Глостеру, — как судья издевается над жалким воришкой? Сейчас я покажу тебе фокус. Я все перемешаю. Раз, два, три! Угадай теперь, где вор, где судья” (IV, 6). Беда в том, что тот самый “излишек”, который придает людям обличье благопристойности, на самом деле прикрывает их порочную сущность; власть и богатство делают таких людей безнаказанными, тогда как бедняки беззащитны.

Постигнув несправедливость, царящую в мире, Лир становится защитником обездоленных, тех, кто является жертвами власти и жестокого, несправедливого закона. Всех, кого мир богатства и власти осуждает, Лир оправдывает: “Виновных нет, поверь, виновных нет” (IV, 6). Но есть люди, которые видят свое назначение в том, чтобы поддерживать и

оправдывать несправедливый строй жизни. Против них обращена гневная ирония Лира.

Эти речи Лира принадлежат к числу наиболее ярких обличений, посредством которых Шекспир выразил глубочайший протест против социальной несправедливости, от которой страдает народ.

Трагедия короля Лира началась как трагедия исключительной личности. Мы видели Лира, возвышающегося над всеми людьми и уверенного в том, что ему предназначено властвовать над остальными. Именно его, человека, вознесенного столь высоко, судьба бросила на самое дно жизни, и тогда несчастье этой исключительной личности слилось с бедами и страданиями тысяч и тысяч обездоленных. Судьба человеческая и судьба народная слились. Лир предстает теперь перед нами уже не как личность, полная гордыни, не как король, а как страждущий человек, и его муки — это муки всех, кто, подобно ему, лишен первейших условий нормального существования, страдает от жестокой несправедливости власти и неравенства состояний. Пусть Лир сам обрек себя на такую судьбу. Но он понял, что другие обречены на нее по воле тех, кто, как он, обладал властью и, счастливый своим могуществом, не хотел замечать чужих страданий.

Теперь мы видим вместе с Лиром, в чем корень зла и бедствий жизни. Он в самих людях, в созданном ими строе жизни, где каждый стремится возвыситься над остальными и ради своего благополучия обрекает на несчастье всех, даже самых близких по крови людей.

В мире богатства и власти нет человечности. Ее не осталось там после того, как из него изгнали Кента, Корделию, Эдгара, Глостера. Если сочувствие страданиям и сохранилось еще лишь, то в мире обездоленных.

Эти слова произносит Эдгар. Он тоже прошел нелегкий путь познания жизни. Начал он, как все, кому богатство дает возможность безудержных наслаждений. Вероятно, он преувеличивает, когда признается, что раньше был “гордецом и ветреником. Завивался. Носил перчатки на шляпе. Угождал своей даме сердца. Повесничал с ней. Что ни слово, давал клятвы. Нарушал их средь бела дня. Засыпал с мыслями об удовольствиях и просыпался, чтобы их себе доставить. Пил и играл в кости. По части женского пола был хуже турецкого султана” (III, 4). Таким, по его словам, он был до того, как над ним грянула беда. Если он и преувеличивает свои грехи, то лишь в степени, но не в существе, ибо всеми этими самообвинениями Эдгар хочет сказать, что и он, как другие из мира богатых, жил, угождая своим самым низменным потребностям.

Но все изменилось, когда, спасая жизнь, он стал существовать как нищий. Можно только догадываться о том, что он пережил с наступлением этой перемены. Как это случилось и с Лиром, несчастье, обрушившееся на него, заставило Эдгара переосмыслить свою прежнюю жизнь, и он оценил ее по-новому.

Эдгар, встретив Лира во время бури в степи, отвечает, притворяясь безумным, на вопрос, кем он был раньше. Но кроме признания в пороках — сладострастии и чревоугодии, он говорит о себе нечто и более важное: “Сердцем был лжив, легок на слово, жесток на руку, ленив, как свинья, хитер, как лисица, ненасытен, как волк, бешен, как пес, жаден, как лев” (III, 4). Повторяю, было бы наивно думать, будто это и в самом деле соответствует характеру и прежнему поведению Эдгара. Он хочет сказать лишь то, что он был богатым придворным, принадлежавшим к самой верхушке общества, и

характеризует он не себя, а среду, к которой принадлежал. Никогда мы не поверим, что он был хитер, как лисица, ненасытен, как волк, но это с полным правом можно сказать о его брате Эдмунде, также как и о дочерях Лира — Гонерилье и Регане, о Корнуоле.

Мы видим, таким образом, что ситуации трагедии и сопровождающие их комментарии персонажей содержат не только резкое противопоставление мира богатства и власти, с одной стороны, и мира народной нужды, с другой: центральные эпизоды трагедии, ее кульминационные пункты, те, в которых страдания несправедливо обиженных достигают высшей силы, содержат и безоговорочно резкое суждение хозяев жизни. Яснее всего это сказывается в том, что никто из пострадавших не желает вернуться в тот мир обеспеченности, из которого его изгнали. Это опять-таки выражает Эдгар: “Отверженным быть лучше, чем блистать...” (IV, 1).

Трагическая ирония Шекспира неисчерпаема. Именно тогда, когда Эдгар, как ему кажется, нашел утешение даже в своей горестной судьбе, жизнь готовит ему новое испытание: он встречает своего ослепленного отца. Глостер — еще один персонаж трагедии, испытавший падение с больших социальных высот. Он тоже проходит крестный путь познания жизни через страдания.

Вначале мы видим его еще не утратившим памяти о наслаждениях молодости. Он с легкомысленной шутливостью рассказывает Кенту, что ему и его жене доставило “большое удовольствие” “изготавливать” Эдгара (I, 1). Погрешил он и легковерием, когда послушался навета Эдмунда против Эдгара. Несчастье Лира было первым уроком, заставившим его по-новому взглянуть на происходящее вокруг. Он предупредил приближенных Лира о том, что обезумевшего короля на-

до отправить в Дувр. За это он поплатился. Собственный сын предал его, тот, кого он больше всего любил и ради которого изгнал другого сына. Корнуол и Регана, которым он верно служил после отречения Лира, выкололи ему глаза и вытолкнули слепым на большую дорогу.

Прекрасно сказал Гегель: Лир в своем безумии стал все понимать, а слепой Глостер — прозрел. Да, теперь и он прозрел. Но как разнореагируют на мир после своего прозрения Лир, Эдгар и Глостер! Лир судит тех, кто был несправедлив, хочет идти на них войной. Эдгар — на время, только на время! — превратился в озлобленного и меланхолического “философа” счастливой бедности. Глостер проникся отчаянием и утратил веру в смысл жизни. Люди кажутся ему жалкими червями. Глостеру же принадлежит и самое эпиграмматически острое суждение о своем времени. Когда он, слепой, встречает Эдгара, который продолжает выдавать себя за сумасшедшего нищего, Глостер берет его себе поводырем. Он сам указывает на символический смысл этого: “В наш век слепцам безумцы вожаки” (IV, 1).

Глостер, так же как и Лир, изведав страдание, проникается сочувствием к беднякам. Он тоже говорит о том “избытке”, которым богатые должны поделиться с нуждающимися (IV, 1).

Глубоко знаменательно то, что страдания приводят Лира и Глостера к одинаковому выводу о необходимости милосердия по отношению к обездоленным.

В то время как одни возвышаются, другие падают и все участники драмы живут полным накалом страстей и мук, один из свидетелей развертывающейся трагедии смеется. Так ему положено, ибо он шут и все происходящее дает ему повод для острот, прибауток и песенок. Мы встречали много шутов

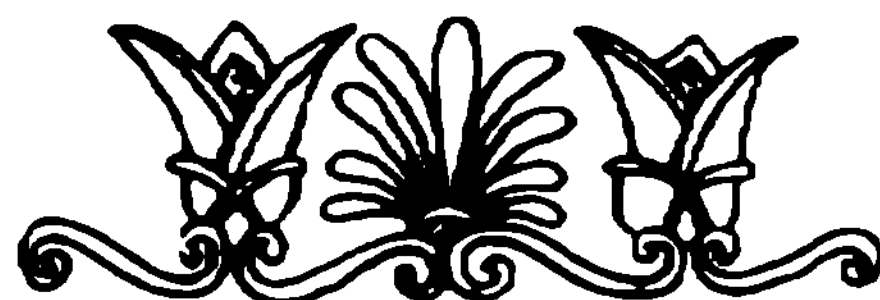
у Шекспира, но такого видим в первый раз. Все другие были безразличны к тому, что происходило вокруг. Их господам приходилось иной раз туго, а они и в ус не дули, и их шутки сглаживали мрачные стороны происходящего, внося равновесие в общую картину и напоминали о том, что жизнь состоит не только из печали, но также имеет и свои радости.

Шут короля Лира самый щедрый из всех шекспировских шутов. Он превосходит остальных обилием шуток. В первой половине трагедии они сопутствуют всему, что происходит с королем. Шут играет роль комического хора в трагедии. Точнее — хора язвительно-насмешливого и саркастического.

У шутов была давняя привилегия: они имели право говорить истину в лицо самым могущественным владыкам. Именно эту роль и выполняет шут в трагедии. Еще до того, как Лир осознал, что он совершил ошибку, шут говорит ему об этом (I, 4).

Одним из следствий уродливого развития личности Лира было то, что он перестал сознавать истинное положение вещей. Лесть и всеобщее поклонение привели к тому, что Лир признавал за истину лишь то, что ему было приятно. Таково одно из извращений природы, жертвой которого стал Лир, когда еще был всемогущ. Преувеличенное представление о своем всемогуществе заставляло его принимать желаемое за действительное. В этом состоянии он и принял свое роковое решение, которое проистекало не из каприза, а из ложных представлений о жизни и утраты понятий о тех реальных силах, которые в ней определяют судьбу человека.

Среди тех, кто пытался образумить Лира, шуту принадлежит особенно значительная роль. Правда, мы не слышим его голоса тогда, когда происходит испытание любви

дочерей и раздел королевства. Но с того момента, когда Лир перестал быть королем и вместе с тем еще не понимает, что его положение радикально изменилось, шут первый, кто стремится заставить его понять это.

Высокие понятия, выходящие за круг обыденных практических представлений о жизни, шуту недоступны. Но зато правду действительности во всей ее суровости шут знает, как никто. В этом смысле его понятия и представления о жизни находятся в соответствии с тем, как ее воспринимают люди, которым жизнь всегда предстает прежде всего в ее неприятных сторонах. Сознание шута — сознание человека, за спиной которого стоит многовековой опыт простого народа, его самых необеспеченных слоев, тех, кто горбом своим познал истину, составляющую сущность господствующего миропорядка. Кто-кто, а простые люди первыми познали то, что потом обобщили философы и социальные мыслители. Задолго до них они постигли несколько простых истин, и первой из них было то, что место человека в жизни определяется обладанием собственностью. Они-то знали, какую власть дает людям богатство. Лир этого не знал. Он наивно полагал, что место человека в жизни определяется его личными достоинствами.

Шут все время твердит Лиру одно и то же: он нарушил существующий в мире порядок вещей и захотел жить не так, как все живут — отказался от реальной власти, но продолжал повелевать, раздал имущество, но хотел жить, как богатый.

Его шутки злы не потому, что он зол, а потому, что злой является жизнь. Беспощадность ее законов он и выражает, говоря Лиру суровую правду в лицо. Шут обладает добрым сердцем — добрым по отношению к тем, кто страдает. Он любит Лира и, может быть, не осознает, но инстинктивно

чувствует благородство духа, присущее королю. И в том, что шут следит за Лиром, когда тот лишился всего, проявляется благородство человека из народа, чье отношение к людям определяется не их общественным положением, а человеческими качествами.

Шут сам принадлежит к наиболее обездоленной и бесправной части общества. Единственное его богатство — ум. Но и его он отдает на службу другим. Он живет не для себя, но видит и отлично понимает, как живут другие. Его шутки выражают мысль народа, умудренного горьким опытом вековой социальной несправедливости. Лир захотел на старости лет жить по другим законам, но шут знает, что это невозможно.

Смысл сатирического “пророчества”, которое он изрекает в степи, состоит в том, что отношения, основанные на человечности, невозможны в обществе, где господствует обман, стяжательство и угнетение (“Когда попов пахать заставят...” и т.д.; II, 2).

Порядок вещей, существующий в мире, извращен. Однако этот противоестественный строй жизни всеми принят как нормальный. Шут понимает это задолго до того, как Лир пришел к познанию истины. Можно сказать, что шут родился с таким пониманием жизни. Лиру нужно было второй раз родиться, чтобы понять то же самое.

Роль шута в трагедии заключается в том, что он своими горькими шутками как бичом подхлестывает сознание Лира. Он ускоряет прозрение старого короля, а потом вдруг навсегда исчезает (III, 6).

Таинственное исчезновение шута из числа действующих лиц принадлежит к числу тех неразрешимых загадок, которые имеются в произведениях Шекспира. Что с ним стало после того, как он помог перенести Лира на ферму около

замка Глостера, где старый король заснул, мы не знаем. Бесполезно гадать и искать внешние сюжетные обоснования для исчезновения шута. Его судьба определяется не закономерностями обыденной действительности, а законами поэзии. Он пришел в трагедию (I, 4), когда был нужен для того, чтобы Лир, отдавший королевство, поскорее понял трагические последствия своего рокового поступка. Он уходит из нее (III, 6), когда Лир этого понимания достиг. Все, что он мог сказать, теперь знает и Лир. При этом Лир понимает все еще глубже шута, потому что, хотя горестные заметы последнего есть результат многовековой привычки, у Лира восприятие пороков жизни обострено той страшной трагедией падения, через которую он прошел. Противоречия жизни являются для шута неизбежными и неотвратимыми. Его сознание поэтому не поднимается выше горьких сарказмов. Для Лира эти же противоречия обнажаются как величайшая трагедия жизни. Его видение зла является более глубоким и более сильным. Если шут в судьбе Лира увидел лишь еще одно подтверждение своего скептического взгляда на жизнь, то в Лире пережитое несчастье вызвало возмущение трагическим несовершенством бытия.

Мы оставили Лира в состоянии необыкновенного безумия, которое, вопреки обычному течению вещей, проявилось не в помрачении, а в прояснении разума. Но Лир все же безумен. Его мозг затуманен скорбью, как небо тучами. Только изредка в этом мраке безумия сверкают молнии разума и жгучие мысли озаряют своими вспышками поле жизненных бедствий. В свете их мы видим страшный лик истины и перед нами со всей нестерпимостью раскрывается несправедливость, царящая в мире. Гнев и страдания Лира выражают не только его боль, но и боль всего страждущего человечества.

Он заблуждался, когда думал, что все благие силы жизни воплощены в величии его личности. Его истинное величие проявилось в том, что он смог подняться над собственным горем и испытать в своей душе горе всех несправедливо обиженных. Этот Лир поистине велик. Он обнаруживает качества, которых у него не было, когда он находился на вершине могущества. После трагедии, пережитой им, как пишет Добролюбов, “раскрываются все лучшие стороны его души; тут-то мы видим, что он доступен и великодушию, и нежности, и состраданию о несчастных, и самой гуманной справедливости. Сила его характера выражается не только в проклятиях дочерям, но и в сознании своей вины пред Корделией, и в сожалении о своем крутом нраве, и в раскаянии, что он так мало думал о несчастных бедняках, так мало любил истинную честность... Смотря на него, мы сначала чувствуем ненависть к этому беспутному деспоту; но, следя за развитием драмы, все более примираемся с ним как с человеком и оканчиваем тем, что исполняем негодованием и жгучею злобой уже не к нему, а за него и за целый мир — к тому дикому, нечеловеческому положению, которое может доводить до такого беспутства даже людей, подобных Лиру”.

Лир, который вначале был крайним воплощением деспотизма, превратился затем в жертву деспотизма. Видя его нечеловеческие страдания, мы проникаемся ненавистью к строю жизни, обрекающему людей на такие бедствия. Мы хотим, чтобы нашлась в мире сила, которая положила бы конец мукам Лира и всех, кто страдает, как он. Такая сила есть — это Корделия.

Не помня обиды, движимая одним лишь желанием спасти отца и восстановить его в правах, спешит Корделия из Франции. Она является во главе войска. Перед нами уже не

одинокая беззащитная девушка. Теперь мы видим Корделию-воительницу.

Корделия — один из самых прекрасных образов, созданных Шекспиром. В ней сочетаются женственность, красота, душевная сила и стойкость, непреклонная воля и способность бороться за то, во что она верит. Как и другие женщины-героини Шекспира, Корделия — свободная личность. В ней нет ни грана тупой и бессловесной покорности. Она живое воплощение гуманистического идеала человечности. Она не поступилась истиной даже тогда, когда ее собственное благополучие зависело от того, насколько она сумеет подольститься к отцу, дошедшему до крайнего неразумия в своем самообожании. Как светлый образ чистой человечности предстает она перед нами в трагедии, затем Корделия надолго исчезает из действия. Она первая жертва несправедливости, деспотизма, предстающая перед нами в трагедии. В несправедливости, которую совершил по отношению к ней Лир, символически воплощается сущность всей несправедливости вообще. Она символ страдания за истину. И Лир знает, что его самая великая вина — вина перед Корделией.

И вот Корделия является, чтобы спасти отца, пострадавшего от несправедливости. То, что она выше личных обид, делает ее облик еще более прекрасным. Врач Корделии берется излечить Лира. Он погружает его в глубокий сон. Пока Лир спит, играет музыка, которая своей гармонией восстанавливает расстроенную гармонию его духа. Когда Лир пробуждается, его безумие прошло. Но с ним произошла новая перемена. Он уже опять не голое двуногое существо, не бесприютный, который мечется без крова по степи. На нем богатые королевские одежды, его окружает множество людей, и опять, как некогда, все они ловят его взгляды, чтобы угадать

его желания и тотчас же выполнить их. Он не может понять — то ли это сон, то ли он попал в рай, ибо не в состоянии больше поверить, что может быть светлое в жизни без мук и страданий: “Не надо вынимать меня из гроба...” (IV, 7).

Из всего, что он видит вокруг себя, больше всего поражает его Корделия, которую он принимает за “райский дух”. Ему кажется невозможным, чтобы она простила его и вернулась к нему. Но это так! И тогда гордый Лир, тот Лир, которому казалось, что весь мир должен распластаться у его ног, опускается на колени перед дочерью. Он сознает свою вину перед ней и не может понять, почему она плачет.

Корделия, простившая отца и пришедшая ему на помощь, выражает дорогой для гуманиста Шекспира принцип милосердия. Но это не христианское милосердие, как уверяют некоторые из новейших толкователей трагедии, ибо Корделия не из тех, кто отвечает на зло безропотной покорностью. Она явилась, чтобы с оружием в руках восстановить справедливость, поправленную ее старшими сестрами. Не христианская покорность злу, а воинствующий гуманизм воплощен в Корделии.

Однако — и в этом один из самых трагических мотивов пьесы — Корделии не суждено победить. Ее войско оказывается разбитым. Но мужество не покидает ее. Она даже способна шутить и с явной иронией спрашивает Лира: “Не повидать ли нам моих сестер?” При этом она имеет в виду, что можно было бы попросить у них снисхождения. Она это спрашивает не потому, что верит в их доброту, — их обращение с Лиром не оставляет у нее никаких сомнений относительно их способности к милосердию, — она проверяет Лира: осталась ли у него еще способность сопротивляться миру несправедливости и зла. Да, у Лира она осталась. Он отвечает четырехкратным: “Нет, нет, нет, нет!”

Корделия еще не знает, каким теперь стал ее отец. Этот новый Лир, прошедший через горнило страданий, познал, что самое нужное для человека. Оно не в том “избытке”, без которого он раньше не мыслил своей жизни. Самое главное для человека — не власть над другими людьми, не богатство, дающее возможность удовлетворять любые прихоти и капризы чувственности, главное — в душевном покое и не в мнимой, выражающейся громкими словами, любви, а в чувстве неразрывной близости людей, стоящих выше всех мелочных тщеславных интересов. Лира не страшит темница, если в ней он будет с Корделией. Она, ее любовь, ее чистота, ее милосердие, ее безграничная человечность — вот что ему нужно, вот в чем высшее счастье жизни. И этим убеждением проникнуты слова, с которыми он обращается к Корделии.

Когда-то Лир отрекся от власти, на самом деле не думая отречься от нее. Он долго возмущался и тяжело переживал то, что власть над другими ему более недоступна. Он не сразу мог привыкнуть к своему новому положению. Но теперь тот мир стал для него навсегда чужим. Он в него не вернется, его душа полна презрения к власти имущим, к их бесчеловечным распрям. Пусть они думают, что, взяв Лира и Корделию в плен, одержали над ними победу. Он счастлив с ней и без трона и без власти (V, 3). Корделия плачет, слушая его речи, но то не слезы горя и бессилия, а слезы умиления при виде преображенного Лира. Впрочем, он, кажется, не понимает причину ее слез. Ему кажется, что это проявление ее слабости, и он утешает ее.

Ужасны были те испытания, через которые прошел Лир, дорогой ценой купил он стоическое спокойствие по отношению к бедам, обрушившимся на него. Ему кажется, что не осталось ничего, что могло бы теперь разрушить ту новую

гармонию духа, которую он обрел, когда к нему вернулась Корделия. Но Лира ждет еще одно, самое страшное, самое трагическое испытание, потому что прежние испытания расшатывали его заблуждения, а то испытание, которое придет теперь, будет ударом по истине, обретенной им ценой стольких мук.

Здесь в судьбу Лира и Корделии вмешивается злой дух трагедии Эдмунд. Он знает, что, даже пленные, они опасны, и решает уничтожить их. Он отдает распоряжение покончить с ними в тюрьме. Потом, когда брат побеждает в поединке и Эдмунд сознает, что его жизнь уходит, в последний миг, “своей природе вопреки”, он хочет сделать добро и спасти Корделию и Лира, которых перед этим приказал умертвить. Но его раскаяние приходит слишком поздно: Корделию успели повесить. Ее вынимают из петли, и перед нами появляется Лир, который несет на руках мертвую Корделию. Мы помним, как гремел его гневный голос, когда он думал, что с потерей королевства потерял все. Потом он узнал, что в тот раз он не потерял ничего. Потерял он теперь, когда погибла Корделия. Снова горе и безумие охватывают его.

Зачем нужна жизнь, если такое прекрасное существо, как Корделия, мертва.

Чаша страданий Лира переполнилась. Прийти ценой стольких испытаний к познанию того, что человеку нужно, и затем потерять обретенное — выше этого мучения не бывает. Это самая страшная из трагедий. До последнего дыхания Лир все же кажется, что, может быть, Корделия не умерла, он еще надеется на то, что в ней сохранилась жизнь. Потрясенный смотрит он на ее губы — не вырвется ли из них вздох. Но губы Корделии не шевелятся. Он так смотрит на них, потому что из этих уст он впервые в жизни услышал правду, которой

не хотел верить в своем высокомерном заблуждении, и теперь он еще раз ждет, чтобы уста истины ответили ему. Но они немые. Жизнь ушла из них. И с этим уходит жизнь из много-страдального Лира.

Эдгар думает, что Лир лишился чувств, и пытается привести его в себя, но Кент останавливает его.

Трагедия закончена. Кровавому хаосу пришел конец. В нем было много жертв. Погибли все, кто, презрев человечность в погоне за мнимыми жизненными благами, причиняли страдания и истребляли стоявших на их пути. Пали Корнуол, Гонерилья, Регана, Эдмунд, но погибли также Глостер, Корделия и Лир. Это та высшая мера справедливости, которая доступна трагедии. Погибают невинные и виновные. Но уравновешивает ли гибель тысяч Гонерилий и Реган гибель одной Корделии? И зачем человеку страдать так много и так сильно, как страдал Лир, если в конце концов он все равно теряет все лучшее, ради чего стоило терпеть пытку жизни?

Таковы те трагические вопросы, которыми завершается драма. Ответа на них она не дает. Но Шекспир, познавший и раскрывший нам самые большие глубины страданий, не хочет расстаться с нами, оставив нас без проблеска надежды. Последние слова трагедии проникнуты глубокой скорбью, но в них звучит и мужество.

Опять не христианским долготерпением, а стоическим мужеством веет на нас. Мы приобщились к духу трагедии. Иным кажется, что для моральной полноценности Шекспиру необходимо еще приписать здесь убеждение, что жизнь не бессмысленна, как не бессмысленны и страдания. Поэтому ищут вины не только у Лира, но даже у Корделии. На Лире, безусловно, вина есть, но не перекрывается ли его вина мерой страданий, выпавших на его долю? Во всяком случае, Корде-

лия умирает безвинной, и ничто в мире не оправдывает ее гибели.

Трагедии создаются не для утешения. Они возникают из сознания глубочайших противоречий жизни. Не примирить с ними, а осознать их хочет художник. И нас он ставит перед ними со всей беспощадностью, обнажая правду о страшных сторонах жизни. Нужно обладать великим мужеством, чтобы посмотреть этой правде в лицо так, как смотрел Шекспир. Не примирить с трагизмом жизни хотел он, а вызвать возмущение злом и несправедливостью, обрекающими людей на страдания.

А. Аникст

Примечания к тексту “Короля Лира”

К с. 16. *Грубый скиф или дикарь, который пожирает свое потомство...* — Геродот рассказывает об обычае древних скифов съедать своих престарелых родителей и дедов, но не детей.

Не суйся меж драконом и яростью его — в смысле: и предметом его ярости.

К с. 18. *...даю вам разделить мою корону.* — В тексте — *coronet*, уменьшительное от *crown* — корона. Критики обратили внимание на то, что Лир отдает дочерям лишь “малую”, то есть герцогскую корону, и предположили, что “большую” корону, как эмблему суверенной власти, он решил сохранить для себя. Была высказана остроумная догадка, что эту большую корону Лир первоначально намеревался отдать Корделии, чтобы выделить ее среди сестер, и что в этом заключался его “тайный замысел”.

К с. 34. *Том из Бедлама.* — После закрытия монастырей в Англии (XVI в.) в бывшем Вифлеемском (Bethleem, сокращ. Bedlam) монастыре в Лондоне был устроен сумасшедший дом. Хронических больных переставали “лечить” (то есть сажать на цепь, лить воду на голову и проч.) и отпускали на все четыре стороны, разрешая им бродить по всей стране, выпрашивая милостыню. Народ прозвал их Toms of Bedlam.

К с. 44. *Если бы я взял монополию на глупость...* — При Иакове I раздача торговых монополий частным компаниям и отдельным лицам (особенно из числа придворных) достигла размеров, которые вызвали всеобщее недовольство и неоднократные протесты со стороны парламента.

К с. 58. *В том мало смеху...* — Высказывалось предположение, что эти строки, представляющие собой прямое обращение шута к публике, были первоначально импровизацией актера, исполнявшего эту роль, и лишь позже были включены в текст пьесы.

К с. 63. *...разошлем по всей стране его изображение.* — Во времена Шекспира такой способ поимки преступников уже применялся.

Мальчик мой. — В подлиннике Глостер называет Эдмунда loyal and natural, то есть своим верным и “естественным” сыном. Второй эпитет содержит два смысла: “натуральный” (в противоположность “законному” сыну Эдгару) и “любящий”, “сердечный” (в противоположность “бессердечному” Эдгару).

К с. 64. *...крестник моего отца...* — Один из типичных анахронизмов Шекспира.

К с. 68. *Если б ты попался мне в Липсберийском загоне...* — Так как местности под названием Липсбери не существует, то полагают, что это либо искаженное название

Финсбери, загон которого был весьма известен, либо просто шуточный образ: Lipsbугу может быть переведен как “город губ” (lip — губа); в таком случае “Липсберийский загон” означает “рот”. Кент хочет сказать: “Попадись ты мне на зубок”.

К с. 70. *...портной смастерил тебя.* — То есть “ты обязан сходством с человеком только платьем, сшитому портным”.

К с. 71. *...ижица, лишняя буква в азбуке!* — В подлиннике — Z (zed), которое считалось грамматиками того времени “лишней” буквой, поскольку передаваемый ею звук может быть изображен с помощью буквы S.

К с. 72. *Попался б ты мне, гусь...* — Сравнение с гусем подсказано смехом (гоготанием) Освальда.

К с. 83. *...столько огорчений от дочерей, что в год не сочтешь.* — В подлиннике каламбур: *dolour* (скорбь, печаль) и *dollar* (доллар).

К с. 84. *Надо отдать тебя в ученье к муравью.* — Эта тирада шута — ответ на первый вопрос Кента. Иронический смысл ее: “если ты не знаешь, почему при короле нет свиты, то ты не знаешь и следующих простых истин”. Пример муравья показывает, что состоявшие при Лире слуги знали, когда можно было от него поживиться: в пору его благополучия, а не в пору зимних невзгод.

К с. 106. *...святая вода светского общенья в сухом доме...* — В подлиннике — *court holy-water* — священная вода, которой кропили при дворе. Выражение это стало proverbialным (в смысле “придворная лесть”).

К с. 109. *У кого ума крупница...* — Этот куплет — вариант песенки, которою Фесте завершает “Двенадцатую ночь”; рефрен “И дождь, и град...” — в оригинале тот же.

К с. 110. *Мерлин* — в легендах о короле Артуре волшебник и прорицатель, живший, по преданию, в конце V и начале VI в. н. э. Лир, согласно Холиншеду, жил в IX в. до н. э.

К с. 114. *В терновнике северный ветер свистит...* — Думают, что эта строка — неточная цитата из какой-то старинной баллады.

Черт подкладывал Тому ножи под подушку... — Прodelки беса, подсовывающего орудия самоубийства и т.п., упоминаются в книге Харснета “Обличение отменных папистских плутней”, где приводятся показания человека, которого священники уверяли, будто он одержим бесом.

К с. 117. *Бес Флибертиджиббет* — один из бесов, упоминаемых у Харснета.

Витольд. — Святой, который считался защитником от кошмаров (“Мар”), насылаемых нечистой силой, которая заклиналась его именем.

К с. 118. *Но лишь мышей и крыс...* — по-видимому, отрывок из песни.

Смолкин, Модо и Мего. — Называемые Эдгаром имена бесов, иногда с незначительными звуковыми изменениями, встречаются у Харснета, но не являются его изобретением. Некоторые из них могли быть известны Шекспиру из фольклора и из современной ему демонологии.

К с. 122. *Наехал на черную башню Роланд...* — Отрывок из старинной баллады, содержание которой, по-видимому, одна из ранних версий сказки о Джеке, сокрушителе великанов.

К с. 124. *Фратеретто* — одно из имен бесов.

Нерон промышляет рыбачеством. — Предполагают, что это упоминание Нерона подсказано Шекспиру Рабле (английский перевод “Гаргантюа” появился в 1592 г.); см. “Гар-

гантюа”, книга II, гл. 30, где Эпистемон рассказывает о времяпрепровождении в царстве мрака великих грешников мира сего. Но у Рабле Нерон играет на флейте, а на удочку ловит (и не рыб, а лягушек) император Траян.

К с. 125. *Плыви ко мне, Бесси, через ручей.* — Эдгар начинает, а шут подхватывает отрывок из старинной английской баллады.

Не спи, пастух... — тоже отрывок из баллады.

К с. 126. *Мрр, мрр! Эта кошка — серая.* — Неясно, новое ли это название беса или принятое в английском языке подражание мурлыкающему коту (русское “мурр”).

Держи! — Имеется в виду Гонерилья, которая, по предположению Лира, убежала, пока он обращался к Регане (“А вот другая”), ибо, как явствует из дальнейшего, Регану он продолжает видеть перед собою.

К с. 127. *...стал сухим твой рог...* — Юродивые, бродя по дорогам, носили с собой рог, в который они трубили, возвещая о своем прибытии. Будучи закупорен, этот рог служил им сосудом, который наполнялся милостыней. Возможно, что эта фраза Эдгара имеет иносказательный смысл, а именно — что он не может больше выдержать принятой на себя роли.

Вы скажете, что это персидский наряд. — То есть одеяние, отличающееся восточной роскошью

А я лягу спать в полдень. — Эти слова шута, будучи естественным ответом на замечание Лира: “Ужинать мы будем утром”, представляют собой жестокую в данной ситуации шутку — картину ночного кутежа. Однако некоторые комментаторы находят в реплике шута еще другой, скрытый смысл. Дело в том, что это последние его слова; даже в окончании этой сцены он безмолвствует и после обращенных к нему слов Глостера: “Не стой без дела” — помогает унести

Лира и больше на сцене не появляется. Отсюда возможность понять его слова как извещение о предстоящем исчезновении его — не из жизни (как без всякого основания думают некоторые критики, стремящиеся его “похоронить”), а из пьесы, где с возвращением к Лиру разума гротескно обличительные функции шута на самом деле прекращаются.

К с. 176. *Какая шляпа славная!* — Этот возглас, прерывающий “проповедь” Лира и уводящий его мысли в другую сторону, комментаторы обычно объясняют тем, что Лир, став в позу проповедника, держит перед собой шляпу. Но возможно и другое объяснение: в своем бредовом состоянии Лир внезапно замечает войлочную шляпу Эдгара и продолжает говорить, указывая на нее.

К с. 180. *Проходи, господин хороший...* — И здесь, и в двух следующих репликах Эдгар, прикидываясь простым крестьянином, в подлиннике говорит на соммерсетском диалекте.

К с. 228. *Какой тоской душа ни сражена...* — Во всех кварто последняя реплика пьесы вложена в уста герцога Альбанского, но мы, следуя фолио, приписываем ее Эдгару в соответствии с одной из ведущих мыслей пьесы — что будущее принадлежит молодому поколению, и поэтому последнее слово произносит его представитель.

“Антоний и Клеопатра”

Хотя пьеса была зарегистрирована в книгоиздательских списках в 1608 г., издание это не было осуществлено и пьеса была впервые напечатана лишь в фолио 1623 г., дающем очень хороший ее текст.

Свою пьесу об Антонии и Клеопатре, написанную в

1594 г., английский драматург Дензел переиздал в 1607 г., внося в текст некоторые подробности, по-видимому, заимствованные из трагедии Шекспира. Равным образом намек на последнюю содержится в пьесе Барнеса “Грамота дьявола”, поставленной в том же 1607 г. С другой стороны, метрика “Антония и Клеопатры” указывает на то, что пьеса эта возникла позднее “Короля Лира” и “Макбета”. Скорее всего шекспировская трагедия была написана в 1607 г.

О ранних постановках ее сведений до нас не дошло.

История роковой любви великого римского полководца Антония и сказочной восточной красавицы Клеопатры и трагического самоубийства обоих была почти столь же популярна в западноевропейской литературе XI и XVII вв., как и история величия и падения Юлия Цезаря. Кроме уже упомянутой “Клеопатры” Дензела существовали по меньшей мере две английские пьесы того же времени на тот же сюжет: “Антоний” леди Пембрук (1592) — перевод французской пьесы Гарнье — и “Добродетельная Октавия” Брендона (1598). Однако, если Шекспир и знал эти пьесы, он, по-видимому, не почерпнул из них никакого материала для своей пьесы, для которой главным (если не единственным) источником послужили те же “Жизнеописания” Плутарха, что и для “Юлия Цезаря” и “Кориолана”, да еще — для некоторых мелких подробностей — “Гражданская война” Аппиана.

Как и в “Юлии Цезаре”, Шекспир и здесь весьма точно воспроизводит рассказ Плутарха. Но, почти ничего не меняя в сюжете, он внес много нового в характеристики главных персонажей и в осмысление основного действия и судьбы своих героев. Его Антоний является дальнейшим развитием образа, намеченного в “Юлии Цезаре”. Черты авантюризма и беспечного эпикурейства, а вместе с тем — смелости и вели-

кодушая, взаимно уравновешены в этом образе. Характер Клеопатры с ее капризностью, непостоянством, страстностью и обаятельностью считается многими критиками одним из лучших созданий Шекспира.

Сопоставляя шекспировское творение (“драматическую поэму”, как хотелось бы его назвать) с плутарховским рассказом, удивляешься тому, как близко английский поэт следовал за своим древнегреческим образцом, которым он пользовался, правда, не в греческом подлиннике, а в английском переводе Норта, сделанном с достаточно точного и весьма выразительного французского перевода XVI в. Амио (1-е англ. изд., 1578; 2-е изд., 1595). Число эпизодов, их порядок и взаимозависимость, подробности древнеримской и восточной жизни, черты характера главных, а иногда даже второстепенных персонажей, детали придворной обстановки, мелкие анекдоты ее, до нас сохранившиеся, — все это воспроизведено Шекспиром с удивительной точностью по Плутарху, согласно версии Амио — Норта. Пожалуй, здесь Шекспир еще ближе к своему античному источнику, чем в других аналогичных случаях (“Юлий Цезарь”, “Кориолан”, “Тимон Афинский”), — по крайней мере более старателен в следовании ему. И тем не менее у многих новейших критиков — и критиков, тонко чувствующих, — встает вопрос: были ли Шекспир и его современники достаточно вооружены, чтобы ощутить всю сложность и изощренность событий и отношений, изображаемых Плутархом, весь сладостный аромат египетской неги, потянувшей Антония ко дну и в конце концов его утопившей. И на вопрос этот некоторые критики — и критики весьма тонкие (Вальцель, Адлер) — отвечают отрицательно. Шекспир, по их мнению, был способен воспроизвести канву событий, описанных Плутархом, но не их “архитектонику” — не

скрытые силы, определившие глубокий смысл событий и их роковой исход. Чтобы быть способным на это, Шекспир был слишком здоровой, непосредственно чувствующей натурой, был слишком “варваром”.

Чтобы возразить должным образом этим критикам, мы располагаем одним ценным свидетельством, подводящим нас вплотную к шекспировской концепции этой трагедии — к пониманию особенного характера чувства, овладевшего Антонием и определившего его роковую судьбу, так же как и особое место, занимаемое Клеопатрой в сердце Антония, в их окружении, во всем мироздании. Энобарб, свидетель первой встречи Антония с Клеопатрой на реке Кидне (в Малой Азии), рассказывает о ней у Плутарха (приводим дословный перевод, выделяя курсивом слова, добавленные Шекспиром (II, 2) и следовательно, имеющиеся также в переводе, публикуемом нами здесь, равно как они содержатся и в наиболее точных из прежних русских переводов): “Корабль, на котором она находилась, подобно *лучезарному* престолу, пылал на воде: корма его была из *кованого* золота, а паруса — из пурпура и *напоены таким благоуханьем*, что ветры, *млея от любви*, приникали к ним. Весла были серебряные, и они ударяли по воде под звуки флейт, заставляя этим ее, *словно влюбленную в эти прикосновения*, струиться быстрее”.

Это удивительное описание, составляющее одно из центральных мест всей трагедии, имеет не только декоративное, но и глубоко смысловое значение. Уберите образы, самовольно внесенные Шекспиром в картину, нарисованную Плутархом, — что тогда останется? Красивое, пожалуй, волнующее описание, но целиком укладывающееся в рамки обыденного мышления и правдоподобия, тогда как полный шекспиров-

ский текст переносит нас в атмосферу чудесной сказки, волшебства, трансформирующего природу.

Шекспир ставит здесь вопрос, к которому он еще вернется в поздней своей пьесе “Зимняя сказка”, — вопрос об отношении искусства к природе, о взаимодействии между ними. В сцене IV, 3, на сельском празднике, между Утратой и королем Богемии Поликсеном, который, переодевшись, пришел тоже туда, происходит следующий разговор. Король спрашивает ее, отчего среди цветов, которые она разводит, нет левкоев.

И Утрата вынуждена сознаться: “Да, спору нет”. Но когда вслед за этим Поликсен делает логический вывод: “Так посади левкои, и незаконный цвет их не зови”, — она тотчас же берет свои слова назад.

Итак, спор здесь остался незаконченным, и Утрата в своей простодушной наивности говорит “нет!” притязаниям искусства на право “изменять” и “улучшать” природу. Но в рассказе Энобарба искусство победоносно утверждает свои права, вовлекая самую природу в орбиту своего суверенитета. Это триумф египетской царицы, заражающей и ветры и воды источаемой ею негой и сладострастием. “Счастливец же Антоний!” — восклицает Агриппа, еще не дослушав до конца рассказ Энобарба. И это далеко не единственный пример воздействия Клеопатры на окружающую ее обстановку, на всех близких к ней людей, в первую очередь на ее прислужниц. Нега, сладкая истома пропитывает все речи и жесты Хармианы и Иры. Возьмите их разговор с Алексасом: “Сиятельнейший Алексас, сладчайший Алексас, наипревосходнейший Алексас!..” (I, 2). Но еще очевиднее завораживающее действие, оказываемое ею на своего избранника и жертву — на самого Антония, — расслабляющее и обессиливает дейст-

вие, против которого он пытается восстать, бороться, протягивая руки к Октавию, к его сестре, к колыбели древней римской доблести — к героическому Риму, но безуспешно, бессильно.

Образы юношеской поэзии Шекспира, образы “Венеры и Адониса” обступают нас в этой трагедии заката, полной неистовой страсти и безысходной печали. Но это как раз нельзя считать знаком отклонения от Плутарха, еще менее — плохого понимания его. Весь рассказ Плутарха полон ощущения упадка, увядания раннего императорского Рима, отцветающего, распадающегося при первых цезарях. И в этом отношении Шекспир не только не упрощает или огрубляет трактовку плутарховской темы, но еще заостряет и утончает ее путем внесения дополнительных оттенков, идущих по той же линии, но с использованием иных, специальных художественных средств. Одно из таких средств — то, что некоторые черты рисуемой Шекспиром картины имеют не только декоративно-выразительное, но и прямое смысловое значение. Вернемся еще раз к образу “воды, влюбленной в удары серебряных весел”. Не так же ли и Антоний влюблен в удары, наносимые ему Клеопатрой? Ее насмешки, шутки, поддразнивая — не усиливают ли еще более его любовь, действуя совершенно так же, как действуют наряды, притирания и ароматы, то есть присоединяя к природным средствам еще средства искусства, чтобы окончательно заморозить, опьянить, довести до экстаза уже влюбленного или начавшего влюбляться? И не так же ли действуют на Антония любовные прикрасы и ухищрения Клеопатры, как, в описании Энобарба, на ветер действуют пурпур и благоухание парусов?

Свою переработку шекспировской трагедии, выдержанную в духе классицизма, Драйден озаглавил “Все за лю-

бовь” (1678), что могло бы послужить названием и шекспировской пьесы — настолько любовь в ней господствует над всем остальным. Однако слово “любовь”, чтобы быть верно понятым, требует некоторого уточнения. У Шекспира “любовь” редко выступает как сила губительная, фатальная. Трагическую трактовку любви, если не считать “Отелло”, где следует видеть скорее драму оскорбленной любви, чем драму ревности, надо искать только в “Ромео и Джульетте”. Но это — уникальная трагедия Шекспира и по своему замыслу и по композиции. Вообще же любовь относится у Шекспира скорее к сфере комедии, чем трагедии. Другое дело — “страсть”, часто выступающая в обличье похоти. Обычно это начало темное и уродливое, оскорбляющее истинную человечность и тянущее человека ко дну в моральном смысле или в смысле его физической гибели (две старшие дочери Лира с их мерзкими любовными похождениями, Клотен в “Цимбелине”, эротика “Меры за меру” или “Троила и Крессиды”). Но в “Антонии и Клеопатре” мы имеем совсем особый случай. Здесь “страсть” есть нечто дополнительное к “любви”, отнюдь не отвергающее или профанирующее ее, а, наоборот, как бы усиливающее и оживляющее ее силой своего вдохновенного экстаза. Итак, любовь плюс страсть! И этот “плюс” играет роль не острой приправы, воспламеняющей усталые чувства, но экстатического ухода в запредельное, из-под контроля логики и здоровых чувств. Довольно правильно поэтому говорит один из самых тонких и остроумных критиков Шекспира конца XIX в. Даудем: “Увлечение Антония Клеопатрой и едва ли в меньшей мере Клеопатры есть не столько чисто чувственное увлечение, как увлечение чувственного воображения”.

У Антония любовь и страсть всегда даны слитно, и его

попытки разъединить их, больше того — противопоставить друг другу, жестоко наказываются. У Клеопатры дело обстоит сложнее, мы скажем об этом далее. Но у Антония это — единый душевный процесс, закон его жизни, это — его судьба.

Хотя трагедия вбирает в свою сферу мировую историю, изумляя своей масштабностью и динамизмом, мерилom и нормой всего в ней совершающегося оказывается только любовь (страсть) Антония к Клеопатре.

Вот что, оказывается, надлежит доказать миру: не превосходство эллинского гения, не мощь и непобедимость римского оружия, а непревзойденность любви Антония и Клеопатры! И всякий оттенок иронии был бы здесь груб и неуместен — с такой проникновенностью и с таким достоинством обрисована в трагедии эта любовь. Трагедия буквально пропитана любовью главных героев. В тех сценах, где мы не видим Клеопатры (например, в римских сценах), ощущается ее незримое присутствие. Как в “Короле Лире” каждый уголок Земли в трагедии кажется ареной основного драматического действия, так и здесь любовь Антония и Клеопатры заполняет весь мир, все пространство, где движутся другие люди с их чувствами и интересами.

Но при всем том, несмотря на опустошающее, расслабляющее действие роковой любви (страсти) к Клеопатре, Антоний все время испытывает вспышки энергии, подобные воспоминаниям былой римской доблести, сопровождающие все доходящие до него вести из внешнего мира, — нечто вроде сокращения мускулов и глубоких вздохов, вырывающихся у красивого и мощного хищного зверя. И это — хрупкий и тонкий мостик, перебрасываемый Шекспиром от Антония из трагедии “Юлий Цезарь” к нашему Антонию.

Проблема оживления или повторения шекспировских

персонажей, переходящих из одной пьесы его в другую (иной раз даже “посмертно”, как Фальстаф в “Винзорских насмешницах”), представляет немалый интерес. Разрешение преемственности образа, в зависимости от обстоятельств, дается им по-разному. Конечно, самый костяк характера (как в случае с уже названным Фальстафом) остается неизменным, но отдельные черты настолько развиваются и дифференцируются, что можно было бы говорить о совершенно новом характере. С Антонием дело обстоит не так. Он существенно меняется, не переставая, однако, быть самим собой. Огромную роль играет его возраст, который изменился вместе с возрастом тогдашнего мира. Римская империя вступила в стадию увядания, пышного осеннего заката, и то же самое случилось с Антонием (блестяще показана картина нравов эпохи в сцене попойки триумвиров на борту корабля; II, 7).

Две темы трагедии — любовная и политическая — слились между собою, но не таким образом, чтобы первая влилась во вторую, а так, что вторая слилась с первой, окрасившись ею. Все стало трепетным, субъективным, неустойчивым. И Антоний поэтому уже не прежний римлянин. Как правильно говорит Филон, римская доблесть в нем задремала под избытком наслаждений. А Лепид говорит про Антония Цезарю. Он силен и “гениален”, но тем трагичнее его поражение. От прежнего Антония он сохранил порывистость чувств, стремительность, отчаянную смелость. Этим он прекрасен, но прекрасен, по выражению одного критика, как “падавший ангел”, как Люцифер. У него все же достаточно светлых порывов: он щедр, великодушен, благороден, иногда как-то внезапно (возврат им всего имущества, брошенного на ветер Энобарбом) чувствуете, каким престижем и привязанностью он пользуется у солдат. Для всех этих черт мы не видим

задатков у бывшего Антония, но не находим для них и противопоказаний. Антоний данной трагедии вырастает легко и вольно на роскошной почве. Ни в одной другой пьесе Шекспира мы не найдем характера, который бы так зависел от пороков, порожденных его эпохой. Он — гениальный сын своего времени (вернее — своего безвременья), когда честность и верность стали пустым звуком. Он говорит: “С чем я покончил, тому конец!” Но это не вероломство, не предательство, а легкомысленность и непосредственность, придающие ему чрезвычайное обаяние. Он правильно судит о себе, когда сравнивает себя с облаком (IV, 12). Однако он верен Клеопатре, ибо страсть сильнее его. Проиграв сражение, он бежит к ней и хочет, забыв позор ее измены, чтобы она его вооружила на последнюю смертельную схватку.

С этого момента и до самого конца трагедии Антоний предстает нам овеянный подлинно трагическим величием, ибо он столь же герой, сколь вызывает жалость подобно самому обычному человеку. И последнее утешение, которое он получает, это общечеловеческое, самое скорбное из утешений — быть похороненным с Клеопатрой, подобно Ромео и Джульетте, в общей могиле.

Такое же глубокое, слитное чувство испытывает и Клеопатра к Антонию. Было бы совершенно неправильно пытаться расщепить его, отделить в ее сердце любовь от страсти, больше того, как делают многие критики, — истинное увлечение от хитрой, расчетливой игры. Но известные черты мелочности, лживости, даже вероломства исключить невозможно. В сцене I, 5 она серьезно обсуждает со своими прислужницами вопрос, как вернее можно привязать или удержать возлюбленного, так, как если бы коварство, притворство было основной чертой ее характера. В решающем сражении с

Октавием она настояла — и добила своего, — что бой ему был дан не на суше, а на море. Для чего это ей было нужно? Чтобы, в случае поражения, охранить свои военные силы от полного разгрома и удержать свою власть в Египте. Но ведь это значило — обособить свою судьбу от судьбы Антония, “перестраховать” себя. А когда, наконец, все рушится, она уединяется в своей гробнице и начинает свою сложную игру — борьбу с Октавием, пытаясь утаить от него (в такую минуту!) часть своих сокровищ (V, 2), а главное — лишить его желанного триумфа с ее участием, и в конце концов берет верх и добивается своего...

Мы имеем здесь богатый материал для целого обвинительного акта, доказывающего расчетливость, корыстолюбие, двуличие Клеопатры. А между тем это не так... Стоит рассмотреть вихрь коротеньких (большею частью по 2-3 страницы), молниеносных, судорожных сцен IV акта, чтобы увидеть, какая буря чувств проносится в душе Клеопатры, чтобы завершиться в последнем акте аккордом освобожденной и просветленной любви — страсти, празднующей свой высший, скорбный триумф.

Читая этот акт, такой нервный по своей технике (но чисто конструктивно, не по внутренней выразительности), больше напоминающий хроники Шекспира, чем его трагедии, мы воспринимаем срывы Клеопатры не как ее “измены” Антонию, а как причудливые отклонения, тотчас же ею преодолеваемые в безмятежной ясности мыслей и чувств.

Этому судорожному и путаному акту противостоят две сцены V акта, где чувство Клеопатры (кроме эпизода с казначеем Селевком в V, 2) встает во всей своей правдивой патетике (“тот поцелуй, что мне дороже неба” и “Мне снилось — жил когда-то император по имени Антоний...”). Овеянная этим светлым лиризмом, Клеопатра уходит из пьесы.

По сравнению с обоими протагонистами трагедии остальные ее персонажи обрисованы весьма скупо и, можно сказать, сравнительно мало интересно. Относительно ярче других — Октавий, представляющий собой развитие образа своего тезки в “Юлии Цезаре”. Это единственный носитель идеи государственности в пьесе, натура насквозь рассудочная и чуждая иллюзий. Но не черствая (см. его теплые слова о покойном Антонии, V, 1), а лишь несколько трезвая и сухая. Живописен Секст Помпей. Но большинство соратников Октавия (Долабелла, Прокулей и другие) бесцветны или совсем неясны. Октавия — знакомый нам тип преданной и великодушной римской матроны (Порция в “Юлии Цезаре”, Валерия в “Кориолане”), близкий к интернациональным образам Корделии, Имогены (“Цимбелин”), Гермионы (“Зимняя сказка”). Все эти фигуры образуют приятный, но лишенный самостоятельной выразительности орнамент вокруг незабываемых образов Антония и Клеопатры.

А. Смирнов

Примечания к тексту “Антония и Клеопатры”

К с. 231-232. *Действующие лица.*

А н т о н и й Марк (82-30 гг. до н.э.) — римский полководец, сподвижник Юлия Цезаря; после смерти его (44 г. до н.э.) — член Второго триумvirата, совместно с Октавием Цезарем и Лепидом. В начале драмы Антонию 40 лет.

О к т а в и й (или Октавиан) **Ц е з а р ь** (63 г. до н.э. — 14 г. до н.э.) — внучатый племянник Юлия Цезаря, член Второго триумvirата; после разрыва с Антонием и победы над

ним (30 г. до н.э.) — самодержавный правитель Римского государства, принявший титул императора.

Л е п и д Марк Эмилий (89-13 гг. до н.э.) — сподвижник Юлия Цезаря, позже — третий член Второго триумvirата, вскоре отстраненный от власти Октавием.

С е к с т П о м п е й (75-35 гг. до н.э.) — сын Гнея Помпея Великого, член Первого триумvirата. Успешно воевал с Октавием и Антонием, но затем был разбит Антонием и умер в заточении.

М е ц е н а т Гай Цильний — друг Октавия, римский аристократ, покровитель поэзии и искусств. Умер в 9 г. до н.э.

К л е о п а т р а (69-30 гг. до н.э.) — царица Египта, дочь Птолемея Авлета. По завещанию отца вышла замуж за своего брата Птолемея Диониса и правила совместно с ним. Затем была свергнута с престола, но в 47 г. до н.э. восстановлена на нем Юлием Цезарем. После смерти Цезаря сблизилась в 41 г. до н.э. с Антонием, участь которого разделила до конца, как изображено у Шекспира. К началу драмы ей 27 лет.

О к т а в и я — сестра Октавия Цезаря, после смерти своего первого мужа Марка Клавдия Марцелла вышла замуж за Марка Антония.

К с. 233. ...один из главных трех столпов вселенной... — член триумvirата.

К с. 234. Тогда создай другую твердь и землю. — то есть любовь не знает границ.

Фульвия — первая жена Марка Антония.

...юный Цезарь... — В начале драмы Октавию шел всего лишь двадцать второй год.

К с. 240. ...буду горячить печеньку пьянством. — Печень, как и сердце, считалась носителем страстей.

К с. 244. И ей войной ответил брат мой Люций? —

События, о которых рассказывает гонец, заключались в следующем. В то время как Антоний и Октавий вели на окраинах римского государства войну с республиканцами, убившими Юлия Цезаря, жена Антония Фульвия сделалась в Риме почти диктатором. После недолгой борьбы с консулом Люцием Антонием, братом Марка Антония, Фульвия выступила совместно с ним против Октавия, который к этому времени развелся со своей женой Клодией, дочерью Фульвии от первого ее брака. Война эта закончилась в 41 г. до н.э. победой Октавия.

К с. 245. *Лабие* Квинт — римский полководец, сын Тита Лабиена, сподвижника Юлия Цезаря (см. трагедию “Юлий Цезарь”); бежал к парфянам и в союзе с ними вел войну против Рима. Был разбит Вентидием, полководцем Антония (III, 1).

К с. 246. *Сикион* — город в Греции. Проиграв войну против Октавия, Фульвия уехала в Грецию для свидания с Антонием. После бурного объяснения между ними и отъезда Антония в Египет Фульвия вскоре умерла, не перенеся его измены.

К с. 249. *...и страшен преобладаньем на море.* — Помпей, изгнанный из Рима триумвирами, захватил ряд хлебных областей — Сицилию, Сардинию и Корсику — и подверг Рим голодной блокаде.

К с. 250. *...как конский волос, который может сделаться змеей.* — Было поверье, что перегнивший конский волос превращается в змею.

К с. 258. *...этот римский Геркулес.* — Антоний лицом был похож на статую Геркулеса, потомком которого считался.

К с. 263. *...бежал ты из Модены...* — Во время войны с республиканцами, убившими Юлия Цезаря, Антоний осадил

в 43 г. до н.э. одного из их вождей в Модене (древней Мутине), в северной Италии. Тогда на выручку осажденным римский сенат послал войско под начальством консулов Пансы и Гирция, которые разбили и обратили в бегство Антония, но сами погибли в сражении.

К с. 266. *Дай мандрагоры выпить мне.* — Мандрагоре приписывалось снотворное действие.

К с. 268. *Атлант с полмиром на плечах...* — Атлант — мифический великан, поддерживающий небосвод.

К с. 269. *...когда был жив широколобый Цезарь.* — Согласно Плутарху, Юлий Цезарь, когда был в Египте, также подпал под влияние чар Клеопатры. Что касается Помпея, то Шекспир допускает ошибку: Плутарх сообщает, что Клеопатра пленила не Помпея Великого, а его сына Гнея Помпея.

К с. 271. *Бумаги и чернил...* — один из ярких анахронизмов Шекспира.

К с. 278. *Я даже не побрил бы бороды.* — Презрительный намек на юный возраст (безбордость) Октавия.

К с. 289. *У Мизен.* — Имется в виду Мизенский мыс близ Неаполя.

К с. 290. *Кидн* — река в Малой Азии (нынешняя Карасу)

К с. 299. *...его филиппский меч.* — При Филиппах (I Македонии) в 42 г. до н.э. Антоний и Октавий в двух сражениях разбили армию республиканцев, возглавляемую убийцами Юлия Цезаря Брутом и Кассием.

К с. 308. *Я Цезаря Антонию в угоду бесславила.* — Клеопатра говорит здесь о Юлии Цезаре.

К с. 310. *...решились окровавить Капитолий?* — На Капитолийском холме в Риме помещалось здание сената, котором убили Юлия Цезаря.

К с. 311. *...на суше ты забрал дом моего отца.* — Когда

продавался дом Помпея, Антоний купил его, но потом отказался заплатить деньги.

К с. 315. *Царицу носил в потемках Цезарю в мешке.* — Согласно Плутарху, Юлий Цезарь, заняв Александрию, вызвал из изгнания свергнутую с престола Клеопатру и в первый раз виделся с Клеопатрой тайно. Приближенный Клеопатры Аполлодор в сумерках повез ее в лодке ко дворцу Цезаря, она легла в мешок для постели, и Аполлодор, стянув его ремнями, в таком виде внес Клеопатру к Цезарю.

К с. 329. *Марк Красс* — римский консул, возглавлял поход против парфян в 53 г до н.э., был разбит парфянским царем Ородом и затем предательски умерщвлен во время переговоров. Сын Орода, Пакор, был разбит Венгидием.

К с. 332. *Феникс* — легендарная птица, будто бы обладавшая бессмертием. Имя ее — символ красоты и величия.

К с. 348. *Цезарион* — сын Клеопатры от Юлия Цезаря.

К с. 349. *Из сыновей он одного нарек...* — Речь идет о двух сыновьях Клеопатры и Антония — Александре и Птоломее.

К с. 352-353. Перечисляемые Шекспиром восточные цари упоминаются у Плутарха.

К с. 354. *Акциум* (Акций) — коса при входе в Амбракский залив на западном побережье Греции.

К с. 356. *Брундизий* (ныне Бриндизи) — римский порт в южной Италии.

Тарент — город в южной Италии.

Торина (ныне Парга) — город в Эпире (северная Греция).

К с. 357. *В Фарсалах... в памятной войне Помпея с Цезарем.* — В этой битве (48 г. до н.э.) Цезарь одержал победу над Помпеем Великим, решившим борьбу между ними.

К с. 359. *Фетида* — богиня моря, мать Ахилла.

К с. 365. *Пелопоннес* — южная часть Греции.

К с. 368. ...*как плясун, держал без пользы меч в ножнах...* — Во времена Шекспира кавалеры для танцев нацепляли особые декоративные мечи.

...*худого Кассия...* — так Кассий охарактеризован уже в “Юлии Цезаре”.

К с. 373. *Птолеми* — царская династия, правившая в Египте. Птолемей XI — отец Клеопатры.

К с. 386. ...*стада Басанского холма перереветь.* — Басанский холм со множеством ревущих тельцов на нем — библейский образ, взятый из псалмов Давида.

К с. 398. *Бог Геркулес, Антониев патрон, уходит от него.* — Согласно Плутарху, Антоний считал своим “богом-покровителем” Геркулеса лишь в военное время, а в мирное — Диониса, бога вина и веселья.

К с. 420. *На мне рубашка Несса.* — Здесь намек на следующие эпизоды из мифа о Геркулесе (иначе Алкиде), которого Антоний считал своим предком. Кентавр Несс, на смерть пораженный Геркулесом за попытку оскорбить его жену Деяниру, захотел после смерти отомстить Геркулесу и с этой целью дал Деянире пропитанную ядом рубашку, сказав, что она будто бы обладает чудесным свойством возвращать супружескую верность. Когда впоследствии Геркулес изменил Деянире, она послала ему через своего раба Лихаса эту рубашку. Надев ее, Геркулес сразу же почувствовал тяжелые страдания и, схватив Лихаса, бросил его в море.

Теламон — намек на эпизод из мифа о троянской войне. После смерти Ахилла одним из претендентов на его доспехи выступил Аякс Теламонид (у Шекспира — Теламон). Доспехи, однако, были присуждены Одиссею. Тогда Аякс от

ярости сошел с ума и перебил стадо баранов, приняв его за обидевших его греков.

Фессалийский (или калидонский) вепрь — чудовищный вепрь из древнегреческого сказания, будто бы посланный богиней Артемиддой (Дианой) и долго опустошавший Калидонскую область, был убит Мелеагром.

К с. 424. *Семиричный щит Аякса*... — Щит Аякса состоял из семи пластов воловьей кожи.

К с. 425. ...*отобъем друзей у бедного Энея и Дидоны*. — Шекспир здесь неточен. По Вергилию (см. "Энеида", VI, 472-474), Дидона после смерти соединилась со своим мужем Сихеем, а не с Энеем.

К с. 459. *Собака, раб, бездушный негодяй!* — Хотя сохранившийся текст и не содержит ремарки, несомненно, в данный момент Клеопатра бьет Селевка, как об этом рассказывает Плутарх.

СОДЕРЖАНИЕ

Король Лир.

Перевод Б.Пастернака 5

Антоний и Клеопатра.

Перевод Б.Пастернака 229

Примечания и комментарии 475

Вильям Шекспир
Полное собрание сочинений
в 14 томах
Т о м 10

Редактор А.Любимов
Технический редактор А.Дудецкий
Художественный редактор И.Сайко
Сканирование и обработка Григорий Дерюгин
Корректоры И.Левтонова, Е.Шишкова

